

В ЕГИПТЕ И НА ЗАНЗИБАРЕ (1960–1966 ГГ.)

Мемуары советских военных переводчиков

Москва 2011

Издательство «Memories»

В ЕГИПТЕ И НА ЗАНЗИБАРЕ (1960–1966 гг.)

Мемуары советских военных переводчиков

Редакторы-составители:

к.и.н. полковник запаса Токарев Андрей Александрович

к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

Редактор **Гришина Нина Владимировна**

© Институт Африки РАН, 2011

© Токарев А.А., составление, 2011

© Шубин Г.В., составление, 2011

© Издательство Memories, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

В ЕГИПТЕ

Иванов Анатолий Николаевич 4

НА ЗАНЗИБАРЕ, НЕМНОГО О СЕБЕ И ДРУГИХ

Тетерин Олег Иванович..... 102

В ЕГИПТЕ

Иванов Анатолий Николаевич¹

– **Представьтесь, пожалуйста.**

– Меня зовут **Анатолий Николаевич Иванов.**

– **Что вы окончили?**

– В 1960 г. я окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР по специальности «Международные отношения». В институте изучал китайский и английский языки.

– **И как получилось, что вы попали в Египет?**

– К работе военным переводчиком с английским языком в Египте я приступил в конце августа 1960 г. Можно сказать, что попал туда случайно. Причин было две. Первая: к тому времени, когда я закончил институт, советско-китайские отношения, по которым я специализировался, серьёзно осложнились, потребность в специалистах по Китаю резко упала. Для нас, выпускников, стало очевидно, что ухудшение отношений носит долговременный характер и найти работу по специальности будет проблематично. Словом, мы заранее

---

¹ Воспоминания записаны в 2009 г. к.и.н. **Г.В. Шубиным**, с обширными дополнениями старшего научного сотрудника Института Африки РАН **А.Н. Иванова** в 2009–2010 гг.

приготовились к тому, что на распределительной комиссии Института придётся соглашаться на любую работу, которая будет предложена.

Другая, не менее, если не более, серьёзная причина состояла в том, что даже при условии самостоятельного нахождения работы по специальности в Москве (к примеру, в китайской редакции Иновещания Радиокomiteта СССР, которая в то время расширялась) я не мог туда устроиться из-за отсутствия у меня постоянной московской прописки.

Без постоянной прописки и в то время на работу невозможно было устроиться. Лимит на прописку имело лишь ограниченное число центральных госучреждений, которые использовали его отнюдь не для начинающих выпускников. Положение усугублялось ещё и тем, что я, в отличие от некоторых своих иногородних сокурсников, решивших эту проблему женитьбой на москвичках, не мог побудить себя пойти на такой шаг: считал это неэтичным.

Проблема прописки и жилплощади не снималась для меня и в случае моего согласия уехать работать на периферию. Было несколько организаций (например, Ташкентский университет, открывший в 1960 г. китайское отделение и набиравший преподавателей китайского языка), которым требовались специалисты моего профиля. Но они в лучшем случае предлагали временную прописку и место в студенческом общежитии. Не мог я вернуться и к себе на родину, в приуральскую сельскую глубинку, где устроиться на работу было ещё сложнее.

В свою очередь, не всё складывалось благополучно и в нашем «alma mater», созданном в октябре 1944 г. на базе международного факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

МГИМО славился заботой о своих выпускниках. Но после двукратного слияния – сначала в 1954 г. с Московским институтом востоковедения (МИВ) (бывший Лазаревский институт восточных языков – старейшее в России дипломатическое высшее учебное заведение, основанное ещё в 1815 г.), а затем в

1958 г. с Институтом внешней торговли МВТ (СССР), – образования двух новых факультетов: международных отношений (с западным и восточным отделениями) и внешнеэкономических отношений, руководство МГИМО испытывало серьёзные трудности с распределением расширившегося контингента выпускников, особенно «восточников». Исключение составляли лишь монголоеды, вьетнамисты и арабисты, на которых всегда был устойчивый спрос.

В надежде на улучшение конъюнктуры в будущем МГИМО принимал такие меры, как продление срока обучения с 5 до 6 лет, сокращение приёма на временно «неходовые» отделения, «корректировка» численности студентов II – IV курсов за счёт отчисления тех, кто в ходе летних экзаменационных сессий получил недостаточно высокие оценки, правда, с правом поступления без экзаменов в любой другой вуз страны.

Так же поступала в 1953 и 1954 гг. и дирекция МИВ, ежегодно сокращавшая свой контингент студентов вдвое. Впоследствии многие из отчисленных из МИВ студентов получили широкую известность на новом своём поприще. Достаточно назвать **Андрея Тарковского**, **Юлиана Семёнова** [**Ляндреса**]² и др.

Добрая половина попавших под сокращение студентов МГИМО перешла в Московский геологоразведочный институт на факультет «Разведка месторождений», где им было обещано продолжение изучения восточных языков с перспективой командировки в страны изучаемых языков для участия там в геологоразведочных экспедициях. Другая часть перешла в Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МГПИИЯ) (затем – МГПИИЯ им. Мориса Тореза, ныне – Московский государственный лингвистический университет), в МГУ им. М.В.Ломоносова, а также в институты:

---

² **Ляндрес (Юлиан Семёнов)** был исключён из Московского Института Востоковедения в 1952 г. на пятом курсе и восстановился в 1953 г. (после смерти **Сталина**) и в том же году закончил институт (прим. ред.-сост.).

стали, горный, цветных металлов, строительный, медицинские, химико-технологический и десятки других, включая кинематографию.

Новым в практике руководства МГИМО в эти годы было также то, что выпускников со знанием восточных языков стали распределять не по их основной специальности, а направлять в распоряжение тех госучреждений и организаций, которым требовались переводчики западных языков для командировки в развивающиеся страны, где при помощи Советского Союза строились сотни промышленных, сельскохозяйственных и научно-образовательных предприятий и центров.

– Кого всё же институт в первую очередь направлял переводчиками в развивающиеся страны?

– Переводчиками могли направить практически любого выпускника, хотя некоторое предпочтение при этом всё же отдавалось иногородним выпускникам, которых сложнее было трудоустроить. Препятствие здесь могло возникнуть лишь при рассмотрении характеристик-рекомендаций, требовавших утверждения вплоть до ЦК КПСС. Тогда насчитывалось свыше десяти (!) «выездных комиссий» и инстанций, принимавших участие в рассмотрении и утверждении характеристик для выезжающих в капстрану. А Египет подпадал под эту категорию, требовавшую особо тщательного отбора и особой идеологической стойкости кандидата.

Новым моментом здесь было только то, что если во второй половине 1950-х годов наших выпускников направляли переводчиками в страны Южной и Юго-Восточной Азии, то, начиная с 1959 г., стали в основном командировать в страны Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. В том числе по линии 10-го Главного управления Генерального штаба Министерства обороны СССР (ныне – Главное управление международного военного сотрудничества Минобороны РФ), кото-

рое тоже испытывало дефицит в переводчиках в связи со значительным расширением военного и военно-технического сотрудничества СССР с развивающимися странами.

У нас, иногородних выпускников, был небольшой выбор: согласиться на «свободное» распределение и пробавляться случайными заработками: переводами, рефератами в ВИНТИ работ иностранных учёных по математике, физике, биологии и гуманитарным наукам, или поехать переводчиками в страны Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки по линии хозяйственных, образовательных, научных или военной организаций, оставив решение вопроса о прописке на будущее.

– Кстати, несколько забегая вперед, как позже решился этот вопрос у ваших каирских коллег? Многим ли из них удалось впоследствии остаться в Москве, или им всё же пришлось уехать на родину?

– У всех он решался по-разному. Часть ребят, которые были родом из таких крупных городов, как Ленинград, Киев, Харьков, Горький, Минск, после возвращения из командировки уехали на родину и попытались сначала устроиться на работу у себя дома. У некоторых это получилось. Так, **Дмитрий Плюхин**, например, с которым я работал сначала в Исмаилии, а позже в авиационной группе в Каире, вернулся в Ленинград и устроился работать преподавателем английского языка в Ленинградском нахимовском училище. К себе на родину уехали также работавшие со мной **Владимир Гусев** (в Киев), **Станислав Кузнецов** (в Иваново) и ещё ряд других.

Те, кто не смог найти работу дома, вновь вернулись в Москву, и им пришлось преодолеть серьёзные трудности, чтобы закрепиться в Москве. В конечном счёте, большинство из них остались работать в Москве. Ограничусь лишь несколькими примерами.

Так, **Дмитрий Тулаев**, с кем я в студенческие годы делил комнату в общежитии института, а позже работал в Ис-

маилии и Каире, сначала вернулся в Горький, откуда был родом, некоторое время поработал там в областной молодежной газете, а затем, вернувшись в Москву, женился на выпускнице нашего института, с которой дружил ещё в студенческие годы, и устроился на работу в Комитет молодежных организаций (КМО) СССР. Позже он работал корреспондентом «Комсомольской правды» в Чехословакии, сотрудником Агентства печати «Новости». Похожую карьеру сделали ещё ряд моих каирских коллег. **Борис Фетисов** после окончания института стал корреспондентом «Известий» сначала в Алжире, а потом в Восточной Африке. А **Владимир Корочанцев**, демобилизовавшись из армии, устроился на работу в африканскую редакцию ТАСС. За годы работы в Агентстве вдоль и поперёк исколесил всю Тропическую Африку, написал шесть интереснейших книг о жизни и быте народов этой части континента, активно сотрудничал с редколлегией журнала «Азия и Африка сегодня». Поступил на работу в ТАСС и другой мой коллега – **Юрий Устименко**, сначала был корреспондентом на Занзибаре, а затем в США.

Иной сложилась судьба, например, у другого моего коллеги **Виктора Луцкевича**. Он буквально через год–другой после возвращения из Египта защитил кандидатскую диссертацию по внешней торговле ОАР, но после определённых колебаний решил всё же остаться военным переводчиком и до отставки преподавал военное страноведение в Военном институте иностранных языков (ВИИЯК).

– **Как этот вопрос решился у вас?**

– Получение прописки не потребовало от меня никаких «жертв» и произошло до неожиданности просто.

После возвращения из Каира в 1964 г. я, обзванивая всех своих бывших каирских коллег, в один из дней дозвонился до **Володи Ткаченко**, моего сокурсника по институту, с которым

проработал около трёх лет в авиационной группе в Исфахани и Каире. Он работал в Иностранном отделе Президиума АН СССР. От него узнал, что у них в отделе открывается новая вакансия – референт по странам Южной и Юго-Восточной Азии. Причиной выделения дополнительной ставки Иностранному отделу стало, по-видимому, значительное расширение объёма научных связей между Советским Союзом и странами этого региона, прежде всего с Индией. Хотя непосредственным толчком к выделению штатной единицы, как это у нас часто бывает, послужили политические факторы: ожидался визит в СССР нового премьер-министра Индии **Лала Бахадур Шастри**, вице-президента Индии **Закира Хуссейна** и большой группы индийских учёных, в числе которых были физики, химики и минерологи. Визит премьер-министра Индии был в значительной степени связан с посредническими инициативами Председателя Совета министров СССР **А.Н. Косыгина** в индо-пакистанском конфликте³.

Вскоре **Володя** представил меня заведующему Иностранного отдела **Степану Гавриловичу Корнееву**, симпатичному и чрезвычайно деликатному человеку. Поговорив со мной в весьма доброжелательном духе минут двадцать, он сказал, что моя кандидатура его вполне устраивает. К моему удивлению, его не смутило отсутствие у меня постоянной прописки.

Судя по всему, он уже знал об этом со слов **Ткаченко** или **Б.Н. Найдёнова**, другого нашего выпускника, окончившего институт годом раньше меня и работавшего в группе соцстран Иностранного отдела. Кстати, оба они были по образованию индологами: первый в институте изучал урду, а второй – хинди, то есть, по логике вещей, именно одного из них и следовало бы перевести на ту работу, на которую брали меня, но у **С.Г. Корнеева**, по-видимому, был свой взгляд на вопрос о расстановке кадров.

---

³ Имеется в виду Ташкенское соглашение заключённое позднее, в 1965 году (прим. ред.-сост.).

Касаясь прописки, **Корнеев** твёрдо заверил меня в том, что поможет получить её, если я, со своей стороны, возьму на себя решение части этого вопроса. Не раздумывая, я дал согласие.

Суть нашего «джентльменского» соглашения состояла в следующем: **Корнеев** «выбивает» для меня разрешение Моссовета и Главного управления внутренних дел (ГУВД) Москвы на постоянную прописку, а я, в свою очередь, покупаю кооперативную квартиру, чтобы у меня была площадь, куда я мог бы прописаться (без наличия жилплощади прописка не предоставлялась).

Я тогда ещё не знал о недавно принятом постановлении Моссовета, упрощавшего процедуру предоставления прописки иногородним жителям, прожившим и проработавшим в Москве 10 и более лет и имевшим свою жилплощадь. **Степан Гаврилович**, знавший об этом постановлении, хотел, по-видимому, воспользоваться этим только что принятым актом. Буквально через час юристы Иностранного отдела подготовили в Моссовет и ГУВД письмо за подписью вице-президента АН СССР с просьбой дать согласие на предоставление постоянной прописки «специалисту со знанием западных и редких восточных языков», в котором нуждается Президиум Академии наук, проживающему в Москве более 10 лет (имелось в виду шесть лет учёбы и 4 года командировки в Египте) и имеющему возможность приобрести жилплощадь в кооперативном секторе.

В тот же день **Корнеев** побывал на приёме у вице-президента АН СССР **Петра Николаевича Федосеева**, получил его подпись и «добро» на отправку моих документов в Моссовет и ГУВД Москвы. Поскольку ни **Корнеев**, ни **Федосеев** не сомневались в положительном решении Моссовета, меня сразу же решили приобщить к работе отдела. Для начала было поручено в трёхдневный срок подготовить перевод с английского языка на русский основных тезисов докладов на международном философском конгрессе, куда **Федосеев** собирался лично поехать. В тот же день мне в комнате Группы развивающихся стран поставили стол и пишущую машинку, и я сел за перевод.

Через три дня работу закончил: все тезисы были переведены. По указанию **Корнеева** я отнёс перевод **Петру Николаевичу**, который, внимательно просмотрев его, остался им удовлетворён. Во время беседы **Пётр Николаевич** сообщил мне об ожидающемся приезде в Москву главы британской программы ядерных исследований, лауреата Нобелевской премии **Джона Дугласа Кокрофта**, а также вице-президента Индии **Закира Хуссейна** и большой группы индийских ученых, и спросил, не соглашусь ли я сопровождать сэра Джона и индийских гостей в качестве переводчика во время их пребывания в Москве. Пётр Николаевич посоветовал мне за оставшееся время подучить терминологию, которая может понадобиться во время переговоров и бесед и посещения гостями Президиума, институтов и музеев АН СССР.

Сейчас, по прошествии почти полувека, я сожалею лишь о том, что не решился попросить у **Петра Николаевича** разрешения пригласить на встречу **Джона Кокрофта** с нашими учёными–ядерщиками в Институте ядерной физики АН СССР трёх своих друзей – аспирантов МГПИИЯ им. Мориса Тореза **Галину Николаевну** и **Анатолия Петровича Аксёновых**, а также студентку последнего курса того же института **Наталию Николаевну Добрынченко**, с которыми я познакомился в Каире. Они по четыре и два года соответственно проработали переводчиками в атомном центре в Каире и досконально знали терминологию по ядерной физике.

Между тем, в Институте ядерной физики, где мы с г-ном Кокрофтом провели весь день, мне впервые в моей переводческой практике пришлось испытать ряд крайне неприятных минут. Пока мы беседовали с директором Института академиком **А.А. Александровым** и его ближайшими коллегами, обходили институт, лаборатории и реакторы, я вполне справлялся с переводом. Но когда началась встреча с коллективом института, на которой присутствовали сотни полторы наших видных учёных-ядерщиков и вопросы посыпались одновременно со всех концов зала, я почувствовал, что мне здесь одному не управиться.

Я не успевал переводить все вопросы, ответы и реплики, раздававшиеся практически одновременно со всех концов зала, чем поневоле тормозил крайне интересную для присутствующих живую беседу.

Тогда мне впервые в моей переводческой практике пришлось пойти на отчаянный шаг: остановить дискуссию и спросить у сидящих в зале, нет ли среди них желающих помочь мне с переводом. Вызвались двое сотрудников, прилично владевших языком. Дискуссия сразу оживилась...

Другим событием, запомнившимся мне в связи с приходом **Кокрофта**, был приём, устроенный в его честь семьёй академика **Петра Леонидовича Капицы** на его вилле на Воробьёвых горах, где, кроме членов его семьи – супруги **Анны Алексеевны**, сыновей **Сергея** и **Андрея**, присутствовали также семья академика **Н.Н. Семёнова**, известные учёные, знакомые с гостем по совместной работе в Англии или по его предыдущему приезду в Москву.

Я никогда раньше не сталкивался с нашими выдающимися физиками и химиками и мало что знал об их жизни и работе. Поэтому мне было всё в новинку.

Больше всего меня поразило то, что практически все гости бегло говорили по-английски, причём некоторые из них, в частности, сам **Пётр Леонидович**, владели им в совершенстве. Он пересыпал свою речь такими английскими шутками-прибаутками, что, случись переводить, пришлось бы долго подыскивать адекватные им русские выражения. Удивила меня также теплота отношений между хозяином и гостем.

Лишь позже по отдельным репликам я понял, что **П.Л. Капицу** и **Дж. Кокрофта** связывают дружеские отношения ещё с начала 1920-х годов, когда они вместе начинали работать в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета **Эрнеста Резерфорда** в Англии. Работы в этот вечер у меня оказались немного, так как большинству гостей помощь переводчика не требовалась.

Не менее интересным был и визит вице-президента Индии **Закира Хусейна** и индийских учёных в Президиум Академии наук и Минералогический музей АН СССР, где им в торжественной обстановке академик АН СССР **А.П. Виноградов** вручил образцы минералов, встречающихся на территории СССР.

– Встречались ли вы со своими сокурсниками в Каире или в других местах?

– Да, но крайне редко. Когда они происходили, возникало чувство, что встретил чуть ли ни близкого родственника. Приведу лишь один пример. Так, приехав в Каир, в холле гостиницы в Гелиополисе (восточный пригород Каира), куда меня должны были поселить, я, к своему удивлению, увидел своего сокурсника **Гришу Киселёва**, родом из Коломны, учившегося последние два года со мной в одной языковой группе. Несмотря на разницу в возрасте (он был старше меня на 12 лет, прошёл войну, с которой вернулся капитаном, демобилизовался, поступил учиться в МИВ, а после III курса направлен в Харбин, где проработал пять лет в советском консульстве). Мы с ним в институте поддерживали самые тёплые дружеские отношения. На языковых занятиях всегда садились рядом.

Для меня так и осталось загадкой, почему 10-е Управление Генштаба предпочло взять переводчиком, например, меня или других моих сокурсников, а не его, человека, прошедшего войну и награждённого несколькими боевыми наградами... Оказалось, что **Киселёв** уже месяц работает переводчиком на Хелуанском металлургическом комбинате.

– А как начиналось оформление на работу в Египет?

– В начале августа 1960 г. наша группа в количестве двадцати с лишним человек, давших согласие на работу по линии 10-го Управления, встретилась в бюро пропусков Генштаба

на Гоголевском бульваре. Оформив пропуска, мы поднялись на лифте на восьмой этаж, где нас уже дожидался полковник **Бобров**. С ним мы познакомились ещё в период его участия в работе распределительной комиссии института. Тогда он приложил немало сил, чтобы убедить нас, отобранных им выпускников по только ему известным принципам, дать согласие на работу переводчиками по линии этого Управления.

К слову сказать, в полковнике **Боброве**, кряжистом мужике, одетом в стандартную, без особого лоска, военную форму и меньше всего похожего на наших маститых профессоров и преподавателей, с самой первой встречи меня поразила неожиданная широта и глубина взглядов, умение кратко и ясно излагать свою мысль. Он оказался чрезвычайно внимательным, заботливым и отзывчивым человеком, по-отечески опекавшим нас, тогда ещё молодых выпускников, все годы нашей работы по линии «десятки», помогавшим нам при решении наших как производственных, так и бытовых вопросов.

Я не без оснований отношу его к той категории людей, которых в те годы в лучших советских традициях называли «наставниками». До сих пор вспоминаю с чувством глубокой благодарности, как он во время наших отпусков в буквальном смысле навязывал нам путёвки в лучшие ведомственные санатории и дома отдыха, дружески беседовал с нами о специфике нашей, как он выражался, «толмаческой» работы, вникал в наши трудности, ненавязчиво подсказывая оптимальное решение. Помогал нам советами даже по таким вопросам, как выбор одежды и обуви с учётом климата в Египте (в те годы 10–е Управление одевало и обувало всех, направляемых им за рубеж по своей линии), называл адреса магазинов, где мы могли приобрести необходимые нам новейшие словари.

При первом же моём обращении к нему с просьбой, нельзя ли помочь улучшению жилищных условий моей матери, проживавшей в одном из райцентров северо-западной Башкирии, он быстро решил этот вопрос. Она вскоре получила от военко-

мата новую квартиру. Такие же положительные отзывы о **Боброве** я слышал и от других своих коллег.

В заключение мне хотелось бы упомянуть ещё об одной черте его характера – активном участии в общественной жизни своей организации. «Общественником» он был, что называется, по призванию. В течение всех четырёх лет нашей работы по линии «десятки», он был бессменным секретарем партбюро Управления. Одной из важнейших задач на этом посту **Бобров** считал подбор и приём молодежи в партию. Поэтому неудивительно, что с первых встреч с нами он стал присматриваться к нам не только как кадровик – «направленец» (так называли офицеров 10-го Главного управления Генштаба, обеспечивающих кадровое наполнение групп советских военных советников и переводчиков за рубежом), но и как руководитель партийной организации. Среди тех, кто получил от него рекомендацию и был принят в «десятке» в партию, был и я, чем всегда гордился.

Итак, полковник **Бобров** встретил нас как своих старых друзей. Рассадив в своём кабинете, он подробно проинформировал нас о военно-политической и социально-экономической ситуации в Объединённой Арабской Республике (ОАР), состоявшей в то время из двух частей – Египта и Сирии.

Из его слов явствовало, что независимая внешняя политика, проводимая руководством ОАР, – заключающаяся в отказе от односторонней ориентации на Запад, поддержке политики «позитивного нейтралитета» и оказании помощи национально-освободительным движениям в странах Арабского Востока, в частности, Фронту национального освобождения Алжира, а также в установлении связей со странами социалистического содружества, – встречает ожесточенное сопротивление со стороны не только внешних империалистических сил, но и внутренней реакции. Лидеры молодого государства отчётливо осознавали, что проведение независимой внешней политики возможно лишь при условии наличия сильной армии, способной защитить суверенитет страны, а

это, в свою очередь, требует модернизации армии, приобретения современного оружия.

Бобров не скрыл, что правительство ОАР пошло на сближение с Советским Союзом только после отказа США и других стран Запада предоставить ему военную и экономическую помощь, как не скрыл и его колебаний, связанных с покупкой у стран Варшавского Договора оружия и с согласием на приезд советских военных специалистов, которые должны были на месте обучать местный военный персонал.

Затем **Бобров** остановился на характере и специфике нашей предстоящей работы, на нормах поведения советских граждан в странах пребывания, а также на тех трудностях, с которыми нам придётся столкнуться в своей работе. Поскольку большинство из нас пришли в «десятку» со вторым языком, он потребовал от нас постоянно повышать свой языковой уровень, регулярно читать местную прессу, почаще бывать в кинотеатрах, не скупиться на покупку словарей и разговорников, помогать нашим военным специалистам в освоении технической и бытовой лексики.

Касаясь срока нашей командировки, полковник предупредил, что оформляет контракты с нами на один год. Вопрос о дальнейшем продлении срока командировки, как он выразился, будет решаться нашими начальниками на месте в зависимости от того, как мы проявим себя на работе. В этой связи добавлю, что уже к концу первого года нашей работы в Египте нас проинформировали о совместном решении руководства 10-го Управления и местного начальства продлить срок командировки до четырёх лет. По-видимому, это было связано или с острой нехваткой военных переводчиков, или с тем, что подавляющее большинство из нас неплохо проявили себя на работе и в быту.

В завершение инструктажа полковник **Бобров** ещё раз предупредил о необходимости сохранения бдительности в стране пребывания, поскольку внутренняя обстановка в обеих частях республики остается довольно напряженной.

После инструктажа нас разделили на две группы: часть ребят была передана в распоряжение других офицеров – «направленцев», сразу начавших оформлять их выездные документы. Оставшихся же, после перекура, вновь собрали в кабинете **Боброва**. На этот раз он кратко проинформировал нас о чрезвычайно тревожной и постоянно ухудшающейся ситуации в молодой Республике Конго (Леопольдвиль), получившей независимость 30 июня 1960 г. и уже 10 июля того же года ставшей жертвой неспровоцированной агрессии со стороны Бельгии.

«Голубые каски» ООН, прибывшие в Конго по приглашению законного правительства во главе с премьер-министром **Патрисом Лумумбой**, сыграли, в сущности, роль «тройского коня». Они были использованы генсеком ООН **Дагом Хаммаршельдом** против правительства **Лумумбы**. Москва в ответ на обращение **Лумумбы** в конце июля 1960 г. заявила о своей готовности оказать помощь правительству Конго в формировании национальной армии. Советский Союз направил в Восточную провинцию Конго группу врачей, а также заявил о готовности предоставить 16⁴ самолётов «Ил-14» (один из этих самолётов был личным подарком **Н.С. Хрущева** премьер-министру Конго **П. Лумумбе**) с советскими экипажами и 100 грузовых автомобилей⁵, в которых Конго нуждалось для переброски войск в Катангу и Южное Касаи для подавления там сепаратистских движений.

По словам **Боброва**, такая лётная группа уже сформирована и МИДу СССР поручено вступить в контакт с компетентными органами Греции, Египта и Судана на предмет получения согласия на пролёт наших самолётов над их территорией. Полковник не скрыл от нас того, что Запад относится к шагам советского правительства по оказанию помощи молодому государству крайне негативно. Поэтому он не исключил того, что

⁴ По другим сведениям — 10 самолётов **Ил-14** (прим. ред.-сост.).

⁵ Вероятно грузовики **ГАЗ-63** (вариант **ГАЗ-51** со всеми ведущими мостами) (прим. ред.-сост.).

в задачи, поставленные перед лётной группой, могут быть со временем внесены коррективы. Не исключено, сказал **Бобров**, что лётной группе придется заниматься не столько переброской конголезских правительственных войск в мятежные провинции, сколько спасением самого **Лумумбы** и его сподвижников.

Затем, выдержав небольшую паузу, он неожиданно спросил, нет ли среди нас желающих войти в состав сформированной лётной группы в качестве бортовых переводчиков. Когда выяснилось, что все мы, сидевшие в кабинете, желаем этого, **Бобров** пригласил в кабинет капитана **Олега Баранникова**, из группы военных переводчиков 10 Управления, представил его нам.

Капитан отвёл нас к себе, где подробно объяснил специфику работы бортпереводчика. Затем каждому из нас он вручил по англо-русскому разговорнику с наиболее часто употребляемыми при переговорах в эфире терминами. В последующие дни он провёл с нами несколько практических занятий, проверяя, насколько хорошо мы усвоили «воздушный» сленг и можем ли свободно им оперировать.

Забегая вперед, скажу, что впоследствии, работая в Египте, я неоднократно встречался с **Олегом** и тремя его коллегами по группе, и между нами установились вполне дружеские отношения. Они прилетали в Каир, когда возникала необходимость перегнать самолёты, проданные Советским Союзом Египту или переданные ему в лизинг, на профилактический или капитальный ремонт в СССР, а после ремонта – обратно в Египет. Поскольку одновременно перегонялось по несколько самолётов и переводчиков не хватало, на один из этих бортов они, как правило, сажали меня. За три года контактов с **Баранниковым** он от имени «десятки» несколько раз предлагал мне перейти на действительную службу и работать в его группе. От положительного ответа меня удерживало отсутствие все той же постоянной прописки, поскольку переход на действительную службу не снимал этого вопроса.

Между тем время шло. Мы находились на одном из подмосковных аэродромов, ожидая сигнала вылета. Но сигнал не поступал, хотя ситуация в Конго продолжала осложняться с каждым днём. Причина задержки заключалась, по-видимому, в том, что нашему МИДу все ещё не удавалось убедить правительство Судана дать согласие на пролёт советских самолётов над его территорией. Поскольку надежда на получения разрешения Хартума на пролёт наших самолётов таяла с каждым днем, руководство «десятки» решило через три недели сократить вдвое численность нашей группы. Под «сокращение» попал и я.

28 августа мы, попрощавшись с остающимися ребятами, которым в душе завидовали, вылетели самолётом «Аэрофлота» в Египет.

Завершая «конголезский сюжет», хочу сказать, что со своими оставшимися в Москве товарищами я неожиданно встретился в середине октября 1960 г. в Александрии, куда приехал на экскурсию во время одного из многочисленных египетских праздников. Оказалось, что эта группа⁶ через две недели после нашего отлёта всё же перебазировалась в Александрию, надеясь там дожидаться разрешения Судана на пролёт... В январе 1961 г., когда они присоединились к нашей группе, я узнал, что согласия правительства Судана на пролёт они не дождались. В дальнейшем мы работали вместе. Попытка советского руководства спасти конголезских патриотов в 1960–1961 гг. завершилась неудачей.

– Как вас встретили в Каире?

– На аэродроме нас встретил порученец Старшего группы советских военных специалистов в Египте генерал-лейтенант **Александра Степановича Пожарского** и отвёз в гостиницу

---

6 Группа прилетела на самолётах **Ан-12**, а самолёты **Ил-14** прилетели в Египет раньше их (*прим. ред.-сост.*).

в Гелиополисе. Как оказалось, там проживали лишь советские специалисты и их семьи. Разместил по номерам, показал ресторан, где питались постояльцы гостиницы, раздал до получки по 20 египетских фунтов на карманные расходы. На прощание предупредил, что завтра утром будет ждать нас в холле, чтобы отвезти в офис Пожарского.

После отъезда порученца мы, разумеется, не удержались и пошли знакомиться с городом. Гелиополис, построенный в европейско–мавританском стиле, с его широкими зелёными улицами, десятками фешенебельных магазинов, клубов, ресторанов, бассейном и открытым кинотеатром нам очень понравился. Мы тогда ещё не знали, что это самый роскошный пригород Каира, где проживает наиболее зажиточная часть горожан и иностранцев, что здесь же находится резиденция главы государства, а также размещены большая часть гарнизона и армейских учреждений.

На следующий день мы приехали в офис **А.С. Пожарского**, расположенный на острове Замалик, в центре Каира. Генерал побеседовал с каждым из нас. Мне он уделил всего несколько минут, успев, однако, сообщить, что я буду работать в колледже (училище) связи в группе подполковника **И.А. Баранова**, в которую входит и инженер–майор **В.М. Ткаченко**.

Затем я встретился со старшим переводчиком группы подполковником (фамилию его я, к сожалению, не помню). Он сообщил, что, помимо перевода лекций слушателям, обсуждения учебных планов с руководством колледжа и разного рода консультаций, на переводчиков, работающих в учебных заведениях, ложится ещё перевод письменных рекомендаций наших советников. Ежедневная норма письменного перевода – 16 страниц машинописного текста в день. Он сразу предупредил, что будет ежемесячно проверять как объем, так и качество всех передаваемых арабской стороне письменных работ, неудовлетворительные, с его точки зрения, переводы будет выносить на обсуждение остальных переводчиков во время занятий, которые

он с ними регулярно проводит. (Потом я узнал, что в колледжах на переводчиков приходится наибольший объём письменных переводов. В штабе ВВС и ПВО, например, ежедневная норма составляла 7 страниц в день).

Лишь потом меня представили **И.А. Баранову** и **В.М. Ткаченко**. Кстати, они заслуживают того, чтобы о них рассказать подробнее.

В Египет **Баранов** прибыл из Рязани, где служил заместителем начальника штаба дивизии по связи. В 1960 г. ему было 42 года. При ближайшем знакомстве **Иван Алексеевич** – худенький, невысокого роста – оказался очень собранным, организованным и энергичным человеком. Мне нравилось в нём то, что он не только заблаговременно передавал материалы для перевода, но и старался оказывать содействие при их переводе, объясняя значение используемых в тексте военных терминов. Нравилось и то, что он с первого дня своего пребывания в Каире начал изучать языки: английский со мной и с моим коллегой по институту **Володей Корочанцевым**, соседом по квартире, а арабский – с прикрепленным к нам солдатом-ординарцем, египтянином. Через четыре месяца он вполне мог обходиться в городе без моей помощи. В конце срока моего пребывания специалисты, с которыми я работал, положительно отзывались о моей работе как переводчика. Без такой характеристики мое дальнейшее пребывание в Египте едва ли было возможно.

Виктор Михайлович, 37 лет от роду, прибывший в Египет из Кемерово, где он работал старшим преподавателем в училище связи, был в определённой степени антиподом **Баранова**. Добродушный увалень, хлебосольный хозяин, никогда не выпускавший меня из своей квартиры без угощения, к сожалению, нередко забывал своевременно передавать материалы для перевода, из-за чего у меня нет-нет да возникали неожиданные сложности. Приведу лишь один пример.

Через неделю после приезда, готовясь к лекции, которая должна была состояться на следующий день, он вдруг вспом-

нил, что забыл передать мне на перевод многостраничную инструкцию об устройстве войсковой радиостанции. Для меня это был настоящий удар. Перевода там было дня на три с учётом того, что я не успел ещё толком вникнуть в новую терминологию, к тому же у меня отсутствовал специальный словарь по радиотехнике и электронике. Не представляя себе, как выйти из создавшегося положения, я взял текст в гостиницу, понимая, что к утру перевести весь материал все равно не успею.

Обедал в ресторане далеко не радужном настроении. Неожиданно ко мне подсел **Алексей Сербин**, китаист, окончивший наш институт на год раньше меня. Он спросил: «Что случилось? Почему такой мрачный?» Неожиданно для себя я откровенно рассказал ему о причине своего расстройства, хотя в институте мы особенно близки не были. Выслушав меня, **Алёша** сказал: «Ничего страшного! Пойдём ко мне (он занимал отдельный номер). Я только вчера в книжном магазине получил заказанный по каталогу полный англо-русский электронный словарь, вот и опробуем его».

К полуночи мы вдвоём сделали весь перевод. Словом, **Сербин** помог мне выпутаться из крайне затруднительного положения. Заодно он отдал и этот словарь, сказав, что пока может обойтись без него. Я до сих пор испытываю чувство глубокой благодарности к **Алексю**, оказавшему мне тогда бескорыстную дружескую помощь.

– Какие были у вас первые впечатления от пребывания в Каире?

– Сейчас уже трудно вспомнить все детали, но первые месяцы мне дались крайне тяжело. В то время я мог лишь изредка позволить себе посещать расположенные недалеко от гостиницы летний кинотеатр и бассейн в Гелиополисе, а также побывать на двух–трех экскурсиях по Каиру и Александрии.

Приходилось работать в буквальном смысле «на износ». Бы-

ло чрезвычайно сложно ежедневно «выдавать на гора» 16 страниц машинописного текста перевода, когда тебя постоянно отрывали то на переводы лекций и консультаций, то на обсуждение учебных планов с местным руководством, то на решение каких-то бытовых вопросов с хозяйственниками колледжа, когда ты к тому же ещё «не в теме» и часто «лазишь» по словарям. Уйма времени уходило также на обзор местной англоязычной прессы – «*Egyptian Gazette*» и «*Egyptian Mail*» – для наших специалистов, живо интересовавшихся международными событиями.

– Как вы справлялись с работой переводчика?

– В первые пять-шесть месяцев мне постоянно приходилось брать работу на дом. Накапливать переводы, оставляя их до выходных или праздников, которых было более 30 дней в году, запрещалось. Количество и качество сделанной работы, как я уже говорил выше, ежемесячно проверялось старшим переводчиком **Пожарского**, регулярно навещавшим наш колледж. Чтобы «не ударить в грязь лицом», перед его приходом приходилось «подчищать» все свои переводы. Кстати, к работе он относился неформально: не только контролировал, но и помогал советами, предлагая свои варианты перевода тех предложений, перевод которых казался ему не совсем адекватным. Повышению нашей квалификации немало способствовали также занятия, которые он ежемесячно проводил с переводчиками у себя в офисе.

Заметив, что к концу учебного года мои специалисты стали наращивать объём передаваемых арабской стороне материалов, он сам предложил мне прислать на помощь ещё одного переводчика. Через день у нас появился **Игорь Косичкин**, выпускник ленинградского пединститута им. А.И.Герцена. Он работал в Каире уже третий год и специализировался на переводах текстов по связи.

Игорь дорабатывал последние месяцы: заканчивался срок его контракта. Он оказался первоклассным переводчиком, ра-

ботал легко, быстро, весело, успевая заодно ежедневно загружать нашего ординарца десятками поручений, которые тот с удовольствием выполнял. Я многому у него научился. Вдвоём мы (к этому времени я уже укладывался в норму) до конца учебного года успешно управились со всеми переводами. (Через полгода я узнал, что **Игорь** скончался в Ленинграде от туберкулёза, который он от нас скрывал.)

– **Когда вас перевели на работу в авиационную группу?**

– Это произошло осенью 1961 г. Мы, группа переводчиков, собрались после отпуска в 10-м Управлении. Нам сообщили, что обратно в Каир полетим бортовыми переводчиками на бомбардировщиках **Ту-16** из Белой Церкви. Уже знакомый нам капитан **Баранников** провёл с нами пару занятий по бортпереводу и порекомендовал прежде всего выучить наизусть регистрационные номера, нанесенные на бортах **Ту-16**. Они остались в памяти у меня до сих пор: АВN–75508 (точнее: альфа-браво-ноябрь–75508). Это должно было облегчить нам контакты с операторами Белград-радио, Афины-радио и Каир-радио при подлёте к зонам их контроля, пересечении границ и выходе из зоны контроля.

В начале ноября мы поездом прибыли в Белую Церковь, где уже лежал снег. Когда пришли представляться к командиру полка, он, увидев нас, одетых не по сезону, тут же приказал экипировать в тёплую лётную форму. Нам выдали шлемы, стёганые ватные куртки и брюки, меховые сапоги и перчатки. Далее, он приказал не допускать нас к самолётам до тех пор, пока мы не научимся самостоятельно укладывать свои парашюты, пользоваться кислородными приборами, пока не запомним последовательность действий при катапультировании из кабины.

Только через три дня мы приступили к занятиям по связи. После сдачи общего зачёта всеми членами экипажа нам дали добро на вылет в Египет. Заботливое и вместе с тем строгое от-

ношение к нам, в общем-то случайно оказавшимся в полку людям, занятия, проведённые с инструкторами части, указывали на то, что в полку царит настоящий, а не показательный порядок, а личный состав относится к своим обязанностям серьёзно, любит свою технику, гордится ею и делает всё, чтобы сохранить эти прекрасно изготовленные машины.

Мы и сами вскоре убедились, что скоростной реактивный бомбардировщик дальнего действия **Ту-16**, получивший в НАТО кодовое обозначение *Badger-A* (*Барсук*), был необычным явлением не только в советском, но и в мировом самолётостроении. Пожалуй, только американский **B-52** мог сравниться с ним по долголетию.

В течение 40 лет было создано около 50 модификаций **Ту-16**, часть из которых до сих пор находится в Китае в строю. Самолёт был снабжён самым современным по тому времени средствами навигации, радиосвязи, радиолокации и имел мощное оборонительное вооружение. По своим лётно-техническим характеристикам он в свое время был лучшим в мире и оказался настолько удачным, что это позволило без особых проблем создать на его основе первый советский многоместный реактивный авиалайнер **Ту-104**. Как известно, на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. самолёту **Ту-104** была присуждена золотая медаль.

– Когда вы вылетели в Египет?

– Из Белой Церкви мы вылетели 6 ноября 1961 г., взяв курс на нашу авиабазу Тёкей, что под Будапештом, где, благополучно приземлившись, заночевали. Во время пребывания на этой базе у нас произошёл курьёзный случай. Вечером 6 ноября после автобусной экскурсии по городу нам неожиданно выдали по несколько сот венгерских форинтов, с которыми мы не знали что делать. В город ехать было поздно, а на базе работал лишь продуктовый магазин. Нам ничего не оставалось, как закупить

на них токайского вина. На следующее утро наша эскадрилья в составе 12 самолётов **Ту-16** взяла курс на Каир.

Спокойно пролетели Югославию, а в Греции – то ли случайно, то ли намеренно – прошли точно над американской военно-воздушной базой, расположенной под Афинами (мы, зная, что за нами стоит мощная страна, наша Родина, никого тогда не боялись!). Оттуда сразу взлетели несколько истребителей, которые долго ещё преследовали нас, требуя нашей посадки.

Наконец, мы увидели африканское побережье, дельту Нила, очертания Александрии, пустыню Сахара... Ещё до середины дня мы приземлились на египетской военно-воздушной базе *Каиро-Вест* (*Cairo-West*), пункте нашего назначения, где нас уже ожидали советский посол в Египте **В.Я. Ерофеев**, военный атташе, представители Главного инженерного управления (ГИУ) и группа советских военных специалистов во главе с генерал-лейтенантом **А.С. Пожарским**. Египетскую сторону представляли вице-президент Египта **Анвар Садат**, заместитель главнокомандующего вооружёнными силами Египта маршал **Абдель Хаким Амер**, начальник Генерального Штаба египетской армии генерал **Мухаммед Фавзи**, командующий и начальник штаба ВВС и другие официальные лица. После обмена речами и церемонии передачи самолётов египетской стороне **А. Садат** преподнёс всему лётному составу подарки – отрезки на костюм, рубашки и фаянсовые вазы.

– С тех пор вы работали в авиационной группе?

– Да. После отпуска меня оставили работать в авиационной группе. Сразу хочу оговориться, у переводчиков, работавших в этой группе, тоже была своя специализация. Меня, например, включили в подгруппу, обслуживавшую лётно-технический состав бомбардировочной и военно-транспортной авиации.

Различные авиационные подгруппы были, кстати, изолированы друг от друга. До конца 1963 года я, например, не сталки-

вался с нашими специалистами и переводчиками, работавшими в подгруппе, обслуживавшей лётно-технический состав истребительной авиации и авиации ПВО. Они проживали непосредственно в казармах при авиабазах и приезжали в Каир лишь для решения своих производственных вопросов, а также на экскурсии и спортивные состязания с проживавшими в Каире советскими специалистами.

Нас объединили лишь в конце 1963 г. Тогда же они переехали жить в нашу гостиницу в Гизе. Я лишь краем уха слышал, что они обучают египетских лётчиков летать на **МиГ-21**, включая **МиГ-21 Ф-13** и **МиГ-21 ПФ**, перед которыми стояла задача отразить возможное нападение израильской авиации на Каир, Александрию и Асуанскую ГЭС. К слову сказать, с одним из переводчиков этой подгруппы, выпускником Махачкалинского пединститута **Камалутдином Ирисхановым** (сейчас уже отставной военный, женился в Каире на работавшей там же переводчицей москвичке), я до сих пор изредка встречаюсь. Мы, как и прежде, узнаём друг друга. К тому же, наши супруги вместе работают в МГЛУ – Московском государственном лингвистическом университете.

– Куда вас направили на работу?

– Сначала меня направили в Исмаилию, третий по величине город Египта, расположенный на Суэцком канале. Город представляет собой важный стратегический пункт: в то время там размещались управление Суэцкого канала, командование восточного округа. Наши специалисты работали как в штабе округа, частях дивизий, так и на военно-воздушных базах, находившихся в окрестностях города. На одной из них работал и я.

– Чем вам запомнилось пребывание в Исмаилии?

– В тот период Исмаилия ещё не была полностью отстро-

ена после «тройственной» агрессии 1956 г.⁷, многие здания в арабской части города лежали в руинах. Но европейская часть города, мало пострадавшая в ходе военных действий, выглядела вполне ухоженной, зелёной и уютной.

Нас, пятерых холостяков (один – специалист по радиолокационным системам и четверо переводчиков), разместили в комфортабельной пятиэтажной гостинице (проживание в гостинице, как в Исфахии, так и в Каире, оплачивалось египетской стороной). Она находилась в европейской части города всего в десяти минутах ходьбы от Суэцкого канала. По нашей просьбе египетская администрация наняла слугу – **Хасана**, который не только убирал наш трёхкомнатный номер, стирал одежду и готовил еду, но и закупал продукты, фрукты, напитки. Зарплата **Хасана** составляла 5 египетских фунтов в месяц, на которую мы сбрасывались по одному фунту. Среди обслуживающего персонала гостиницы такая зарплата в то время считалась весьма высокой.

После работы мы, пообедав у себя в номере, шли, как правило, на канал купаться и наблюдать за проходящими мимо судами, а вечером – в город, в открытый кинотеатр (в Египте темнеет рано и многие кинотеатры работают под открытым небом. За сеанс обычно показывали два фильма: один западный, другой – египетский), или в гости к нашим специалистам, или к лоцманам (советские лоцманы приехали сюда взамен отозванных во время «тройственной агрессии» английских и французских лоцманов и занимались проводкой судов по Суэцкому каналу).

Жизнь в городе была тихой, спокойной. Цены на продукты питания и фрукты были по сравнению с Каиром баснословно низкими. При этом нашему слуге **Хасану**, чрезвычайно скромному и исключительно честному человеку, как-то удавалось приобрести

---

⁷ В ответ на национализацию Суэцкого канала в 1956 г. последовала «тройственная агрессия» против Египта Англии, Франции и примкнувшего к ним Израиля, окончившаяся провалом (вынужденным выводом войск агрессоров после ультиматума со стороны СССР).

у местных торговцев товары по ценам даже ниже, чем было указано на этикетках (в Египте торговцы при виде европейцев сразу же завышают цены на все товары, по меньшей мере, вдвое). И нам казалось, что всё достается чуть ли не даром. Мы всячески пытались отблагодарить **Хасана** щедрыми «бакшишами», но он отказывался от них, считая, что по сравнению с другими своими коллегами и так получает слишком много.

В Исмаилии мы расходовали на жизнь по 12–15 фунтов в месяц, тогда как в Каире на питание уходило более половины зарплаты.

Этот период мне запомнился ещё и тем, что мы здесь впервые за время пребывания в Египте столкнулись с группой русских эмигрантов «первой» волны. Произошло это на пляже. Услышав нашу русскую речь, сидевшие на пляже пожилые люди вдруг непроизвольно потянулись к нам.

Оказалось, что они из русских эмигрантов, попавших в Египет ещё в 1920 г. после их «исхода» из Крыма. Им было уже далеко за 70. Их дети, участвовавшие во Второй мировой войне на стороне союзников в составе английских или французских войск, давно разъехались по свету. Некоторые женщины были замужем за египтянами. Одна из них представилась как княгиня (её фамилию я, к сожалению, уже запомнил).

Эмигранты ловили каждое наше слово, чувствовалось, что всех их гложет глубокая тоска по родине, по русской речи, просто по соотечественникам. К сожалению, инструкции запрещали нам общение с эмигрантами, поэтому мы никогда не принимали приглашений посетить их дома. Эмигранты, видимо, понимали, что мы ограничены в своих контактах и не настаивали на своих приглашениях. Тем не менее, при виде нас они каждый раз вставали, кланялись и вежливо осведомлялись о нашем здоровье.

В Исмаилии я прожил недолго. Через три месяца меня включили в состав экипажа самолёта, который летел в Джанкой (Крым) на профилактический ремонт.

– Какая у вас была заработная плата?

– В первый год пребывания в Египте мы, переводчики, независимо от семейного положения, получали по 100⁸ египетских фунтов в месяц. Официальный курс египетского фунта в то время равнялся 2,56 рублям, но его покупательная способность была значительно выше. Через год заработная плата всех холостых специалистов и переводчиков была урезана на 20%, хотя и с компенсацией в Союзе в рублях по официальному курсу. Специалистов и переводчиков, проживавших в Египте вместе с членами семей (специалистам и переводчикам разрешалось брать с собой семьи, если срок командировки составлял год и более), это нововведение не коснулось.

В посольстве нам объяснили, что сокращение вызвано необходимостью покрытия валютных расходов на развитие «большой химии». Переводчикам, работавшим по линии гражданских организаций, с самого начала платили по 80 фунтов в месяц. Налог на развитие «большой химии» коснулся, видимо, и их. Кроме того, мы, гражданские служащие, работавшие по линии «десятки», получали в Союзе заработную плату в размере 100 рублей, а переводчики-военнослужащие – свои штатные оклады. По тем временам это была более чем достойная заработная плата.

– Какова была продолжительность ваших командировок в Союз, когда перегоняли самолёты на ремонт?

– Срок командировки, как правило, не превышал двух–трёх дней. Механизм был отработан достаточно четко. Переводчиков, работавших по контракту в Египте, высаживали из самолётов в Джанкое, откуда мы самолётами Аэрофлота в тот же день долетали до Москвы и сообщали по телефону дежурному

---

⁸ По другим сведениям зарплата составляла 90 египетских фунтов (прим. ред.-сост.).

по 10–му Управлению о своём прибытии. На следующее утро нас в Управлении уже ожидали готовые проездные документы на обратный путь и бронь на ближайший рейс Аэрофлота до Каира.

– Куда вас направили на работу после краткосрочной командировки в Союз?

– Когда я вернулся в Египет, меня направили на авиабазу Каиро-Вест, где в то время базировались скоростные бомбардировщики **Ту-16**. Наши специалисты на месте обучали египетский лётный и инженерно-технический персонал. Обучение проходило как в классах, так и непосредственно у самолётов. В этой связи стоит сказать, что состав военных специалистов в каждой группе определялся количеством и сложностью поставляемого Советским Союзом оружия и военной техники, способностью обучить необходимое число местных военнослужащих и совместно с ними обеспечить поддержание техники в постоянной боевой готовности.

Достаточно продолжительное время я был там единственным переводчиком у 12 наших специалистов. Моё рабочее время было расписано буквально по минутам. В основном занимался устным переводом. Письменно переводил лишь различного рода инструкции и памятки.

Сначала при подготовке к занятиям мне приходилось по вечерам заучивать множество названий деталей, узлов и блоков самолёта. Я был благодарен нашим специалистам, которые ещё накануне знакомили меня с планами и конспектами предстоящих лекций и занятий, чтобы я успел выучить необходимые термины. Через несколько месяцев я «набрался» необходимой терминологии, и надобность в вечерних занятиях отпала.

– Кстати, не помните ли вы, какими были опознавательные знаки на египетских самолётах?

– Во время моего пребывания в ОАР на египетских военных самолётах сохранялся принятый в 1958 г. после объединения с Сирией трёхцветный логотип вместо зелёного круга и исламского полумесяца . Он содержал красный (цвет крови, пролитой за свободу), белый (символизировавший чистоту помыслов) и чёрный (опора на землю) концентрические круги. На белом фоне – две маленькие зелёные звездочки: по числу стран, входящих в состав ОАР.

Такие логотипы наносились симметрично на крыле и фюзеляже. На киле красовался флаг ОАР. Чёрные четырёхзначные номера арабскими цифрами располагались на носу фюзеляжа перед фонарем. Нумерация самолётов ОАР была сквозной и единой для всех ВВС, причем однажды присвоенный номер сохранялся за машиной на весь срок службы, а при её списании исключался из списка вместе с самолётом. Стоит заметить, что такая система была неплохим ориентиром для израильской разведки во время арабо-израильских войн, помогая отслеживать численный состав и дислокацию частей египетской авиации.

Эти опознавательные знаки сохранились и после распада ОАР в сентябре 1961 г. Они были заменены лишь в октябре 1971 г. после смены названия страны на Арабскую Республику Египет (АРЕ). Был принят новый государственный флаг, изменились и опознавательные знаки. Сохранив те же красно-бело-чёрные цвета, они лишились «союзных» звёздочек, а флажок на киле украсил государственный символ – геральдический орёл. Примечательно, что на эмблемах никак не отразилось объявление ислама государственной религией АРЕ (традиционный мусульманский зелёный цвет является неизменным атрибутом опознавательных знаков всех остальных арабских государств).

– Какая была окраска египетских самолётов?

– В период моего пребывания в Египте поставляемые из СССР самолёты не перекрашивали – они сохраняли природный

цвет неокрашенного дюрала. Свое нежелание вопреки советам наших специалистов окрасить самолёты в жёлто-песчаный цвет, совпадающий с основным фоном пустыни, египтяне объясняли воздействием на краску палящего солнца, под которым она быстро выгорает. Не меньшее противодействие наши специалисты встречали и при обсуждении вопроса строительства капониров и создания ложных позиций для самолётов. Арабская сторона, на словах соглашаясь с нашими специалистами, на деле, однако, не спешила предпринимать какие-либо действия. Те из наших специалистов, кто проявлял настойчивость, наживали себе много неприятностей из-за этого.

Кстати, пренебрежение маскировочной окраской и инженерным оборудованием позиций дорого обошлось египтянам. В первые же часы «шестидневной» войны 1967 г. израильской авиации удалось уничтожить на аэродромах около 270 и в воздушных боях – 60 египетских самолётов, вывести из строя 9 аэродромов, несколько радиотехнических постов ПВО, позиций зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) и мостов через Суэцкий канал⁹.

По имеющимся данным, израильская авиация совершила 500 боевых вылетов на 19 египетских аэродромов и из примерно 420 самолётов египетских ВВС было уничтожено 309, в т. ч. полностью 4 эскадрильи бомбардировщиков **Ту-16** и **Ил-28**. В воздушных боях израильтянами было сбито ещё 60 самолётов союзников¹⁰.

Впоследствии израильские лётчики отмечали, что сверкав-

---

⁹ Вооружённые конфликты Египта с Израилем (1967–1974 гг.)–militera.lib.ru/h/20c2/17.html

¹⁰ ЦАХАЛ/Статьи: *Тененбаум Борис*. Знаменитая арабо-израильская война 1967 г. Декабрь 2005 г., № 12 (61). См. также: Hamiel Eric. Six Days in June. Macmillan Publishing, New York, 1992. Вооружённые конфликты Египта с Израилем (1967–1974 гг.)–militera.lib.ru/h/20c2/17.html; old.vko.ru/article.asp?pr_sign=archive.2006.26.29...; *Яременко Валерий*. Шестидневный разгром. К 40-летию начала Арабо-израильской войны 1967 г.–Полит.ру. 23 августа 2011 г.

шие под ярким африканским солнцем египетские самолёты были видны издали, помогая бомбардировщикам выйти на цель.

Вот что вспоминает непосредственный участник третьей арабо-израильской войны, тогдашний атташе посольства СССР в Египте **С. Тарасенко**: «Через час мы уже практически знали, что происходит. В посольство прибыла группа советских специалистов, работавших на крупнейшей египетской базе «Каиро-Вест». Их внешний вид – порванная грязная одежда, осунувшиеся лица – говорил сам за себя. На вопрос, что случилось, старший офицер коротко бросил: «У Египта больше нет ВВС, базы «Каиро-Вест» тоже нет»... По словам наших специалистов, которые остались целы и невредимы лишь потому, что к моменту нападения были ещё в пути на работу, после первого налёта на базу уцелело с десятков самолётов, и их можно было поднять в воздух с рулежных дорожек, но этого не было сделано. Вторым налетом дело было закончено»¹¹.

Советские потери в войне 1967 г. составили 35 человек. В основном военнотружущие погибли во время налетов израильской авиации на военные объекты Египта и Сирии.

– Что вы можете сказать о советско-египетских отношениях в период вашего пребывания в Египте?

– Советско-египетские отношения в тот период развивались, в целом, по восходящей линии. В 1950–х – 1960–х гг. в Египте при помощи советских специалистов сооружались знаменитая высотная Асуанская плотина, сталелитейный и коксохимический комбинаты в Хелуане, алюминиевый завод в Наг-Хаммади, судостроительный завод в Александрии, линия электропередач Асуан-Александрия, сельскохозяйственные предприятия, научные и образовательные центры и другие хозяйственные объекты (всего 108).

¹¹ Россия (СССР) в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века. М. 2000. С. 187.

В военной сфере наша помощь заключалась не только в модернизации египетской армии, но и в решении целого комплекса вопросов её вооружения и обучения, включая такие, как приобщение её офицерского корпуса к современному советскому тактическому и стратегическому военному опыту, накопленному Советской Армией на полях Второй мировой войны. Вместе с тем вооружая Египет, Советский Союз не хотел и не планировал изменения статус-кво на Ближнем Востоке, увеличения военной мощи АРЕ до тех пределов, за которыми это государство могло самостоятельно пуститься на авантюры для решения своих внешнеполитических задач. Советские лидеры опасались нового поражения Египта. В этом случае для его спасения необходимо было бы поднять уровень вовлечённости в конфликт, что вызвало бы адекватную реакцию США. Это послужило причиной нарастания некоторой напряженности в советско-египетских отношениях.

Вместе с тем, когда понадобилось, Советский Союз не остановился и перед просьбой египетской стороны направить для отражения воздушных налётов израильской авиации свои регулярные части, в частности, дивизию ПВО, которая сыграла роль щита, защитив жизненные объекты и коммуникации в рамках операции «Кавказ». Для Египта это был кратчайший путь для восстановления боеспособности, поскольку СССР на выгодных для него экономических условиях поставлял вооружения, военспецов и военных советников.

Часть тех, кто до недавнего времени входили в политическую, научную и культурную элиту «страны пирамид», обучались в тот период в советских университетах, военных училищах и академиях. К слову сказать, бывший многолетний президент Египта **Мухаммед Хосни Саид Мубарак** в своё время тоже учился в СССР.

В 1959–1960 гг. он обучался навыкам пилотирования бомбардировщика **Ил-28** в учебном авиационном полку в г. Кант, в 20 км от г. Фрунзе. Там же освоил скоростной тяжёлый бом-

бардировщик **Ту-16**. В период с марта 1964 г. по апрель 1965 г. **Хосни Мубарак** проходил курс штабного обучения в Военной академии имени М.В.Фрунзе в Москве, продолжая одновременно совершенствоваться в навыках пилотирования бомбардировщика **Ту-16**.

Об углублении отношений между нашими странами в тот период свидетельствовали, в частности, визит в Египет в 1962 г. Правительственной делегации во главе с **А.Н. Косыгиным** и по приглашению вице-президента и главнокомандующего вооружёнными силами ОАР маршала **Абдель Хаким Амера** в январе-феврале того же года семидневный визит в ОАР **Ю.А. Гагарина**. Президент ОАР **Гамаль Абдель Насер** наградил **Юрия Алексеевича Гагарина** высшим орденом республики «Ожерелье Нила».

В честь **Гагарина** был специально устроен военно-воздушный парад, на котором присутствовало всё руководство страны. Ему были также вручены на вечное хранение символические золотые ключи от ворот Каира и Александрии. ОАР стала одиннадцатой страной из 30, которые **Юрий Гагарин** посетил в рамках своих зарубежных визитов. Нам тоже посчастливилось с ним встретиться в культурном центре при посольстве СССР, где он выступил с приветственной речью.

Но наиболее заметным событием этого периода стал визит в Египет **Никиты Сергеевича Хрущёва** в мае 1964 г., принятого в Каире по наивысшему разряду. **Насер** наградил его орденом «Ожерелье Нила» и в ответ вместе с заместителем главнокомандующего вооружёнными силами Египта маршалом **Абделем Хаким Амером** получил по звезде Героя Советского Союза.

Кроме поездки в Луксор и Асуан, где он встретился с главами ряда арабских стран, переговоров с египетским руководством, **Хрущёв** в Асуане встретился также с многотысячным отрядом советских строителей, а в Каире в офицерском собрании, что на острове Замалек, устроил под открытым небом при-

ём для наших специалистов. На этот приём были приглашены все наши военные специалисты и члены их семей. Стол, за которым я сидел вместе с семьёй **Корочанцевых**, находился рядом со столом членов правительственной делегации и нашего посла **В.Я. Ерофеева**. **Володя**, всегда отличавшийся эмоциональностью, в тот вечер удивил даже меня, хорошо его знавшего.

Никита Сергеевич с сыном приехали в клуб с некоторым опозданием. Поскольку зал к тому времени был уже полон, им пришлось пробираться через весь зал под аплодисменты присутствующих к столу, где сидели члены правительственной делегации и наш посол. Когда он проходил мимо нашего стола, **Корочанцев** неожиданно для **Никиты Сергеевича** и всех нас вдруг вскочил на ноги и закричал: «Да здравствует товарищ **Хрущёв!**» **Никита Сергеевич**, не ожидавший такого экспромта, даже вздрогнул, но быстро взяв себя в руки, улыбнулся и протянул ему руку для пожатия.

На следующий день нам, работавшим на авиабазе Каиро-Вест, ещё раз пришлось встретиться с сыном **Н.С. Хрущёва** – **Сергеем Никитовичем** и маршалом Советского Союза **Василием Даниловичем Соколовским**, в честь которых египтянами был устроен военно-воздушный парад. В параде участвовали только египетские лётчики.

До парада **Василий Данилович** выкроил время для встречи с нашими специалистами, подробно расспросил об условиях работы и быта, отношениях с египетским персоналом. Затем он предложил сфотографироваться с ним на память.

После парада египетская сторона устроила приём в честь гостей, на который были приглашены и все наши работавшие на авиабазе специалисты. В ходе приёма командующий ВВС и ПВО Египта преподнес **Сергею Никитовичу** столовый сервиз из чеканного серебра на 24 персоны.

На мой взгляд, визит **Н.С. Хрущёва** и переговоры, которые он вёл с **Г. Насером**, не повлияли в целом на политику

египетского руководства, которая хотя несколько и «полевела» (незадолго перед визитом **Хрущёва** из тюрем были выпущены египетские коммунисты), но продолжала оставаться сугубо националистической. В стране продолжали преследоваться лица, придерживавшиеся левых взглядов; проводились, начиная с 1959 г., ежегодные антисоветские месячники, приуроченные видимо специально к майским праздникам – 1, 2 и ко Дню победы – 9 мая (по случаю визита **Н.С. Хрущёва** в 1964 г. он был перенесён на июнь); под видом охраны продолжалась постоянная слежка за нашими гражданами, обыск личных вещей во время их отсутствия и даже имели место попытки их вербовки. Тем не менее, период со середины 1950-х до конца 1960-х годов следовало бы назвать периодом триумфа советско-египетского сотрудничества, который, однако, оказался недолгим.

Сейчас, анализируя события тех лет, невольно приходишь к мысли, что наши политики в те годы, по-видимому, совершили ошибку, делая ставку не на систему межгосударственных отношений, а на личность **Г. Насера**, хотя и харизматическую, но не просоветскую. **Насер** опирался на нашу страну вынужденно, поскольку находился в изоляции. Вместе с тем, нельзя отрицать и того, что военно-политическое сотрудничество с Советским Союзом накладывало на правительство **Насера** определённые политические обязательства, выполнение которых не всегда соответствовало внешнеполитическим интересам ОАР. Этот факт являлся причиной недовольства политической власти со стороны определенной части египетского общества.

– **Не запомнились ли какие-либо внутренние события, произошедшие в Египте в этот период?**

– Из внутренних событий в ОАР в период моего пребывания в Египте наиболее значительным был государственный переворот, совершенный 28 сентября 1961 г. сирийской армией, в результате которого Сирия вышла из состава федеративного

объединения Египта и Сирии. Выход Сирии из ОАР явился критическим моментом для **Г. Насера** и его окружения, поскольку иллюзия быстрого достижения арабского единства развеялась, и под вопросом оказалась сама пропагандируемая ими идея.

Несмотря на сохранение Египтом после этого события названия ОАР, символизировавшего единство арабских интересов, оно привело к развёртыванию во всем арабском мире острой полемики между сторонниками и противниками этой идеи. Это событие произошло во время моего отпуска, поэтому непосредственной реакции властей и населения мне не удалось увидеть.

– Где вы жили в Египте и как был устроен ваш быт?

– Как я уже говорил, мне, не считая трёх месяцев, проведённых в Исмаилии, довелось жить и работать лишь в Каире. Первый год я прожил в Гелиополисе, в одной из двух гостиниц (мы называли их по-арабски «*лукандами*»), специально отведённых для советских граждан. Они были расположены примерно в двух километрах друг от друга.

Это вполне приличные, хотя и без роскоши, гостиницы, в одной из которых жили наши семейные пары, в другой – холостые специалисты и переводчики, а также вновь прибывшие семейные пары, которых затем расселяли в частном секторе. Комнаты в номерах были двухместные. Плата за проживание в гостинице, как я говорил, с нас не взималась, оплачивалась египетской стороной. Гостиницы охранялись полицией и органами безопасности.

На первом этаже гостиницы размещался ресторан, где местные повара под руководством жён наших специалистов готовили вполне приличную еду. Оплата за питание взималась вперёд, независимо от того, питался человек в ресторане или нет.

Мы в ресторане не могли привыкнуть только к тому, что основной едой был ужин, как у местных жителей, на который

редко ходили. Вечерами после спада дневного зноя уезжали в наш Культурный центр в Замалике, где могли пообщаться со своими друзьями, почитать свежие газеты и журналы, посмотреть советские фильмы, поиграть в шахматы, шашки, волейбол, настольный и большой теннис. Или шли в город на прогулку. Летом по выходным, если не было экскурсий по городу, мы шли обычно в бассейн, по вечерам – в открытый городской кинотеатр, где демонстрировались западные фильмы, которые менялись еженедельно. А обедать ходили в греческие рестораны, в которых можно было заказать блюда и русской кухни.

Когда не хватало мест в гостиницах, семейным парам при желании разрешалось снимать квартиры в городе. Большинство наших граждан предпочитало снимать квартиры в Замалике, недалеко от Посольства, других советских учреждений и Культурного центра, меньшая часть – в Гелиополисе, рядом с нашими гостиницами. Расходы на оплату таких квартир частично тоже покрывались египтянами.

В 1962 г. всех холостых специалистов и переводчиков, а также приехавших в командировку на срок менее года, перевели в новую гостиницу в Гизе – городе, расположенном на западной берегу Нила. Нашу гостиницу в Гелиополисе целиком передали семейным парам.

Размещая советских военных специалистов в охраняемых полицией и силами безопасности гостиницах, местные власти преследовали, помимо прочего, цель усиления контроля за их передвижением. Этого, впрочем, не скрывал от нас и возглавлявший «русскую службу» египетского военного министерства, отвечавший за нашу безопасность, выходец из грузинского мамлюкского рода капитан, майор, а затем подполковник **М. Бардис**, с кем нам по долгу работы приходилось очень часто взаимодействовать. Кстати, после прихода к власти **А. Саadata** в 1971 г. он, наряду с некоторыми другими офицерами был обвинен в излишнем «обрусении» и казнён¹².

¹² В.Б.Иванов Египетские контрасты – //hubara-rus.ru/files/egypt.doc

– **Понравилась ли вам новая гостиница и что вы потеряли от переселения?**

– Мы потеряли очень много. Дело в том, что Гелиополис – один из наиболее обустроенных, красивых и зелёных пригородов Каира, где проживает основная часть национальной элиты, включая президента страны. Здесь же обосновались греческая и армянская диаспоры, молодое поколение которых с удовольствием поддерживало с нами контакты.

В Гелиополисе сосредоточено также множество различных клубов, культурных центров, бассейнов, ресторанов, кинотеатров, богатых магазинов и т.д., которые наши граждане с удовольствием посещали. Другим плюсом этого района было то, что здесь же размещалось большинство военных учреждений, в которых работали наши специалисты, что было немаловажно для них в условиях летнего зноя. С центром города район был связан скоростным трамваем и обустроенным шоссе.

Что касается новой гостиницы в Гизе, то она уступала прежней по комфортабельности и находилась в районе новостроек. Основным её недостатком было отсутствие вокруг зелёных насаждений, из-за чего гостиница днем сильно перегревалась. В доступной близости от нее – ни открытого кинотеатра, ни бассейна, ни магазинов, ни предприятий услуг, не говоря уж об удобном транспорте. Единственное средство передвижения – такси.

Но у новой гостиницы были и свои плюсы, важнейший из которых – удобство её местоположения. Она находилась неподалеку как от острова Замалик, с которым её связывал новый мост, где в то время размещались наше посольство, учреждения ГКЭС и ГИУ, в том числе офис **А.С. Пожарского**, и советский культурно-досуговый центр, так и от центра города, куда мы ездили через Замалик в кино, музеи, на выставки, и от знаменитых пирамид в Гизе. И, наконец, от места моей новой работы – (дорога от гостиницы до авиабазы Каиро-Вест занимала лишь 40 минут).

Современная Гиза – самое посещаемое место в Египте, стоящее в одном ряду с монументальными храмами Карнака и Луксора. Египетская поговорка – «Всё боится времени, но время боится лишь пирамид» – как нельзя лучше применима к этому памятнику.

Лично я влюбился в пирамиды с первого взгляда. Они завораживали и, как магнит, тянули к себе. Ими можно любоваться бесконечно в любое время дня и ночи. За время пребывания в Египте я многократно приезжал на плато Гиза, не считая тех поездок, которые ежедневно совершал в период моей работы на авиабазе Каиро-Вест. Кроме того, у меня была уникальная возможность полюбоваться ими с воздуха во время наших еженедельных облётов самолётов. Свои самостоятельные поездки в Гизу я всегда завершал восхождением на вершину пирамиды Хеопса. В выходные и праздничные дни мы приезжали сюда целой группой и совершали групповые восхождения.

Нужно сказать, что открывающаяся сверху панорама вполне вознаграждает потраченные на подъём усилия. С вершины видны как на ладони Каир, долина Нила, начало дельты, пирамиды Саккара и т.д. К слову, на восхождение на пирамиду Хеопса осмеливались очень немногие. Дело в том, что уже в нашу бытность в Египте большинство блоков на пирамиде были сильно расшатаны, можно было упасть и разбиться. Процедура восхождения и спуска занимала у нас порядка 40 минут. При этом спуск был заметно сложнее и опаснее, чем восхождение.

Один местный гид ухитрился проделывать эту операцию за 8 минут, за что получил в подарок от **Н.С. Хрущёва** во время его визита в Египет золотые часы. Он с гордостью демонстрировал их всем туристам, особенно туристам из Советского Союза.

– Как проходило обучение египетского персонала?

– Мне трудно однозначно ответить на этот вопрос, так как я не являюсь специалистом по авиации. Что касается мнения

наших лётчиков и инженерно-технического персонала, приезжавших в Египет, как правило, на короткий срок, оно тоже страдало субъективизмом. В беседах с ними я так или иначе затрагивал этот вопрос.

Причина в том, что большинство наших специалистов мерили египтян «своим аршином», то есть предъявляли к ним те же требования, что и к себе. Поэтому когда я спрашивал у некоторых наших специалистов в первые месяцы пребывания в Египте об успехах их египетских подопечных, ответ был однозначный: освоение машин из-за невысокой квалификации местных лётчиков и особенно технического персонала идёт ни шатко, ни валко. У других ответ был более пессимистический: «Неделю бьемся над азами. Как об стенку горохом!»

Но когда я задавал им тот же вопрос по истечении нескольких месяцев, то получал иной ответ. Понаблюдав за тем, как египтяне настойчиво осваивают нашу технику, наши специалисты меняли свое мнение о них в лучшую сторону.

В этой связи не могу не вспомнить о наглядном уроке, полученном моими специалистами во время одной из экскурсий в Асуан, когда они сами заговорили на эту тему со строителями Асуанского гидроузла. Те же, в свою очередь, рассказали им об ещё более низкой по сравнению с египтянами квалификации индийских строителей, приехавших к ним на стажировку. После поездки мои специалисты стали относиться к своим египетским коллегам с большим уважением и пониманием.

– Как у вас складывались отношения с офицерами и низшими чинами египетской армии?

– Свой ответ на этот вопрос мне хотелось бы начать с того, что тогда советских специалистов в Египте называли *хубарами*, в Йемене – *хабирами* («хубар» – «хабир» по-арабски означает «специалист», «знающий»). Этот собирательный термин распространялся на всех наших специалистов, кроме, пожалуй,

переводчиков, вне зависимости от их статуса и звания, о которых египтяне были прекрасно осведомлены.

У большинства египтян не было сомнений в том, что «хубара» – высококлассные специалисты, искренне стремящиеся передать им свои знания, поделиться опытом, а если понадобится, то и помочь им защититься от внешних врагов. В народе к нам относились с огромным уважением.

Что касается отношений с офицерским корпусом, они в целом носили вполне дружеский, деловой характер. Но они никогда не переходили в личные отношения, чему препятствовали обоюдные инструкции. Это, впрочем, не исключало того, что некоторым нашим специалистам, одинаково дружелюбно относившимся как к офицерам, так и низшим чинам, нередко приходилось сносить пренебрежительные взгляды со стороны не только некоторых египетских офицеров, не расстававшихся со своими стеками подмышкой, но и солдат и капралов. Характерная деталь: египетские офицеры в своём большинстве наиболее ценили и уважали тех наших офицеров, кто относился к ним уважительно, но был строг и не давал ни в чём спуску. Что касается рекомендаций наших офицеров, то везде их внимательно выслушивали, на словах, соглашались, но, зачастую, делали по своему. Это вызывало недоумение у наших специалистов. Отношения наших специалистов с египетским инженерно-техническим персоналом были более тёплыми, если не приятельскими.

По условиям соглашений, на основе которых наши военные специалисты работали в Египте, их контакты ограничивались связями с представителями офицерского корпуса разных уровней. Контакты же с низшими чинами (капралами и солдатами) ввиду невысокого уровня их специальной подготовки (речь идёт о частях ВВС и ПВО) носили ограниченный характер.

Вопросы внутриармейской жизни не входили в компетенцию наших специалистов, хотя для них, «варившихся в общем армейском котле», они не представляли секрета, как не явля-

лись тайной царившие в армии Египта неуставные отношения. Поскольку такое явление, как «дедовщина», в Советской армии в то время ещё не было известно, неуставные отношения, широко бытовавшие в египетской армии, понимания со стороны наших офицеров не находили, как не находила, впрочем, у них понимания и практиковавшаяся в египетской армии 5-дневная рабочая неделя.

Ещё одна особенность египетской армии, к которой наши специалисты никак не могли привыкнуть. Ровно в 15.30 военные городки мгновенно пустели, и все военнослужащие, побросав на полдороге незавершенные дела, штурмом брали автобусы и разъезжались по домам. Оставив только караульных.

Не меньшее осуждение у наших офицеров вызывало и то, что солдаты, идущие в караул, брали с собой одеяла и подушки, что указывало на то, что они отнюдь не собираются бдеть во время караула. Такая беспечность и безответственность ввергали наших офицеров чуть ли не в шоковое состояние. Неоднократные проверки караулов, инициируемые нашими специалистами, показывали, что почти все они спят на посту. Когда караульным стали давать по 45 суток ареста за нарушение дисциплины, ситуация немного изменилась, но ненадолго.

Строго говоря, термин «*хубар*» на переводчиков не распространялся. Вместе с тем, отдельного термина, охватывающего эту категорию лиц, у них тоже не существовало. Египетское военное руководство, по-видимому, смущало то, что значительная часть наших переводчиков были гражданскими лицами и являлись выпускниками лучших советских вузов, имевшие в целом хорошую гуманитарную и языковую подготовку, способные на равных дискутировать с их офицерами на любые темы, и, главное, приехавшие на продолжительный срок.

Поскольку через переводчиков происходила ретрансляция представлений разных поколений наших специалистов о существующих в египетской армии порядках, портить отношения с переводчиками египетскому военному руководству не хоте-

лось. Переводчики занимали в их градации положение, которое уступало лишь статусу руководителя группы. Тот факт, что значительная часть переводчиков были гражданскими лицами, которые, кроме своих прямых обязанностей, не считали для себя возможным оказывать какие-либо «сервисные» услуги работающим с ними специалистам (подай, сходи, принеси, закажи, поторгуйся и пр.), если они не были основаны на чисто дружеских началах, лишь повышал статус переводчиков в глазах египтян. Особенно у обслуживающего персонала, представителей полиции и органов безопасности, приставленных к нам как на работе, так и в гостиницах, в которых мы проживали. Последние никогда не допускали каких-либо грубостей по отношению к переводчикам. Причина крылась, скорее всего, в спущенных сверху инструкциях.

– А много было вас, военных переводчиков, в Каире?

– У меня нет данных о том, сколько всего было военных переводчиков в мою бытность в Каире. Среди переводчиков была большая текучесть, их число постоянно менялось. По своему опыту знаю, что наше руководство старалось расставить нас таким образом, чтобы на каждом отдельном участке был хотя бы один переводчик. Тем не менее, нередко случались серьёзные перекосы в распределения нагрузки между отдельными переводчиками. Лично мне, например, приходилось работать с двумя, тремя, шестью и даже с 12 советниками, специализирующимися в разных, хотя и соседних, областях. Недостаток в переводчиках носил хронический характер.

Если говорить о количественной стороне, помню, что в авиационной группе нас с учётом тех, кто работал в группе ПВО и постоянно жил на авиабазе, насчитывалось около 30 человек, из которых лишь один был с арабским языком.

В общем списке переводчиков на зарплату в группе **А.С. Пожарского** я числился под 224-м номером.

– На каком языке вы общались с обслуживающим персоналом? Владели ли они английским языком?

– Я сталкивался с обслуживающим персоналом гостиниц двух типов. Перед перегонем наших самолётов на капитальный или профилактический ремонт (речь идёт о **Ту-16** и **Ан-12**) в Союз всех членов экипажей самолётов, включая переводчиков, почему-то за два-три дня до отлёта переселяли из гостиниц, в которых мы проживали, в фешенебельные отели, расположенные в центре города. Это мероприятие носило, скорее всего, имиджевый характер. Там мы сталкивались с хорошо вышколенным обслуживающим персоналом, неплохо владевшим английским и французским языками.

Что же касается персонала наших гостиниц и их охраны, то они, за исключением офицеров полиции и органов безопасности, не владели иностранными языками. Поэтому нам, переводчикам, приходилось с первого дня работы в Египте начинать осваивать азы арабского языка.

Многие из нас, кто по работе постоянно контактировал с водителями служебных автомобилей и ординарцами или с обслуживающим персоналом в гостиницах и других бытовых учреждениях, с продавцами в лавках и магазинах, таксистами и т.д., уже через полгода волей-неволей набрали тот необходимый минимум слов и выражений, без которых невозможно было установить контакты с окружающими нас людьми. Изучение языка облегчалось тем, что водители и ординарцы, с кем мы общались, в свою очередь, тоже старались выучить необходимый для общения со специалистами минимум русских слов и выражений. Словом, мы оказывали друг другу взаимную помощь в освоении языков.

Некоторые из переводчиков, кто серьёзно занимался изучением арабского языка по учебникам, к концу срока командировки могли довольно бегло говорить по-арабски. Например, **Анатолий Амеличев**, пробывший в Египте более пяти лет, к концу срока командировки вполне прилично владел этим диалектом.

– Общались ли вы с местным населением?

– Если говорить о специалистах, то общаться с местным населением им формально никто не запрещал, хотя и не приветствовалось установление таких контактов. Основным препятствием для них служил языковой барьер, поэтому их общение не шло дальше разговоров с торговцами, таксистами и т.д. К тому же за нашими специалистами велся тщательный надзор со стороны местных спецслужб. Что касается нас, переводчиков, то мы находились под не столь плотным контролем и могли встречаться в клубах и бассейнах со своими сверстниками, например, из греческой и армянской диаспор, с арабской университетской молодежью. Более того, могли даже позволить себе поехать с ними на многодневные экскурсии, например, в Мерса-Матрух, Эль-Фаюм и т.д.

– Многие ли египтяне, работавшие с вами, знали русский язык?

– Среди египтян в тот период уже была группа высших, средних и младших офицеров, инженеров и техников, прошедших различные по продолжительности курсы обучения в наших военных учебных заведениях, включая лётные училища и академии. Они довольно прилично владели русским языком. Особенно знаниями блистали те (их, кстати, было не так уж и мало), кто был женат на русских девушках.

Средние и младшие офицеры, инженеры и техники, обучавшиеся в Советском Союзе, не скрывали от нас факта своего пребывания в СССР и пользовались каждым случаем попрактиковаться в русском языке. Высшие офицеры, как правило, не афишировали своего знания русского языка. Более того, некоторые из них при случае неадекватного перевода нет-нет да и вставляли нам, переводчикам, «шпильку», указывая на неточность перевода. Старший переводчик авиационной группы

Ю. Акимов, знавший об этой привычке некоторых высших офицеров штаба ВВС и ПВО Египта (Муштарик), избегал посылать недавно приехавших переводчиков на переговоры с их участием.

В целом же, египтяне, прошедшие курс обучения в Советском Союзе и знавшие русский язык, оказывали нам, переводчикам, неоценимую помощь при переводе лекций или ведении занятий с младшим техперсоналом, слабо владевшим английским языком. Они охотно объясняли своим товарищам наиболее сложные задания по-арабски. Напомню, будущий президент Египта **Хосни Мубарак**, занимавший последовательно должности командира эскадрильи, а позднее – командира полка и командира авиабазы Каиро–Вест, вполне прилично владел русским языком и с удовольствием общался с нашими лётчиками и инженерно-техническим персоналом по-русски.

– **Вы были с ним знакомы?**

– Да. Я был единственным переводчиком на авиабазе, мы не могли не знать друг друга.

– **Как он тогда относился к нашим специалистам?**

– **Мубарак**, человек весьма сдержанный и немногословный, никогда при нас открыто не проявлял своих чувств. Однако из его отдельных реплик можно было понять, что перед нами типичный арабский националист, патриот. В его отношениях с нами доминировали искренность и естественность. В ходе редких бесед он не только умел отстаивать свои убеждения, но и прислушиваться к мнению собеседников. Нашим специалистам импонировало, что он не скрывал своего восхищения нашей техникой, особенно самолётами **Ту-16**. На занятиях старался «выжать» у наших инструкторов всё, что они могли ему дать, и это вызывало уважение к нему у наших специалистов.

Позже я несколько раз встречался с **Х. Мубараком** в Ходейде, где в 1963–1964 гг. стояла эскадрилья египетских **Ту-16**, участвовавшая в гражданской войне в Йемене на стороне республиканцев.

Одна из встреч с ним у меня сохранилась в памяти. Как-то, проходя мимо стоянки **Ту-16-х** в аэропорту **Ходейды**, я нечаянно столкнулся с ним как раз в тот момент, когда он перед строем эскадрильи отчитывал одного из офицеров за мародёрство. Увидев меня, **Мубарак**, как мне показалось, даже смутился, но всё же поздоровался как со старым знакомым и развёл руками в сторону в том смысле, что, мол, случается и такое.

Наказание, наложенное им на офицера (а его я, кстати, тоже знал по Каиро-Весту), оказалось более чем лёгким: всего-навсего перевели дежурным офицером на аэродром Асуана. Позже я неоднократно встречался и разговаривал с этим офицером в Асуане: он встречал и провожал самолёты, участвовавшие в йеменской операции. Кроме нас, посадку в Асуане с октября 1962 по февраль 1963 гг. совершали также 15¹³ советских **Ту-16** из 244 тбап 56 Бреславльской авиадивизии (группа подполковника **Севастьянова**), летавшие на цели в Йемене ночью. Характерно, что экипажи **Ту-16-х** в отличие от **Ан-12-х** в основном были смешанными¹⁴.

– Как долго вы проработали на авиабазе Каиро-Вест?

– Более полугода. Летом 1962 г. состав авиационной группы в связи с дополнительными поставками авиационной техники из Советского Союза значительно расширился. Возросло и число переводчиков. Рост произошел как за счёт вновь приехавших (выпускники и студенты последнего курса МГИМО, выпускники факультетов иностранных языков пединститутов

¹³ По другим сведениям — эти 15 бомбардировщиков **Ту-16** были переданы Египту (*прим. ред.-сост.*).

¹⁴ egyptstyle.ru/dalniya/def_article_t...

Минска, Чебоксар и Махачкалы), так и за счёт перевода в Каир моих однокашников из Исмаилии – **Саши Титова, Володи Ткаченко и Димы Тулаева.**

Одновременно были произведены перестановки в группах. Они коснулись и меня. В связи с увеличением численного состава наших советников при штабе ВВС и ПВО Египта (Муштарик) меня перевели в Гелиополис, в Муштарик, в помощь старшему переводчику авиационной группы подполковнику **Ю. Акимову.**

– Возлагались ли на переводчиков в Египте ещё какие-либо нагрузки, кроме прямых переводческих?

– Разумеется. Большинство переводчиков в силу специфики своей работы несли дополнительные нагрузки, общественные, связанные с «самообслуживанием» нашей группы или колонии. Какие были обязанности у других переводчиков, я уже не помню. Я в группе занимался организацией дальних экскурсий, поездок на купание на Суэцкий канал и на Красное море. Кроме того, на меня были возложены и обязанности по обеспечению врачебным обслуживанием сотрудников авиационной группы и членов их семей. В случае заболевания кого-либо я заказывал автомобиль, ездил с ним или с ними на приём к врачу в госпиталь Военно-воздушных сил. Иногда приходилось присутствовать и переводить на операциях. Бывали и другие случаи. Например, мне пришлось решать вопрос о кремации 6-летнего сына авиатехника, только что приехавшего в Каир из Кривого Рога. Произошло следующее. Мальчик, **Юра**, гуляя со своей двухлетней сестрёнкой на плоской крыше гостиницы, приспособленной для отдыха и прогулок, на мгновение отвлёкся и упустил её из виду. За это время девочка успела проползти под металлической оградой площадки и оказаться у самого края крыши. **Юра** бросился к ней, успел втащить её под ограду, но сам, потеряв равновесие, рухнул с 5-го этажа и разбился насмерть.

Мне пришлось взять на себя не только переговоры о кремации, но и переговоры с родителями с целью уговорить их остаться до конца срока командировки, поскольку было видно, что эта командировка важна для них в материальном плане.

– **Чем ещё запомнился вам этот период?**

– Запомнился тем, что вскоре после моего перевода в Муштарик в Каир прилетели первые шесть поставленных Египту наших военно-транспортных самолётов **Ан-12** (по кодификации НАТО: «*Суб*» – «*Медвеженок*»). Эти самолёты с их приподнятой хвостовой частью фюзеляжей, большим грузовым люком с рампой, обеспечивающим удобные условия погрузки и выгрузки с земли крупногабаритных грузов (до 20 т) или размещения до 60 десантников, или 91 человек, или 90 раненых, и высокопроходимым шасси, позволявшим взлетать с грунтовых аэродромов, значительно контрастировали поставлявшимся до того Египту военно-транспортным самолётам подобного типа.

На первых порах египетские высшие чины с нашими специалистами, которых я сопровождал, по несколько раз в неделю ездили на авиабазу Алмаза, где стояли **Ан-12-е**: изучали их тактико-технические характеристики и возможности применения.

Новые **Ан-12-е**, обладавшие рядом уникальных особенностей – всепогодностью, дальностью радиуса действия и высокой скоростью, помимо этого, способностью работать в сложных климатических условиях, неприхотливостью в обслуживании, как нельзя лучше, подходили для условий Египта.

Появление **Ан-12**, способных десантировать тяжёлую боевую технику и быстро перебрасывать десантников, радикально меняло роль воздушно-десантных войск, которые теперь превращались в один из мощных рычагов геополитического влияния Каира в арабском мире. Дальнейшие события лишь подтверждали, что в условиях Йемена с его высокогорными аэро-

дромами, где они нашли наиболее широкое применение, этот самолёт оказался практически незаменимым воздушным транспортным средством.

После отпуска в 1962 г. я продолжил работу в Муштарике. Численность нашей авиационной группы за время моего отсутствия ещё более возросла. Увеличилось и число и переводчиков, переведенных к нам в основном из других родов войск. Среди последних оказались и трое моих однокурсников, в частности, **Вадим Галушко**, **Володя Гусев** и **Володя Корочанцев**. Но переводчиков все равно не хватало. Теперь нам приходилось совмещать работу в Муштарике с работой на авиабазах. Отсюда регулярные выезды на «точки» и связанные с этим ожидания автомобилей, частенько застревавших в городских «пробках». Помню, во время таких вынужденных перерывов мы вчетвером с молчаливого согласия **Акимова** частенько играли или в шахматы, или в настольный теннис, или даже в баскетбол (двое на два), благо площадка была во дворе Муштарика. Эта традиция у нас сохранилась ещё со времен проживания в общежитии института.

Такое времяпровождение продолжалось до тех пор, пока нашу игру в шахматы не «засёк» начальник штаба ВВС и ПВО Египта. Он тут же обратился к Старшему группы советских военных специалистов при ВВС и ПВО с просьбой дать согласие на то, чтобы **Корочанцев** – сильнейший среди нас шахматист – в рабочее время ежедневно в течение двух часов тренировал одного египетского капитана ВВС, оказавшегося чемпионом Египта по шахматам.

Заметным явлением в культурной жизни советской колонии этого периода стало открытие в Гелиополисе ещё одного культурно-досугового центра (виллы) для наших специалистов и членов их семей, который сразу развернул активную работу по вовлечению наших граждан в свою культ-массовую деятельность. Нам переводчикам тоже было предложено подумать над тем, что могли бы мы внести интересного в работу виллы. Мои коллеги **Дм. Плюхин**, **Дм. Тулаев** и **Юрий Устименко** под-

готовили перевод текста ночного представления на пирамидах. Учитывая, что большинство наших граждан приехали в Египет недавно и мало были знакомы с бытом, традициями и обычаями египтян, я предложил подготовить лекцию по этой теме. Неожиданно для меня, она получила большой резонанс и многие выразили желание переписать её текст. Затем поступили просьбы прочесть лекции и на другие темы.

– Отразились ли на Вашей работе события в Северном Йемене, в частности свержение династии Хамидадинов?

– Да, отразились. Но чтобы было понятно каким образом, необходимо, по-видимому, сделать небольшой экскурс в историю этой страны.

Как известно, 18 сентября 1962 г. в Таиззе (вторая столица Северного Йемена) умер король **Ахмед** и новым королём и имамом был провозглашен его сын **Мухаммед аль-Бадр**. Оппозиционные силы, возглавляемые подпольной организацией «Свободные офицеры», которая объединяла около 60 человек, решили воспользоваться этим случаем и свергнуть правящий режим. Заговорщики во главе с лейтенантами **Али Абдель Гани**, **Хасаном аль-Амри** и **Хусейн ас-Сукари**, к которым позже примкнул начальник королевской гвардии полковник **Абдалла ас-Салляль**, в ночь с 26 на 27 сентября с отрядом курсантов военного училища в Сане и солдат численностью до 400 человек, сопровождаемые шестью танками и четырьмя бронетранспортерами, окружили дворец короля Дар аль-Башаир и открыли по нему огонь.

Король бежал, защитники дворца капитулировали. Утром 27 сентября власть в Сане перешла в руки заговорщиков. Позже в Каире объявили, что к перевороту причастна Служба общей разведки Египта – «*Mukhabarat el-Aama*» («*Мухабарат-Элам*»)¹⁵.

¹⁵ Судя по документам, Каир, зная о существовании оппозиционных на-

28 сентября были созданы новые органы власти – Совет революционного командования (СРК), Президентский совет, Совет министров и Высший совет национальной обороны, которые просуществовали до апреля 1963 г. Поскольку младшие офицеры, под руководством которых был совершен переворот, не были известны в стране, СРК принял решение назначить старшего среди них по званию полковника **Абдаллу ас-Салляля**, которому было присвоено звание бригадного генерала (через три месяца он стал маршалом), президентом страны, председателем Совета министров и верховным главнокомандующим. СРК упразднил теократическую монархию **Хамидаддинов**, провозгласил Йеменскую Арабскую Республику (ЙАР) и опубликовал программный документ йеменских революционеров – «Манифест революции 26 сентября».

В области внутренней политики республиканское правительство провозгласило целью установление социальной справедливости и ликвидацию феодальной системы. В 1962 г. оно обнародовало декрет об отмене рабства и уничтожении сохранявшегося долгие годы института заложников, затем осуществило ряд мер, направленных на создание национальной промышленности.

В области внешней политики ЙАР заявила о намерении установить дружественные отношения со всеми странами, уважающими её суверенитет и независимость, придерживаться принципа неприсоединения, невмешательства во внутренние дела других государств.

Республиканское правительство предприняло шаги, направленные на установление тесных контактов с племенами Йемена, а также на привлечение их к участию в управлении

строений в йеменской армии, скорее лишь поощрял их, особенно после июля 1961 г., когда отношения между Египтом и монархическим Йеменом резко обострились. См: Brown W.R. The Yemeni Dilemma // The Middle East Journal. 1963, aut. No. 17. Pp. 355—357; Balance E. The War in the Yemen. Hamden CT: Archon Books, 1971. Pp.9, 17—42.

страной. В Высший совет национальной обороны были введены вожди крупнейших племен. В дальнейшем его преобразовали в Высший совет шейхов племен, а впоследствии – в Консультативный совет ЙАР. Одновременно продолжился процесс демократизации: в 1963 г. был создан первый профсоюз, в 1965 г. – Всеобщая федерация профсоюзов Йемена. В 1966 г. начался процесс формирования массовой политической организации – Народного демократического союза. В то же время деятельность других политических партий и организаций была запрещена.

Военный переворот и первые декреты Временного правительства раскололи Йемен. Республиканцев поддержали лишь *шафиитские* районы, то есть юг и юго-запад страны с городами Таиз и Ходейда, население которых, исповедовало ислам в его ортодоксальной – суннитской форме (*шафииты*), а также отдельные города, где стояли воинские гарнизоны. *Шафииты* находились в Йемене на правах религиозного меньшинства. Составляющие большинство *шиито-зейдитские племена* северного и северо-восточного Йемена, находившиеся ранее в привилегированном положении и получившие финансовую и военную помощь от Саудовской Аравии и Иордании, а позже и Ирана, открыто выступили на стороне короля и имама **Мухаммада аль-Бадра**.

Что касается Саны, то основная часть населения, включая большую часть гарнизона, чиновничество и торговцев, выжидала, придерживаясь нейтралитета. Из вождей 40 крупных йеменских племен (всего в Йемене более 200 племен) лишь шейх племени *хашед* открыто высказался в поддержку революции.

Началась открытая поляризация сил. Республиканцы, не предполагавшие такого поворота событий, явно опоздали с началом мобилизации. К тому же они испытывали серьезную нужду в финансовых средствах. Государственная казна, традиционно находившаяся в религиозном центре *зейдитов* г. Хаддже, хотя в первые дни революции она контролировалась ре-

спубликанцами, не была оттуда своевременно вывезена и попала в руки монархистов. Напряжение в стране нарастало с каждым днем. Вскоре оно вылилось в многолетнюю кровопролитную гражданскую войну.

Ещё несколько слов о социальной структуре йеменского общества. В период нашего пребывания Северный Йемен представлял собой чрезвычайно отсталую в социально-экономическом отношении страну, в которой сохранилось племенное деление. Рабство и институт заложников, как уже отмечалось, были отменены лишь после революции. Не менее 80% йеменцев считали себя членами различных племен и племенных конфедераций.

Самыми крупными племенами считались *бакиль*, *бени-матари*, *зу хусейн*, *зу мухаммед*, *хашед*, *хаулян*. Каждое племя в Йемене имело не только свою территорию, воинские отряды, традиционных союзников и врагов, но и свои племенные обычаи «урф», отличающиеся от мусульманского права, и часто – свои культурные и этнические традиции, говор, предания и т.д. Региональная замкнутость и обособленность племен дополнялась восходящей ещё к древности неприязнью их к городскому населению. Поэтому каждый город в Северном Йемене обносился стенами. Внутренние войны между отдельными племенами или областями в Йемене никогда не прекращались, продолжаясь сотнями лет.

Монархисты представляли собой серьезную угрозу. Племенное ополчение по численности превышало регулярную йеменскую армию. Так, племя *бакиль* могло выставить до 100 тыс. вооружённых бойцов, *зу мухаммед* и *зу хусейн* – до 70 тыс. бойцов и т.д.¹⁶ Гористая местность и отсутствие дорог мешали республиканцам использовать военную технику, которая могла бы компенсировать малочисленность личного состава их вооружённых сил. Ситуация усугублялась тем, что из Саудовской Аравии и Иорда-

¹⁶ См.: Герасимов О.Г. Йеменская революция. 1962–1975 гг. М.: Наука, 1979. С. 40–59.

нии с 1 октября началась организованная поставка оружия вооружённым формированиям сторонников монархии.

И последнее. Из бесед с членами СРК, офицерами, обучавшимися в Советском Союзе, и функционерами нового режима, с которыми мы регулярно встречались во время наших прилётов в Сану/Ходейду, а также из личных наблюдений, у меня сложилось впечатление, что большинство из них находились под сильным влиянием племенных традиций и обычаев, шейхов племен и мусульманских ученых (*улемов*) и не мыслили о возможности вовлечения в дело защиты революции новых социальных слоев (ремесленники, рабочие электростанций, ремонтных и столярных мастерских, транспортники, портовики, чернорабочие, водоносы, носильщики, уборщики улиц, мелкие торговцы-лавочники, лотошники, учащаяся молодежь, преподаватели учебных заведений и т.д.).

Позже вовлечению этих слоев всячески препятствовала и политика египтян, в частности **Анвара Садата**, командовавшего египетским корпусом, которая, с одной стороны, защищала республиканский режим от монархистов, а с другой – препятствовала консолидации йеменских демократических сил, приведшая в конечном счёте к тому, что феодально-племенная верхушка в союзе с правыми республиканцами смогла сдержать революционный напор йеменского народа и не допустить глубоких социально-экономических преобразований.

Необходимо подчеркнуть, что успехи освободительного движения в Северном Йемене усилили антиколониальную борьбу народов Южного Йемена, что в конечном итоге привело к ликвидации Федерации Южной Аравии, созданной британскими колонизаторами, и провозглашению 30 ноября 1967 г. Народно-демократической Республики Йемен (НДРЙ).

Известие о свержении монархического режима в Йемене и приход к власти республиканских сил были с удовлетворением восприняты в Каире. 28 сентября в городах Египта прошли массовые демонстрации в поддержку йеменской революции. 29

сентября Египет признал республиканский режим и объявил о возобновлении денонсированного египетско-йеменского Договора о взаимной обороне от 1956 г.

Весьма примечательно, что Каир не ставил под сомнение необходимость оказания помощи йеменской революции. В свою очередь, для молодых йеменских революционеров, не имевших ни политического опыта, ни единой идеологической платформы, ни военных и финансовых возможностей, помощь Египта была крайне необходимой, без которой им было трудно удержать власть.

Советский Союз как союзник Египта *de facto* оказался вынужденным вмешаться в гражданскую войну на стороне республиканской Саны. 1 октября 1962 г. СССР признал республиканское правительство. Однако уже через день после переворота, то есть ещё до официального признания, Москва по просьбе правительства Египта организовала «воздушный мост» Каир – Сана/Ходейда с целью оказания срочной помощи республиканцам. Функционирование «воздушного моста» обеспечивалось в основном советскими самолётами **Ан-12**.

В обслуживании «авиамоста» участвовали сводные отряды трёх соединений ВТА: 12-й гвардейской Тульской дивизии, базировавшейся в Сеще и Новгороде; витебской 3-й Гвардейской дивизии и черкасской дивизии воздушно-транспортной авиации, дислоцированной в Кривом Роге. Первыми на вахту заступили тульчане, прилетевшие в Каир в конце сентября 1962 г. Эстафету от них подхватили витебчане, которых в 1963 г., в свою очередь, сменили криворожцы. Советские самолёты находились в оперативном подчинении египетского командования и составляли 14-ю эскадрилью 32 бригады на Алмазе. На бортах они несли опознавательные знаки ВВС ОАР.

Общим для советских экипажей всех отрядов была высокая лётная подготовка.

Следует указать, что наряду с бортами, прилетевшими из Советского Союза в ОАР для обслуживания «моста», участие

в операции, принимали также **Ан-12-е**, переданные нами египетской стороне. Структурно они входили в состав той же 14-й эскадрильи. В 1962–1963 гг., когда у египтян ещё не было своих подготовленных лётчиков, эти самолёты обслуживались советскими экипажами, прибывшими в Каир вскоре после открытия «моста». Они были из состава того же соединения, которое в это время обслуживало «мост».

Все самолёты, включая египетские, находились в фактическом подчинении у Старшего советской группы военных специалистов ВВС и ПВО в Египте и летали по единому плану.

Различия в принадлежности самолётов первоначально не затрагивали наших лётчиков. Однако позднее они обозначились более явственно, отряд был передислоцирован в 1965 г. в международный каирский аэропорт и стал обслуживаться египетским техперсоналом.

Обычная загрузка самолётов **Ан-12** с учетом 43-х бочек керосина на обратный рейс, (позже на советских самолётах были установлены по два больших бака, а на египетских **Ан-12** – была установлена система из баков от **МиГов**) составляла порядка 12 т боеприпасов, или 60–70 человек личного состава египетской армии. Полёты совершались только ночью. Лётчикам в воздухе после Асуана запрещалось выходить на радиосвязь.

Одновременно весной 1963 г. на авиабазе Алмаза началось переучивание первых двух египетских экипажей с **Ил-14** – на **Ан-12**. Оно завершилось осенью того же года. Однако первый же самостоятельный полёт, совершенный командиром авиабазы Алмаза на **Ан-12** осенью 1963 г., закончился неудачей. При взлёте ночью с аэродрома Асуана он, не вписавшись в глиссаду, врезался о скалу, самолёт взорвался и загорелся. Экипаж (кроме стрелка-радиста) погиб. Обломки разлетелись на огромной площади. В этой связи следует добавить, что потери, к сожалению, несла и наша страна. Советские потери в йеменской кампании составили: 2 советника в Йемене и 8 человек экипажа од-

ного из самолётов **Ан-12**, который потерпел аварию при взлете в Асуане.

Возвращаясь к сюжету с египетским самолётом, хочу сообщить, что он был загружен 5 тоннами новых, только что отчеканенных египетским казначейством, биметаллических монет, для сбора которых в Асуан были стянуты значительные полицейские силы. Полёты продолжались, хотя причина аварии не была выявлена. После аварии «египетская» группа была усилена за счет нашего нового **Ан-12**.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Египет с самого начала йеменской операции испытывал серьезные финансовые трудности в связи с необходимостью покрытия валютных расходов на содержание своего экспедиционного корпуса. Сложность состояла в том, что денежный рынок Йемена был в зачаточном состоянии; бумажные деньги, кроме долларов США и английских фунтов, не циркулировали. В обращении были лишь серебряные монеты – талеры **Марии Терезы**. Осенью 1963 г. Каиром была предпринята попытка внедрить в Йемене в обращение бумажные деньги и биметаллические монеты взамен талеров. Но об этом чуть ниже.

– Откуда Вам известно, что функционирование «воздушного моста» Каир – Сана/Ходейда началось буквально через день после переворота? Принимали ли Вы участие в первом полёте?

– Я знаю об этом потому, что мне действительно пришлось самому принять участие в первом полёте на **Ан-12**, командиром которого был майор **Суворов Виктор Иванович**.

Ещё раз повторюсь: переворот в Йемене произошёл в ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. А вечером 28 сентября в 18.00 два египетских самолёта **Ан-12** с экипажами из 12-й гвардейской Тульской военно-транспортной авиационной дивизии, «под завязку» груженые техникой, боеприпасами и горючим для об-

ратного рейса (по 43 бочки керосина в каждом), уже взлетели с каирского аэродрома Алмаза с интервалом 15 минут, держа курс на Асуан. В **Ан-12**, где я был бортпереводчиком, летели также египетская делегация и взвод египетских десантников¹⁷.

После дозаправки в Асуане курс лежал на Сану. Выбор позднего часа вылета обуславливался тем, что Каиру не хотелось афишировать свое вмешательство во внутренние дела Северного Йемена. Он знал, что такое вмешательство будет воспринято на Западе крайне негативно.

Подготовка операции в Каире велась в строжайшей тайне. Из переводчиков о ней знал только **Ю. Акимов**. Дело происходило в выходные дни. Эта дата осталась у меня в памяти ещё и потому, что **Акимов** накануне попросил меня никуда не уезжать из Каира, объяснив, что хочет пригласить меня к себе домой. Во время встречи он в двух словах рассказал о предстоящей операции и попросил порекомендовать ещё одного переводчика на второй самолёт. Не раздумывая, я назвал **Геннадия** (лейтенанта-переводчика из штаба Тульской дивизии (фамилию, к сожалению, уже забыл). Мы с ним однажды уже перегоняли самолёты. **Геннадий** несколько дней назад прилетел в Каир вместе с группой **Баранникова** в качестве бортпереводчика на **Ан-12** и собирался через неделю вернуться обратно в Союз на самолёте, которому по графику предстоял профилактический ремонт.

Когда я изложил **Геннадию** суть предложения Акимова, он лишь вопросительно посмотрел на меня. Увидев, что я кивнул головой, сказал: «Тогда и я».

Несколько слов о процедуре подбора переводчиков, обслуживавших «мост». Следует подчеркнуть, что наше руководство в этом вопросе всегда, по крайней мере, в мою бытность в Каире, старалось придерживаться правила: к этой работе привлекать только холостых ребят из числа добровольцев. При этом

¹⁷ О переброске 29 сентября 1962 г. первых египетских солдат в Сану и Таиз самолётами см.: Dawisha A.I. Intervention in Yemen: An Analysis of Egyptian Perceptions and Politics// Middle East Journal, 1975, №1. Pp. 47–64.

оно не обращало внимания на то, является ли тот или иной доброволец военнослужащим или гражданским служащим.

Ситуация с подбором переводчиков по обслуживанию «авиамоستا» в Сану/Ходейду сложилась следующая. Когда в авиационной группе объявили о наборе переводчиков – добровольцев для полётов в Йемен, переводчиков набралось гораздо больше, чем требовалось. Многим хотелось посмотреть на новую страну, её народ, обычаи. В этих условиях командирам экипажей разрешили самим выбирать себе переводчиков. Однако уже через неделю картина в корне изменилась. Как только выяснилось, что полёты – не туристическая прогулка и сопряжены с риском для жизни, число желающих летать сразу упало. В результате основная тяжесть полётов работы легла на плечи лишь нескольких переводчиков. Летали в Йемен, как правило, через день. Однако график не всегда удавалось соблюсти. Когда руководство не находило замену, нас в тот же вечер отправляли обратно в Йемен.

– Расскажите подробнее о своем первом полёте

– Хотя с тех пор прошло много лет, об этом полёте я помню все, вплоть до мелочей. И запомнился не только из-за того, что он был для меня первым «рабочим» ночным полётом, но и потому, что с самого начала проходил во «внештатном» режиме: мы постоянно сталкивались с какими-то препятствиями. В тот раз я на собственном опыте убедился в правоте русской народной мудрости: «Первый блин всегда комом!»

С первыми трудностями столкнулись ещё на подлёте к Асуану. Как вы знаете, на юге темнеет быстро. Когда подлетели к Асуану, была уже глубокая ночь. К удивлению наших лётчиков и штурмана, взлетно-посадочная полоса (ВПП) аэродрома оказалась неосвещённой, о чем нас заранее никто не предупредил. Возможно, это было связано с мерами предосторожности, принимаемыми египетскими властями по защите строящейся пло-

тины, но возможно – из-за обычной расхлябанности, с которой мы в Египте сталкивались сплошь и рядом.

Любая посадка при полной загрузке самолёта – сложная задача, при «слепой» или «инструментальной» посадке на неосвещённую полосу она сложна вдвойне. Посадка затруднялась ещё и тем, что египтяне при строительстве аэродрома, по непонятным причинам, в начале ВПП оставили без внимания высокую скалу, которая при «слепой» посадке представляла более чем серьёзную опасность, не говоря уж о том, что она «скрадывала» часть полосы. Об этом египтяне предупредили нас лишь в последнюю минуту, когда самолёт уже шёл на посадку, строго выдерживая курс и глиссаду. К счастью, всё обошлось.

Дозаправившись, мы, не мешкая, вновь взлетели и легли на свой курс. Глубокой ночью прошли траверз Порт-Судана, где, как мы опасались, могли находиться английские военные истребители.

Всё было спокойно. При первых лучах солнца, оставив за собой усеянное мелкими вулканическими островами прибрежную полосу Красного моря, углубились в хинтерленд. Пересекли полупустынную полосу равнин и оказались над гористом плато, которое занимает большую часть территории Йемена и имеет высоты от 200 до 3766 метров.

Освещённые солнцем вершины гор выглядели потрясающе красиво, часть из них в снегу. Но вскоре штурману и другим членам экипажа стало не до красот: однообразная, без характерных ориентиров горно-пустынная местность чрезвычайно усложняла полёт. К тому же, командира **Суворова**, а он, как большинство лётчиков, был суеверным, не оставляло предчувствие, что «беда не приходит одна», что надо готовиться к встрече с новыми неприятностями. Так оно и случилось.

Когда мы подлетели к Сане и увидели то, что нам в Каире называли «главным аэропортом страны» (Эр-Рабаха расположен в 13 км к северу от Саны), у экипажа волосы на голове чуть ли не встали дыбом.

Вместо «разрекламированного» международного аэропорта мы увидели грунтовую полосу, утоптанную до плотности асфальта, покрытую слоем спёкшихся на солнце полиэтиленовых пакетов и мусора. По ней бродили козы в поисках пищи.

Длина полосы едва ли превышала 700 м, в конце её возвышалось одноэтажное жилое глинобитное строение. Ни вышки руководителя полётов, ни радиостанции не было и в помине, как не было и ограждения вокруг аэродрома... Но нужно было садиться.

Чтобы не расходовать лишнего горючего, лётчик сразу пошёл на посадку. Какие усилия он предпринял для того, чтобы сократить тормозной путь самолёта, не знаю, но мы остановились буквально в метре от стоявшего в конце полосы глинобитного дома. Только тут я впервые оценил высочайшее мастерство наших пилотов (у **Суворова** к тому времени было более 6 тысяч часов налета, у второго пилота – около 8 тысяч, то–есть оба были опытными лётчиками)

После нашего возвращения в Каир я слышал, как **Виктор Иванович**, докладывая Старшему группы советских военных специалистов ВВС и ПВО при Муштарики о выполнении экипажем задания, охарактеризовал аэродром Саны, как «минимально подготовленный грунтовый аэродром».

Не успели мы ещё освободить полосу и заглушить двигатели, как открылись задние грузовые аппарели, на грунт торопливо сбежали египетские десантники, съехала боевая техника и началась разгрузка боеприпасов и продовольствия. Вслед за десантниками сошла на землю и египетская делегация. К слову, из числа прибывших с нами египетских десантников в Йемене было создано специальное подразделение парашютистов для охраны **А. Салляля** и других руководящих деятелей ЙАР¹⁸.

К нашему удивлению, через несколько минут к нам на двух автомашинах подъехали советские военные советники и стро-

---

¹⁸ Dawisha A.I. Intervention in Yemen: An Analysis of Egyptian Perceptions and Politics// Middle East Journal, 1975, №1. P. 51.

ители. Первые были заняты обучением йеменской армии (первая группа наших советников прибыла в Йемен ещё в 1956 г. В 1963 г. их насчитывалось здесь более 500 человек), а вторые – на строительстве автодороги Сана–Таиз. По просьбе командира самолёта они подогнали тягач и мы с их помощью отогнали наш борт подальше от посадочной полосы, чтобы он не мешал приему второго самолёта, который должен был вот-вот подлететь.

Между тем время шло, а второго борта все не было. Мы от волнения не находили уже себе места, так как горючее у самолёта должно было быть на исходе. Особенно волновался я, угворивший **Геннадия** полететь с нами и знавший, что в Союзе у него жена и двое детей. Лишь через полчаса, когда мы уже потеряли надежду на прилёт второго борта, на горизонте показался низко летящий самолёт. **Виктор Иванович** тут же связался с его командиром по рации и передал посадочные данные. Через несколько минут самолёт благополучно приземлился. Оказалось, что экипаж, не сразу сориентировавшись в гористой местности, немного поплутал. Одновременно с разгрузкой экипажи с помощью тех же военных специалистов и строителей начали перекачку керосина из бочек в ёмкости самолётов.

Не успели они завершить эту операцию, как на аэродром с криками и стрельбой в воздух въехали два джипа, в каждом из которых сидели или лежали на капотах чуть ли не по дюжине увешанных автоматами и пулемётами солдат. Оказалось, что на аэродром встречать первых после переворота самолётов приехали со своей охраной чуть ли не все члены Совета революционного командования: **Абдалла ас-Салляль**, **Хасан аль-Амри**, **Хусейн ас-Сукари** и некоторые другие. Радости их не было предела. Они не пытались даже её скрыть.

В ситуации, в которой оказались восставшие, когда не только обыватели и торговцы, но и большая часть гарнизона Саны не спешила признать новую власть, прилёт самолётов с советскими экипажами и египетскими парашютистами на борту был

для властей более чем своевременным. Они никак не могли поверить в то, что так быстро пришла внешняя помощь. Толпа приехавших вновь и вновь кружила вокруг самолётов, цокала языками, ошупывала фюзеляжи, крылья и шасси, восхищаясь их размерами.

Однако хорошее настроение членов СРК сразу улетучилось, как только они узнали, что через несколько часов мы собираемся вылететь обратно в Каир. Ас-Салляль с товарищами по СРК, посоветовавшись сначала между собой, а затем с членами египетской делегации, обратился к командиру **Ан-12 В.И. Суворову**, суровое на вид лицо которого им явно импонировало, с просьбой задержаться в Сане до прилета наших следующих самолётов.

Ас-Саллялю и членам СРК хотелось, по-видимому, задержать вылет наших самолётов, чтобы обыватели и гарнизон города, не определившие ещё своего отношения к перевороту, не только узнали об их прибытии, но и воочию увидели эти комплексы. Было очевидно, что «эффект присутствия» наших самолётов на аэродроме Саны имел для молодых руководителей государства в тот момент важное политическое значение. Кроме того, самолёты, способные одновременно забрать на борт по девяносто человек, могли пригодиться на случай провала переворота, победа которого ещё не стала фактом.

Суворову, как руководителю группы, ничего не оставалось как связаться с руководством в Каире. После некоторого молчания (видимо, вопрос согласовывался с **А.С. Пожарским**) Старший группы советских военных специалистов ВВС и ПВО при Муштарике дал согласие на задержку вылета одного из самолётов. Второй же борт, согласно плану, должен был вернуться обратно в Каир. Молодых руководителей Йемена такое решение вполне удовлетворило. Так было положено начало широко-масштабной воздушно-транспортной операции по переброске в Йемен египетских войск.

Дальнейшие события развивались в следующей последо-

вательности. Сначала оба борта разгрузили и заправили горючим. Их охрану взяли на себя работавшие в Йемене наши военные специалисты и строители, неофициально имевшие при себе личное оружие. Они быстро оградили канатами площадку, на которой стояли самолёты. Это оказалось весьма своевременным, так как на аэродроме уже собралась огромная толпа обывателей, желавших не только посмотреть, но и потрогать наши самолёты.

Хотя йеменские руководители явно горели желанием скорее отвезти нас в город и показать горожанам, **Суворов**, однако, не спешил с поездкой. Он дал согласие поехать в город лишь после того, как проводил второй самолёт и удостоверился в надёжности охраны своего борта. Два открытых **ленд-ровера** уже ждали нас. В первой машине разместились члены экипажа и два молодых лейтенанта, учившихся в Советском Союзе и говоривших по-русски (они вызвались стать нашими гидами), а во второй – охрана, сопровождавшая нас.

Сначала нас повезли во дворец Дар аль-Башаир, резиденцию бывшего короля и имама **Мухаммада аль-Бадра**, который представлял собой огромное 7–8-мизэтажное здание из необожжённого кирпича. Там нас накормили настоящим королевским обедом из нескольких десятков блюд, а затем всем курящим преподнесли по блоку сигарет из запасов имама. После обеда дожидавшийся нас представитель ГКЭС в Йемене выдал нам командировочные, после чего мы отправились в Сану, по-видимому, для завершения демонстрации «эффекта присутствия».

То, что мы увидели на аэродроме, во дворце и в самой Сане, потрясло нас. Йемен был явно страной контрастов, в котором сочетались раннесредневековое и современное. Это бросилось в глаза ещё в первые минуты нашего пребывания.

Прежде всего нас поразило то, что подавляющее большинство населения носило национальную одежду. У мужчин – это повязка вокруг бёдер («*фута*»), ниспадающая до колен, и обыч-

но белая, распахнутая на груди рубашка, а некоторые были по пояс голыми. Для пошива *футы* использовались ткани насыщенных цветов – это синий, красный и зеленый, а украшения могут служить кисти и бахромы. Головы обязательно повязывали пёстрыми платками, окантованными кисточками – иначе не спастись от песчаных бурь. На ногах у йеменцев кожаные сандалии «*ба джхайш*», которые своим шуршанием отпугивали разную нечисть типа змей или скорпионов. Знатные йеменцы поверх одежды носили шерстяные халаты с перекинутым через плечо шарфом.

Женский костюм состоял из длинной тёмной юбки и не закрывающей поясицу тёмной кофты с цветным ярким орнаментом. Чиновники были одеты в европейскую одежду, у торговцев – смешанная одежда. Впрочем, в Тихаме (на побережье Красного моря) мы убедились, что одежда варьируется в зависимости от климатической зоны. Там в одежде преобладали светлые тона, на голове соломенная, в виде усечённого конуса, шапочка без полей, или чалма.

Одевание большинства йеменцев дополнял изогнутый кинжал («*джамбия*»), обязательный аксессуар мужской одежды для члена племени, достигшего возраста воина. Носится он на поясе, немного сбоку и поэтому получил своё название от арабского слова «*Джамбия*» – «бок, сторона». Джамбию не вешают на пояс, а засовывают за специальный ремень из дублёной кожи или очень плотной ткани. Многие йеменцы были вооружены также автоматом или пистолетом.

Типичной была и другая сцена: вооружённый *джамбией* и автоматом мужчина с транзистором на шее, восседавший на ослике, не торопясь пересекал взлётную полосу, направляясь на рынок в сопровождении стайки, укутанных с ног до головы в чёрную ткань хрупких женщин, на головах у которых высились огромные тюки. Перед нами был вопиющий пример бесправного положения женщин. Потом мы перестали этому удивляться, так как нам приходилось встречаться с 14-летними йеменскими

женщинами, имеющими двоих детей и 29-летними женщинами, ухаживающими за своими внуками.

В заключение приведу ещё одну картину, запавшую в память.

Когда наш кортеж, сопровождаемый рёвом клаксонов, на бешеной скорости через крепостные ворота «влетел» в Сану, мы просто опешили. И было от чего! В городе, куда мы въехали, не было привычных нам ни улиц с тротуарами, ни площадей с уличным фонарями... Вместо них – лишь кривые узенькие улочки, напоминавшие скорее проходы между хаотично расположенными домами. Вдоль них, прижимаясь к заборам, шагали закутанные с ног до головы в черную ткань женщины. Уличное движение в городе никем, естественно, не регулировалось. Буквально через пару минут после въезда в город мы испытали первый сильный шок. Женщины, которые до появления наших автомобилей мирно стояли у обочины, беседуя друг с другом, или шагали по улице, когда до нашего кортежа осталось метра три или четыре, вдруг бросились наперерез машинам, чтобы пересечь улицу. Как шофер ухитрился не раздавить их, не знаю. Когда это по-вторилось несколько раз к ряду и мы вопросительно посмотрели на наших гидов, они рассказали о существующем у них поверье: «чем ближе человек перебегает дорогу перед быстро идущим транспортом, тем больше Всевышний снимает грехов с души человека».

Из рассказов наших гидов следовало, что, если верить йеменским легендам, Сана – один из первых участков человеческого поселения на планете. Местные жители считают, что город был основан **Симом**, сыном **Ноя**, сразу после Великого потопа. Наши сопровождающие произносили название города с ударением на второй длинный слог (Сана'а). Название происходит от южно-арабского термина, означающего «хорошо укрепленный». Город начал строиться приблизительно во II столетии н.э. и вплоть до настоящего времени располагался в пределах древних стен. Название же страны «*аль-йаман*» они пере-

водили с арабского языка как «правая сторона» или «счастье», «благоденствие». Йемен занимает большую часть территории, которую древние римляне называли «*Арабия Феликс*» («Счастливая Аравия»).

Город разделён на кварталы. В старой Сане насчитывалось около 14 тысяч домов-башен, которые имеют по шесть (иногда даже по девять) этажей. При этом верхнее помещение – просторная гостиная – *мафрадж* – используется для приёма дорогих гостей и для вечернего жевания *ката*. Старый город Саны считается наиболее крупной и хорошо сохранившейся мединой в арабском мире. Многим зданиям Саны по 400–500 лет, их фасады украшены сложными бордюрами и красивыми окнами в традиционном арабском стиле, а возвышающиеся над ними минареты выстроены по классическим исламским образцам. Канализация в городе отсутствовала и все нечистоты выливались на улицу. Запах помоев усложнял длительные поездки или прогулки по городу.

Климат в Сане умеренно-тяжёлый: летом средняя температура равняется 40 – 44° С, зимой – иногда падает до минусовой отметки. Хотя здесь не бывает такой изнурительной жары, как на юге или юго-восточном побережье Йемена, но из-за большой высоты над уровнем моря и разреженности воздуха (вода кипит при 80 градусах С) в первый период, пока не акклиматизируешься, испытываешь некоторую слабость и одышку.

Снег, по словам наших гидов, выпадает не чаще, чем один раз в 60 лет. Впрочем мне посчастливилось стать свидетелем снегопада в Сане. Это случилось 22 декабря 1962 г. Мы с восхищением наблюдали за местными ребятишками, жившими вблизи аэродрома, которые, впервые в жизни увидев снег, высыпали босиком на полосу и никак не могли понять, почему он такой холодный. Заодно выяснилось, что они даже не знали что такое снег, поскольку в их лексиконе такое слово отсутствовало, и они называли его «лёд». Через несколько часов снег стал таять и вскоре совсем исчез.

Сначала нам показали исторический центр города – цитадель Каср-эль-Сила, построенную сразу после принятия ислама в VII столетии и до сих пор сохраняющую свой первоначальный облик. Следующей была вторая достопримечательность Саны – большая мечеть, самая крупная в городе и одна из старейших в мусульманском мире. Считается, что она была построена ещё при жизни пророка и расширена в 705 г. н.э. В настоящее время она является одной из святынь *шиитов-зейдитов*. По словам наших гидов, в городе насчитывается около 40 мечетей, и каждая из них обладает особым стилем и шармом. К сожалению, большинство достопримечательностей Саны нам не удалось увидеть или показали их нам по принципу: «посмотрите налево, посмотрите направо».

Наши сопровождающие явно спешили на рынок, являющийся основным информационным центром города, где хотели показать прилетевших русских лётчиков торговцам и обывателям. Центральный рынок Сук-аль-Мил, оказался огромным скоплением из приблизительно 40 маленьких рынков, каждый из которых специализировался на каком-то определенном товаре – овощах, специях, листьях *ката*, изюме, коже, коврах, глиняной посуде, одежде, резных работах по дереву, меди, серебру и т.д. Здесь мы чуть ли не оглохли, не успев ещё подъехать к торговым рядам.

Рынок вокруг нас буквально ревел: все кричали, махали руками, зазывая покупателей. Судя по всему, к моменту нашего появления все уже знали о прибытии советских самолётов. Увидев нас, некоторые из них кричали «велкам!», другие – жёсткими просили сфотографировать их, третьи, наименее смелые, просто смотрели на нас. Слышались одобрительные возгласы: «Руси – тамам», «Кеннеди – муштаман» (что значит плохо). Все продавцы мимо лавчонок (дуккянов), которых мы проходили, пытались если не угостить кофе и чаем, или хотя бы потрогать нас. Одни стелили перед нами ковры, другие вытаскивали из своих лавчонок японские магнитофоны, проигрыватели, кино-

и фотоаппараты, транзисторы, изделия из золота, жемчуга и т.д. Внимательно рассмотреть всё это не было возможности. Наши сопровождающие торопили нас, им хотелось обойти в сопровождении нас как можно больше рынков, чтобы показать нас торговцам, являвшимся в Йемене основными носителями информации.

Вместе с тем, нашим гидам, по-видимому, хотелось продемонстрировать торговцам, являющимся, как уже говорилось выше, основными носителями информации, что мы здесь появились отнюдь не случайно, а пришли за покупками. Они настоятельно посоветовали нам хорошенько поторговаться, прежде чем что-либо купить. Видя, что мы не обладаем этими навыками, они взяли эту миссию на себя. Помню, гиды помогли мне приобрести очень хороший широкоплёночный японский киноаппарат, пару транзисторов, включая малогабаритный, которые только-только появились и их можно было носить в нагрудном кармане летней рубашки, дюжину итальянских галстуков и ещё кое-какую бытовую мелочь. Остальные члены экипажа купили по японскому фотоаппарату, магнитофону «Грюндиг» и транзистору. В Каире эти товары стоили в несколько раз дороже. Поскольку стоимость наших покупок намного превысила сумму выданных нам командировочных, разницу доплатили в египетских фунтах. У торговцев они шли по курсу 1,5 реала (талера или американского доллара) за фунт, хотя его официальный курс равнялся 2,5 доллара.

Из рынков, которые нам успели показать, мне больше других запомнился рынок Джамбия, расположенный западнее рынка Сук-аль-Мил, который специализируется на изготовлении и продаже сложного церемониального местного оружия – *джамбии*. Здесь нам кузнецы продемонстрировали процесс изготовления кинжала. Лезвие джамбии выковывают из подручных материалов – будь то старая пила или другое изделие из металла. Но основным показателем качества *джамбии* служит его рукоятка. Рукоятки *джамбии* делают из различных матери-

алов, но самые престижные имеют рукоятки из рога африканского носорога. *Джамбия* не меняет свой вид вот уже несколько тысячелетий. С древнейших времён кинжалы с широким обоюдоострым изогнутым лезвием были широко распространены у народов Ближнего и Среднего Востока. Но до нашего времени *джамбия* сохранилась только в Йемене. Это даже породило легенду, что *джамбия* чисто йеменское национальное оружие. Наши сопровождающие объяснили нам, что йеменцы даже среди арабов славятся своей тягой к оружию, причём здесь до сих пор ценится не столько богатство коллекции, сколько умение с ним обращаться.

Показали нам также Сук-аль-Нахаа, считающийся лучшим местом в стране для покупки местных вышитых головных уборов, наборных поясов и всё тех же традиционных изогнутых кинжалов *джамбия*. Здесь нам пояснили, что *джамбию* нельзя назвать настоящим оружием, ведь её используют преимущественно для бытовых нужд – чтобы разделать тушу ягненка или нарезать веток для костра. Кинжал может пригодиться и для защиты чести семьи, хотя в этих целях гораздо эффективнее автомат или пистолет – они должны быть у каждого настоящего йеменского мужчины. Чаще всего *джамбии* передаются по наследству как символ племени или социального статуса. Получить *джамбию* по наследству считается очень престижным. Официально, в госучреждениях во время рабочего дня запрещено носить *джамбии*, они сдаются охране. Но влиятельные люди никогда с ней не расстаются.

Другим явлением, с которым мы столкнулись в Йемене, был *кам* (*Catha edulis*) – кустарник из семейства бересклетовых. Как известно, в мусульманских странах в соответствии с нормами ислама алкоголь находится под запретом. (В Коране, кстати, прямого запрета на потребление алкоголя нет, но есть указание на то, что нельзя приближаться к молитве, если ты пьян. Но проблема в том, что верующие молятся пять раз в день, и, таким образом, честному человеку не представляется

возможным выпить, чтобы не нарушить этот запрет)¹⁹. В Йемене, в отличие от ряда мусульманских стран, не было даже подпольного рынка для алкоголя. При этом в Йемене как и в остальных странах Аравийского полуострова, Африканского Рога, например, в Эфиопии, Восточной Африке, процветает употребление наркотика под названием *кат*. Растение содержит вещества стимулирующе-наркотического действия. Традиция жевать кат появилась в Йемене более 600 лет назад. Его употребление, по словам наших гидов, сводится к простому пережевыванию молодых листьев этого кустарника. Жевание *ката* имеет свой термин – «*тахзин*», что в переводе означает «хранение», «складирование», то есть за щекой складывается пережеванная масса, где ферментируется слюной.

Для йеменцев жевание *ката* – не пагубная привычка или простое времяпрепровождение, а стиль жизни. После обеда всё население Йемена жует *кат*: мужчины собираясь в группы по несколько человек в кофейнях, а женщины и подростки – дома. Жевали *кат* торговцы на рынке, солдаты, охранявшие нас во время поездки, даже наши водители, управлявшие автомобилем.

В последние годы *кат* в Йемене стал настолько популярен, что во многих местах плантации *ката* вытесняют кофе. Обе культуры выращивают в одних и тех же климатических условиях, но в отличие от кофе урожай *ката* собирают круглый год. Продается же *кат* дороже кофе. Единственный недостаток – *кату* требуется много воды. В среднем, на *кат* тратится до трети дневного дохода йеменца. Другая проблема, связанная с *катом* – мафиозный контроль производства и реализации. Катовая мафия Йемена настолько же могущественна как итальянская мафия или кокаиновые бароны в Колумбии.

---

¹⁹ Не совсем так. Подобное косвенное запрещение винопития существовало лишь при жизни пророка Мухаммеда (умер в 632 г.). Незадолго до его смерти употребление вина было категорически запрещено для всех мусульман (прим. ред.-сост.).

На рынке мы столкнулись ещё с одним весьма интересным явлением. Как отмечалось выше, бумажных денег в обращении в Йемене, кроме американских долларов и английских фунтов, в нашу бытность в стране не было. Законным средством обращения здесь оказался серебряный *талер*, впервые отчеканенный в Австрии в 1741 г. в честь старшей дочери главы Священной Римской империи **Карла VI Марии Терезы** (1717–1780). Австрийские деньги попали на Ближний Восток через внешнюю торговлю. *Талер* пользовался неограниченным доверием международных торговцев и с 1855 г. стал в Йемене *de-facto* единственным средством обращения. Кроме Йемена, *талер* имел хождение в Аравии, Эфиопии, Восточной Африке, Триполи, Индии, Пакистане.

(Согласно турецким источникам, территория обращения *талера* фактически стала первой в мире единой валютной зоной, имевшей унифицированную денежную единицу. Такое положение сложилось исторически. Состояние денежной системы Османской империи на протяжении последних столетий её существования было трудно охарактеризовать иначе как хаос. Дефицит предложения драгоценных металлов восполнялся экономикой за счет иностранных денег. На внутреннем рынке свободно обращались заграничные монеты, в частности, фунт стерлингов и французская двадцатифранковая монета. В отличие от местных денег, британская и французская валюты были свободно конвертируемы, что делало их привлекательными для использования в ближневосточной торговле. Но особой популярностью пользовался серебряный *талер Марии Терезы*, который был признан стандартом в 1780 г. (28 граммов 833/1000 серебра, остальное медь). За более чем 200 лет было начеканено до 1996 г., по одним данным, 800 млн, по другим 2 млрд монет, датированных 1780 годом, большое количество которых находится в обращении по сей день).

Во время нашего посещения рынка не только меня, но и моих товарищей по экипажу удивил такой факт, в какой дук-

кян бы мы не заходили, владельцы предлагали нам различный набор товаров, стоимость которых каждый раз почему-то равнялась *75 талерам*, то есть сумме, которую мы получили в виде командировочных, о которых дуккянщики не могли знать. Лишь потом мы догадались, что для торговцев на рынке не составляло никакого труда определить по оттянутым карманам наших брюк, какая сумма лежит в них.

В заключение гиды поинтересовались у нас, не хотим ли понаблюдать за процедурой наказания лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях. Оказалось, что каждую неделю палач на крепостной стене отрубал голову 1–2 преступникам и выставлял его голову (или головы) на тумбочке на обозрение перед входом на рынок. Мы, разумеется, ответили отказом.

Между тем начало вечереть, рынок постепенно затихал вместе с жарой, улицы пустели. Продавцы упаковывали непроданный товар, сметая с него пыль. Без куртки становилось прохладно. Мы поспешили обратно на аэродром, а оттуда, убедившись в надёжности охраны самолёта, во дворец короля и имама.

На следующий день, дождавшись прилета наших самолётов, мы улетели. Нас проводили президент **Ас-Салляль** и другие члены СРК, которые были в прекрасном настроении, так как убедились в том, что «мост» установлен и функционирует. В этой связи хочу заметить, что в первые несколько месяцев после переворота **ас-Салляль** лично встречал практически все наши самолёты, словно пытаясь убедиться, что «мост» работает нормально. Он здоровался со всеми нами за руку, спрашивал о нашем самочувствии, всегда был любезен и дружелюбен.

О том, как успешно этот «мост» функционировал, можно судить по следующим данным. К началу октября численность египетского корпуса, размещенного в специально оборудованных лагерях в окрестностях Саны, Ходейды и Таизза, достигло 3 тысяч человек, к середине ноября – 8 тысяч. Вскоре он увеличился до 60 000: на вооружении имелись танки, бронетранспор-

теры, самолёты, включая бомбардировщики **Ил-28** и **Ту-16**. 8 ноября 1962 г. между Египтом и ЙАР был подписан Договор о взаимной обороне, который узаконил пребывание египетских войск в стране и их участие в боевых действиях на стороне республиканцев. Египетские войска находились в Йемене немногим больше пяти лет.

Не секрет, что египтяне не выполнили многих взятых на себя по этому договору обязательств. Они отказались, в частности, помогать Йемену в создании национальной регулярной армии. Более того, с первых же дней своего пребывания в стране повели себя как оккупанты, попирая местные обычаи и традиции. Очень скоро в районах дислокации египетских войск начались грабежи, насилия и издевательства над местным населением. Египтяне в массовом порядке вывозили из Йемена ценности, расплачиваясь за них по неадекватным ценам или попросту реквизируя их. Когда египетские мародёры встречали сопротивление, они, не задумываясь, пускали в ход оружие. И это происходило в *шафшитских* районах, являвшихся опорой революции. Все это вызывало глухой ропот и возмущение поведением египетских военнослужащих. Начались антиегипетские восстания не только в центре и на северо-востоке, населённых *шиито-зейдитскими* племенами, но и на юго-западе, населенного *шафшитами*.

В конечном счёте Каиру в результате чрезвычайной обстановки, в которой он оказался после поражения в «шестидневной» войне 1967 г. (поражению, кстати, немало способствовал факт, что значительная часть наиболее боеспособного, имеющего опыт ведения боевых действий воинского контингента Египта, к началу войны оказалась сконцентрирована не на израильском фронте, а в Йемене), а также под давлением соседних арабских стран, в частности Саудовской Аравии, пришлось вывести из этой страны свои войска. После вывода египетских войск строительство йеменской армии осуществлялось под ру-

ководством советских советников²⁰. К этому времени меня там уже не было. Я уехал из Египта ещё до вывода египетских войск из Йемена.

– Сколько Вы всего совершили вылетов и были ли представлены за это к каким-либо правительственным наградам?

– К моменту окончания срока моей командировки у меня насчитывалось более 150 вылетов. Я был представлен к двум Орденам «Красной Звезды», занесён в книгу почета «За коммунистический труд» при Посольстве СССР в Египте. Правда, по возвращении из командировки мне в 10 Управлении Минобороны вручили лишь одну награду. Отказ от вручения второго ордена мотивировали ссылкой на соответствующий приказ, якобы запрещающий награждать боевыми наградами советских граждан в мирное время чаще, чем один раз в три года. Это не относилось к случаям награждения наших граждан боевыми наградами иностранных государств. Кстати, не получил я и египетской медали «За храбрость», которой осенью 1965 г. были награждены наши граждане, принимавшие участие в йеменской операции. Возможно, это произошло из-за того, что награждали лишь тех, кто в тот момент находился в Египте. Я к тому времени уже уехал из Египта и меня, естественно, не стали разыскивать.

Из других переводчиков, с кем мне наиболее часто приходилось летать вместе, хочу назвать капитана **Анатолия Петровича Амеличева**, выпускника ленинградского пединститута им. А.И.Герцена. Самолёт с **Амеличевым** на борту, оказался первым из группы советских самолётов, в котором произошло внутреннее возгорание вскоре после взлёта в Асуане. Экипаж все же смог посадить самолёт на полосу, но пожар потушить

---

²⁰ См. подробнее: Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. М., 2000.

не удалось. Самолёт сгорел. Экипаж, к счастью, уцелел. Помню, на **Толю**, с которым я тогда жил в одном номере, это событие произвело удручающее впечатление. Он тяжело переживал аварию и никак не мог расстаться со своими полусгоревшими туфлями. На время он даже перестал участвовать в полётах. Однако через месяц сумел реабилитироваться, вновь вернулся в нашу группу и продолжил полёты. К моменту моего отъезда на его счету было 120 вылетов. Он был тоже дважды представлен к правительственным наградам. Информацией о том, получил ли он их, не обладаю. Скорее всего, как и я, получил лишь одну из наград. После Египта до выхода в запас он работал на курсах «Выстрел» в Подмоскowie.

– А у Вас всё шло гладко? Не попадали ли Вы тоже в какие-либо переплёты?

– Разумеется, не все шло гладко и у меня. Время от времени я тоже оказывался в непростых ситуациях, из которых не всегда удавалось удачно выпутываться. В качестве примера остановлюсь на трёх сюжетах, которые, на мой взгляд, дают некоторое представление о том, в каких переплетах мы подчас оказывались и какова была роль переводчика в их решении. Два из них связаны с моими полётами в составе экипажа майора **Николая Константиновича Калтыгина** из Витебской дивизии и один – с моей последней поездкой в июне 1964 г. в Исмаилию.

Для начала несколько слов о самом **Калтыгине**. Он представлял собой колоритный тип лётчика: почти двухметровый богатырь, красавец, добродушный балагур и юморист. Экипаж у него, за исключением штурмана, тоже был под стать первому пилоту. Все – рослые, дружные, доброжелательные и лёгкие на подъём, в общем летать с ними мне было сущим удовольствием.

Так случилось, что с этим экипажем я сдружился в первый же день их первого прилёта в Каир. Все началось с того, что в тот день я собирался сходить в город и посмотреть американ-

ский фильм «Ночь нежна» по мотивам романа **Скотта Фитцджеральда**. У входа в гостиницу увидел группу новичков, ожидавшихся кого-либо из старожилов, кто согласился бы взять их с собой в город. Я предложил им поехать со мной, пообещав заодно перевести фильм. С тех пор мы не только вместе летали, но и отдыхали: гуляли по городу, ходили в кино, ездили на экскурсии, купаться в Исмаилию и Александрию.

Штурмана экипажа устраивало ещё и то, что я мог подстраховать его, так как к тому времени настолько хорошо знал маршрут, что не хуже него мог вывести самолёт между горными кряжами к Сане. Поэтому каждый раз, когда этот экипаж в составе своего отряда прилетал в Каир (а мы, как я уже говорил, летали со всеми отрядами по очереди), они первым делом шли к **Ю. Акимову** договариваться о том, чтобы меня снова прикрепили к их экипажу, против чего я никогда не возражал.

Итак, в очередной рейс я полетел в составе экипажа **Калтыгина**. Сначала у нас всё шло благополучно, но когда мы, сделав круг, стали снижаться для посадки в Асуане, командир вдруг обнаружил разночтение в показаниях между нашей бортовой радиостанцией и аэродромной. Посоветовавшись со вторым лётчиком и штурманом, он решил опереться на данные бортовой радиостанции.

После благополучного приземления **Калтыгин** не поленился вместе со мной сходить к руководителю полётов и доложить о случившемся. Египетский офицер не поверил ему. Тогда **Николай Константинович** настоял на том, чтобы они вместе считали показания аэродромной и бортовой радиостанций. Велико было наше удивление, когда мы, подъехав к аэродромной радиостанции, обнаружили, что все трое операторов, обслуживавших радиостанцию, мирно спят, да так, что хоть палкой бей, не добудишься, а стрелка на индикаторе показывает неправильный курс.

Увидев эту сцену, египетский офицер настолько растерялся, что не знал как ему поступить. Придя в себя, он спросил

у **Калтыгина**, что бы он сделал на его месте? **Николай Константинович** в сердцах бросил: «Да я ему просто бы врезал!» К нашему удивлению, египетский офицер понял слова лётчика буквально. Тут же вызвал караул и приказал взять связистов за руки и ноги и со всего размаха бросить на асфальт. **Калтыгин**, видя, что дело заходит слишком далеко, пытался остановить дежурного офицера и объяснить ему, что он пошутил, но тот уже был непреклонен. Мы с **Николаем Константиновичем** отказались присутствовать на экзеркуции и пошли пешком к своему самолёту. По пути мы ещё долго слышали дикие крики избиваемых связистов и чувствовали себя так, как будто били нас...

Через несколько месяцев, когда витебчане снова прилетели в Каир, я опять стал летать в составе экипаж **Калтыгина**. И однажды попал с ними в свою первую аварию. Это случилось в том же Асуане.

При ночной посадке на неосвещенную ВВП **Калтыгин** не вписался в глиссаду и скала, торчащая в начале полосы, срезала уже выпущенные задние шасси нашего самолёта. Удар был такой силы, что по фюзеляжу сразу же пробежали трещины. Лётчик все же не дал «просесть» самолёту и удержал его в воздухе. Когда выяснилось, что мы не падаем, стал вопрос: что делать? Садиться при полных баках и без шасси в Асуане, нечего было и думать. При посадке на фюзеляж, стоявшие на борту 43 бочки авиационного керосина для обратного рейса, могли сдетонировать и взорваться. Так как наш борт летел первым, мы могли вывести из строя единственную полосу аэродрома, сорвав тем самым выполнение задания командования остальными самолётами.

После краткого совещания с членами экипажа командир корабля принял решение: он один остается за штурвалом самолёта, а остальные члены команды, тщательно обвязавшись канатами, начинают топорами рубить днище самолёта, чтобы выбросить из самолёта всё, что мешает открытию аппарелей. После того, как будут выброшена часть груза и оборудования,

будет предпринята попытка открыть аппарели, чтобы затем выбросить за борт все оставшиеся грузы, в первую очередь, бочки с керосином.

Работа закипела, никого подгонять не было необходимости. **Калтыгину** тем временем удалось поднять самолёт на высоту до 400 метров и перелететь на западный пустынный берег Нила, где никто не жил. После этого он вызвал меня и попросил связаться с Каиром, доложить о происшествии и о нашем решении вернуться в Каир. По его же просьбе я попросил руководителя полётов вызвать на командный пункт наших наиболее опытных лётчиков, чтобы совместно выработать оптимальный способ посадки самолёта.

Когда в днище самолёта была прорублена достаточно большая дыра, мы начали спускаться в неё всё, что мешало открытию аппарелей. Очень скоро нам удалось освободить часть фюзеляжа от груза. Командир приказал нам вернуться в среднюю пассажирскую секцию самолёта и сделал попытку открыть аппарели. Когда они открылись, он попросил борттехника по десантному оборудованию ещё раз проверить, как мы все обвязаны. Только после этого **Калтыгин** допустил нас к бочкам с керосином.

Сложность состояла в том, что бочки в целях защиты от перепада давления на высоте не были закупорены. Когда мы начали кантовать их по стальному ребристому полу и керосин стал выплёскиваться из бочек, возникла опасность взрыва высокооктанового горючего от какой-либо случайной искры, и от самолёта ничего бы не осталось. Борттехник тут же приказал остановить работы, и мы возобновили их лишь после того, когда пол был устлан одеялами. Кантовали бочки с величайшей осторожностью. Когда первую, наконец, столкнули вниз, все застыли в оцепенении: вместо того, чтобы лететь вниз, бочка вдруг стала, переворачиваясь, подниматься вверх, будто намереваясь задеть хвостовое оперение самолёта. Если бы его скорость была несколько ниже, это произошло бы наверняка. Только перекрутившись в воздухе несколько раз, наша бочка поле-

тела вниз, и вскоре среди скал раздался оглушительный взрыв.

Мы взялись за следующую бочку... И так, по пути в Каир, были выброшены все 43 бочки, за ними полетел вниз оставшийся на борту груз: кресла для десантников, кислородное оборудование и т.д. При первых лучах утреннего солнца мы уже были в районе Каира. На предложение сесть, пока полоса пустая, **Николай Константинович** ответил отказом, заявив, что сначала должен полностью выработать горючее в баках, чтобы избежать взрыва самолёта. Его решение поддержали наши лётчики, собравшиеся к тому времени в диспетчерской аэропорта. А между тем, высота самолёта вопреки усилиям **Калтыгина** постепенно падала, теперь мы описывали круги над аэродромом на высоте 150 метров над землей. Когда мы, выработав горючее, запросили посадку, оказалось, что плотность посадок и взлётов на ВВП была такова, что диспетчер не мог выкроить для нас «окно» для посадки: мы могли вывести на полчаса полосу из строя.

Вместо посадки на полосу, нашему аварийному самолёту предложили сесть на песок. **Калтыгин** решительно отказался, заявив, что это приведёт к взрыву самолёта, поскольку «скользить» по песку он не сможет. В ответ диспетчер посоветовал продолжать совершать круги над аэродромом, пока не появится лагуна в расписании. Такой перерыв появился лишь через час, когда мы уже полностью исчерпали запас горючего.

Пошли на посадку, все были плотно пристёгнуты ремнями безопасности к сиденьям на случай сильного удара. Самолёт от прикосновения с полосой сразу загорелся. Весь фюзеляж снаружи был в огне. Слышу в микрофоне голос командира: отвалилась часть хвостового оперения, отвалилась сначала часть правого, а затем левого крыльев. Фюзеляж самолёт по инерции все ещё скользит по полосе. Наконец, останавливается. В микрофоне раздаётся голос командира: «Переводчик, ко мне! Прыгаешь первым, за тобой остальные!» Борттехник ловко развязал меня и подвёл к креслу капитана.

Николай Константинович помог мне взобраться на его кресло, открыл фонарь и жестами приказал прыгать – вниз готовой. И это с высоты добрых четырёх–пяти метров! Но раздуывать некогда, снаружи кабину уже лижет пламя. Прикрываю веки, чтобы огонь не обжог глаза, и прыгаю вниз головой. Сзади кто–то подталкивает меня. Как ни странно, совершив кульбит, приземляюсь на ноги, вскакиваю и со всех сил бегу от самолёта, освобождая место для других членов экипажа. Думаю, что в тот момент я едва ли намного уступал в скорости нашему знаменитому спринтеру **Валерию Борзову**.

Отбежав метров 50 от самолёта, бросаюсь на песок и пытаюсь сквозь пламя разглядеть своих. Меня волнует только одна мысль, успеют ли они все выбраться из самолёта до взрыва. Наконец, мелькает силуэт **Калтыгина**. Значит все выбрались! Раздается несильный хлопок взрыва, наш борт окружают пожарные машины и заливают огонь струями пены. Я встаю и бегу к членам своего экипажа, стоящим неподалеку от остова самолёта. Они, слава Богу, все целы и невредимы! Так завершился наш прерванный полёт.

– **А парашюты у вас были?**

– Да, разумеется. Они лежали под сидениями.

– **Почему тогда капитан не дал команду экипажу выпрыгнуть из самолёта, направив его в сторону пустыни? Теоретически же можно было успеть выпрыгнуть из самолёта?**

– Только теоретически. Дело в том, что для прыжка с теми модификациями парашютов, которые были у нас на борту, требовалась высота не менее 1500 м над землей, а мы были на высоте не более 400 м, то есть парашюты не успели бы раскрыться.

– Сколько примерно метров самолёт прополз на «брюхе» по полосе?

– Точно не знаю. Посадочная скорость у нас была минимальной. Думаю, не более полукилометра.

– Лётчику ничего не было?

– В таких случаях обычно создается межведомственная комиссия для расследования причин аварии. Такая же процедура последовала и на этот раз. Комиссия, расследовавшая причины аварии, не нашла вины экипажа в случившемся. Объективных причин аварии было больше чем достаточно. Никто из членов экипажа наказан не был. Тем не менее, экипаж на время был отстранён от полётов, а чуть позже отправлен домой на реабилитацию. Они вернулись в Каир лишь через год с лишним. К сожалению, больше с ними мне не довелось встретиться.

Теперь последний «эпизод». В начале нашей беседы я уже упоминал о том, что полковник **Бобров**, провожая нас, не столько требовал, сколько просил нас, молодых в то время ребят, не забывать во время нашего пребывания в Египте об осторожности и бдительности. Я в меру своих сил всегда старался следовать его совету. К сожалению, в жизни не всегда это удавалось. О том, к каким последствиям приводило нарушение инструкций, и хочу рассказать.

В середине июня 1964 г. меня вызвал к себе наш Старший группы военных специалистов ВВС и ПВО генерал-лейтенант авиации **Пётр Иванович Неделин**, брат погибшего в 1960 г. Главного маршала артиллерии **Митрофана Ивановича Неделина**. Он только-только приехал в Каир и входил в курс дел. Оказалось, что в предстоящее воскресенье он хочет съездить в Исмаилию, чтобы покупаться на Суэцком канале, и приказал мне заказать микроавтобус для поездки.

Этот приказ меня крайне обеспокоил. Я сказал генералу,

что поездка, на мой взгляд, несвоевременна, и объяснил это тем, что только что состоявшийся визит **Н.С. Хрущёва** мобилизовал не только просоветские, но и антисоветские силы в Египте. Результаты визита (я сослался на местную прессу) оказались не вполне удовлетворительными и привели не столько к идеологическому сближению наших стран, сколько к стагнации наших отношений (подтверждением этого стала, в частности, не отмена, а лишь перенос на месяц ежегодно проводимого в Египте антисоветского месячника, который ещё не завершился), что может подтолкнуть местные реакционные силы на проведение антисоветской акции. В этих условиях, продолжал я, поездка на канал одиночного автомобиля с несколькими высшими офицерами, тем более без согласования с **А.С. Пожарским**, является нарушением инструкций по безопасности. Едва выслушав меня, Петр Иванович, не терпевший советов со стороны подчиненных, в довольно грубой форме дал мне понять, что «яйца курицу не учат» и отправил заниматься порученным делом.

Вскоре мое беспокойство возросло ещё больше. За обедом на вилле из разговора с лётчиками я узнал, что генерал – заядлый фото/кинолюбитель и что из Саны лётчики ему уже привезли японскую фото/киноаппаратуру, которую **Неделин** как можно скорее хочет испробовать. Стало понятно, что генерала интересует не столько купание на Суэцком канале в Исмаилии, сколько съемка бытовых сцен на 78-километровой дороге Каир–Исмаилия, представляющая собой сплошной рынок. Зная местные нравы, нетрудно было догадаться, что поездка одиночного автомобиля по такой дороге с кинокамерой, тем более в период антисоветского месячника, может окончиться довольно плачевно. Но делать было нечего...

Желающих поехать вместе с детьми набралось 11 человек. Микроавтобус «**Фольксваген**» вмещал 16 человек. Чтобы места не пустовали, я предложил бессменному шоферу **Мухамеду**, возившему нас уже третий год и с которым у меня были

очень хорошие отношения, взять с собой беременную жену и двух малолетних детей, на что он с удовольствием согласился.

Мы с **Мухаммедом** и его семьёй в 8.50 подъехали ко второй гостинице в Гелиополисе, где жили наши авиационные специалисты. К 9.00 все спустились и начали усаживаться в автобус. Впереди рядом с шофером, как всегда, сел я, во втором ряду супруга **Мухаммеда** с двумя детьми, а также 12-летний сын нашего специалиста подполковника **Игоря Сутягина**, в третьем – генерал и **Сутягин** с супругой, в четвёртом – два полковника и подполковник, в пятом – майор, капитан и старший лейтенант-переводчик **Анатолий Авраменко**. Всего нас набралось 15 человек. Хотя микроавтобус был комфортабельный, но ремней безопасности в то время ещё не существовало. Мы тронулись. Движение на трассе уже было довольно интенсивным. (Движение на дорогах Египта – сущий ад: никто не соблюдает ни дистанцию между машинами, ни дорожных правил, ни скоростных указателей, все мчатся на предельной скорости. Аварии там – обычное явление, с которыми сталкиваешься сплошь и рядом).

Из Геллиополиса в Исмаилию вели две дороги. Одна из них была гражданской, однополосной. Она шла вдоль нильского канала на Исмаилию и выполняла роль не только автотрассы, но и рынка, тянувшегося по всей её длине. Вторая дорога была военной, закрытой для гражданского транспорта. Она была проложена по пустыне и являлась идеальной в плане безопасности.

Когда доехали до развилки, я кивком головы указал **Мухаммеду** на юго-восток, то есть на военную дорогу. **Мухаммед**, видевший в зеркале заднего вида, что генерал уже приготовился снимать, лишь удивлённо посмотрел на меня, сказав на своём диалекте, что мне не поздоровится. Но последовал моему указанию. Между тем **Пётр Иванович** действительно приготовил кинокамеру и ждал появления бесконечных толп торговцев, которых собирался запечатлеть. Но они все не появлялись, кругом тянулась пустыня. Только спустя некоторое время он узнал от **Сутягина**, что мы едем по военной дороге, и никаких рын-

ков вдоль неё нет. **Неделин** ничего мне не сказал, но по лицу было видно, что он надолго запомнит этот случай.

На канале мы искупались, пообедали, отдохнули. В 14.00 собрались в обратный путь. В автомобиле места заняли в том же порядке. Когда подъехали к развилке, но со стороны Исмаилии, **Пётр Иванович** был уже начеку. Увидев, что я жестом вновь указал **Мухаммеду** на военную дорогу, тут же приказал шоферу остановить машину. Объявил мне при всех выговор и приказал пересесть на пустое место в заднем ряду.

Мою новую попытку напомнить ему об инструкции генерала **А.Пожарского**, строжайше запрещающей одиночным автомобилям ездить во время антисоветских месячников по гражданской дороге, **П.И. Неделин** сразу пресёк, заявив, что он как старший по званию всю ответственность берёт на себя. Отклонил он и моё предложение оставить меня на прежнем месте, поскольку я там помогал шофёру следить за дорогой. Было очевидно, что **Пётр Иванович**, будучи в Египте новичком и ещё не успевший познакомиться с манерой езды местных водителей, явно недооценивал существующую опасность. Мне ничего не оставалось, как занять новое место Мы свернули на гражданскую дорогу, а **Пётр Иванович** занялся съёмкой бытовых сцен.

Между тем движение по этой дороге было очень интенсивным. Десятки тяжело гружённых грузовых и легковых автомобилей на большой скорости мчались по однополосной дороге в ту и другую сторону. Уследить за их хаотическим движением, сидя на заднем сидении, представлялось невозможным. Тем не менее вскоре я заметил, что сзади нас в метрах десяти, не отставая от нашего микроавтобуса, мчится грузовик, гружённый мешками с цементом. Об этом я немедленно сообщил **Мухаммеду**, посоветовав пропустить его вперед. **Мухаммед** прижался к кювету, освобождая грузовику путь для обгона, однако грузовик не захотел нас обгонять и почему-то тоже прижался к кювету. Для Египта это было более чем странно. Нам ничего не оставалось как ехать дальше. За нами последовал и грузовик.

Не успели мы проехать и километра, как ситуация на дороге неожиданно для нас резко изменилась. Вдруг из-за поворота на огромной скорости навстречу нам вылетел нагруженный арматурой грузовик, водитель которого, или не справившись с управлением, или намеренно, занял нашу встречную полосу, и стал стремительно сближаться с нами.

Мухаммед оказался между двумя тяжело груженными автомобилями без какой-либо возможности для манёвра: спереди в нескольких метрах грузовик с арматурой, а сзади – с цементом. Единственное, что он успел, и это спасло большинству из нас жизнь, резко бросил микроавтобус в кювет, стараясь, если удастся, попасть в щель между платанами, густо окаймляющими шоссе. Однако завершить свой манёвр он не успел. Водитель встречного грузовика с арматурой, повернувший руль влево и вылетевший даже со встречной полосы на обочину, где мы в это время уже находились, на полной скорости врезался в левый угол нашего микроавтобуса. Удар был такой силы, что в микроавтобусе сорвало все сидения с пассажирами и бросило вперед, образовав огромную «кучу малу». От удара все потеряли сознание...

Первым очнулся я. Открыл глаза и вижу, что лежу на полу лицом вниз в луже крови и из-за этого не могу вздохнуть. Увидел также, что все кресла, сорванные со своих мест, почему-то сгрудились в передней части салона. Вперемешку с сумками, личными вещами, обломками кресел на полу лежат люди, везде кровь, стоны, все без сознания. Хотя передние стёкла выбиты, в салоне духота, нечем дышать. Первым делом я носовым платком попытался остановить кровь из разбитой головы, которая заливала глаза, затем плечом стал выбивать дверцу микроавтобуса. После нескольких попыток это мне удалось... Когда я весь в крови вывалился из машины, увидел, что около нас стоит толпа народу, которая, судя по выражению их лиц, не собиралась оказывать нам помощь.

Тут же стояли приткнувшийся к нашей машине грузовик с арматурой, чуть сзади – грузовик с цементом.

Выгтерев ещё раз залитое кровью лицо, я осведомился у ближайших к микроавтобусу египтян, нет ли среди них говорящих по-английски. Они все дружно закивали, но это ещё ничего не означало. Дело в том, что в Египте любой человек, знающий 5–6 английских слов, считает, что он говорит на этом языке. Я попросил их помочь вынести из машины моих раненых. Ответом было гробовое молчание. Видя мое недоумение, стоявшие рядом обыватели объяснили, что до приезда полиции им запрещено оказывать какую-либо помощь каким бы то ни было иностранцам.

Мне пришлось самому вытаскивать из микроавтобуса всех своих спутников. Картина была ужасающая. Все очень сильно пострадали, но больше всего дети, **Мухаммед** и его жена, которые сидели в первых рядах. На что уж я человек не робкого десятка, был потрясён увиденным. Толпа молча наблюдала за моими действиями.

Не считая меня самого, самой лёгкой, наверное, была рана у **Анатолия Авраменко**, лишившегося скальпа. Найдя его, я тут же приложил его к его черепу. Нужна была срочная помощь, в первую очередь детям, **Мухаммеду** и его жене, а также **П.И. Неделину**, у которого был скрытый перелом бедра и правой руки. Все были без сознания. Перевязки и жгуты, которые я им наложил, едва ли облегчали их положение. Несмотря на мои убедительные просьбы, ни одна проезжающая мимо автомашина не хотела брать с собой раненых. Моя настойчивость все же дала плоды: через полчаса после аварии мне удалось остановить наш посольский автобус.

Оказалось, что сотрудники Посольства, среди которых я узнал и своих знакомых, в частности, **Марата Реву** с женой, как и мы, ездили купаться на канал и теперь возвращались в Каир. Они тут же погрузили моих коллег в свой автобус и спросили: куда везти?

Вопрос оказался для меня непростым. Дело в том, что мы находились в 58 км от Каира, в 8 км от одной из крупнейших военно-воздушных баз Египта – Абу-Суэйра и в 20 км – от Ис-

маилии. Положение многих моих коллег было критическим, мы, посоветовавшись, решили (тут, видимо, сработал наш советский стереотип), что надо ехать в ближайший медицинский центр, а именно в Абу-Суэйр, где, как я знал по опыту работы в Исмаилии, находится госпиталь ВВС.

Когда приехали туда, на нас буквально вылили ушат холодной воды, сообщив, что ни одного врача в госпитале нет, все уехали на выходные в Каир. Нам ничего не оставалось как последовать в Исмаилию, до которой оставалось всего 12 километров и где находился окружной госпиталь. Но и там ни в военном, ни в гражданском госпиталях, которых в городе было несколько, мы не нашли ни одного врача. Оказалось, что все врачи Исмаилии поголовно тоже выехали на выходные в Каир!

Видя, что мы оказались в безвыходном состоянии, не раздумывая ни секунды, я потребовал соединить меня по телефону с вице-президентом страны **Анваром Садатом**, которому сообщил о случившемся и попросил организовать срочную помощь.

Садат заверил меня в том, что срочно пришлёт самолёт **Ил-14** с медицинской бригадой. Действительно, в 17.30 самолёт появился над Исмаилией, сделав пару кругов над аэродромом, который не был освещён, улетел обратно. Мне пришлось ещё раз позвонить вице-президенту. На этот раз **Садат** пообещал прислать нам на помощь вертолёт. Словом, в 2.30 следующего утра, или ровно через 12 часов после аварии, нам оказали первую медицинскую помощь.

К этому времени наш шофер **Мухаммед**, его беременная жена, двое маленьких детей и 12-летний сын подполковника **Игоря Сутягина** скончались, не дождавшись помощи. **Пётр Иванович Неделин**, получивший двойной перелом бедра и перелом правой руки, и ещё несколько человек всё ещё были без сознания. Я получил травму головы, сотрясение головного мозга и контузию и т.д.

Через три дня в мою палату в госпитале ВВС, где я лежал, въехал на коляске **Пётр Иванович**. Подъехав к моей постели,

сказал: «Ты уж извини, браток, за случившееся. Я тогда не поверил тебе, думал, что ты, как гражданский служащий, просто перестраховываешься. Спасибо тебе за все то, что ты сделал для спасения всех нас». На прощание он пообещал непременно выяснить, была ли авария случайной или намеренной. Узнал **П.И. Неделин**²¹ об этом или нет, мне так и не удалось выяснить, так как через несколько дней санитарный самолёт увез его в Москву. Больше я с ним не встречался.

Что касается судьбы остальных, то о них мало что знаю. Могу только сказать, что **Толе Авраменко** в госпитале пришили скальп и он ещё с месяц поработал с нами. После госпиталя он почему-то стал сторониться меня, хотя раньше между нами были вполне нормальные отношения. В последний раз я случайно встретил его в каирском международном аэропорту, куда приехал проводить переводчицу Атомного центра **Наталию Добрынченко**. Она уезжала в Москву, чтобы завершить свое образование. После моего возвращения в Союз мы с **Наталией Добрынченко** поженились. **Авраменко**, как оказалось, тоже возвращался в Москву. Больше мы не встречались.

Последний штрих. Уже в Москве в первые годы после возвращения из командировки я нет-нет да сталкивался на Ленинском проспекте с подполковником **И.Сутягиным**, потерявшим в той аварии единственного сына. Он жил на улице Гарибальди и после возвращения из командировки работал в 10-м Управлении Генштаба. При встречах со мной он бросался ко мне в объятия и его начинала бить истерика.

Сутягин никак не мог себе простить того, что, подчиняясь субординации, промолчал при моей перепалке с **Неделиным**, хотя прекрасно знал об опасности езды одиночного автомобиля с советскими специалистами...

---

²¹ Военный лётчик-истребитель, участник Гражданской войны в Испании, Советско-Финской войны и Великой Отечественной Войны, генерал-лейтенант **П.И. Неделин** в 1965 г. был отправлен в отставку в возрасте 55 лет (прим. ред.-сост.).

Приложение

Служебная характеристика на переводчика английского языка **Иванова Анатолия Николаевича.**

Тов. **Иванов Анатолий Николаевич** находится в стране пребывания с августа 1960 года в качестве переводчика английского языка.

За это время показал себя дисциплинированным, исполнительным, высоко подготовленным переводчиком.

В совершенстве овладел устным и письменным переводами даваемых рекомендаций, специализируясь, в основном, в области авиации.

Письменные переводы тов. **Иванова А.Н.** отличаются грамотностью и культурой оформления.

Много внимания уделяет оказанию помощи молодым переводчикам в овладении навыками устного и письменного перевода, а также в вопросах поддержания деловых отношений с местными специалистами во время встреч.

Имеет большую практику работы в качестве воздушного бортового переводчика. За время пребывания налетал свыше 1200 часов.

Принимает активное участие в общественно-политической жизни группы советских военных специалистов. Выступает с публичными лекциями на политические и экономические темы.

За успешное выполнение специального задания Советского правительства награжден орденом «Красная Звезда» и представлен ко второй правительственной награде.

Учитывая активное участие тов. **Иванова А.Н.** в общественно-политической жизни группы, решением Объединенного партийного комитета при Посольстве СССР занесён в книгу почета «За коммунистический труд».

Избран заместителем секретаря партийной организации группы.

Много внимания уделяет вопросу повышения своей специальной подготовки как переводчик английского языка и вопросам изучения экономики страны пребывания.

По характеру спокоен, с товарищами общителен.

Политику КПСС и Советского правительства понимает правильно.

Нормы поведения за границей соблюдает.

Вывод. 1. Тов. **Иванов А.Н.** с поставленной задачей справился успешно.

2. По своим деловым и политическим качествам работать за границей может.

Консультант по вопросам тыла ВВС и ПВО страны пребывания

Гвардии полковник /**Евсигнеев**/

Секретарь партийного бюро группы

Полковник /**Старостин**/

«19» августа 1964 г.

Согласен

Старший группы военных специалистов ВВС и ПВО страны пребывания

Генерал-лейтенант авиации /**Рыкачев**/

«20» августа 1964 года.

С характеристикой согласен.

За границей работать может.

ВРИО Старшего группы советских военных специалистов страны пребывания

Полковник /**Пилюгин**/

«21» августа 1964 года.

Иванов перед отъездом в Египет

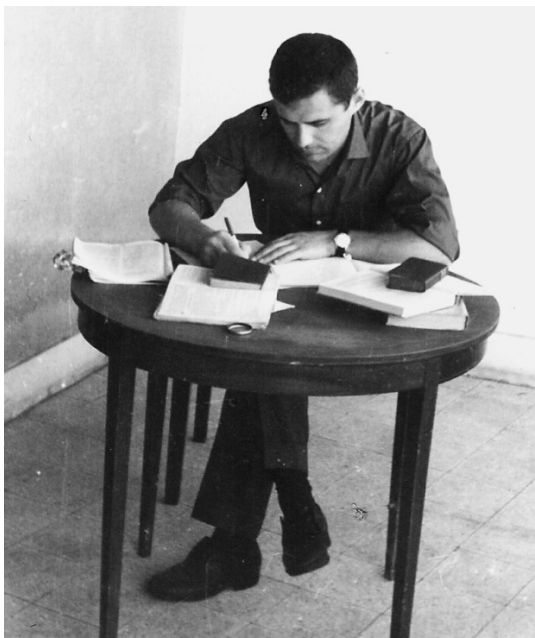
Иванов. Каир. Гелиополис.

Город Александрия. **Иванов** справа

Египет. Авария микроавтобуса «Фольксваген»

Иванов. Каир.
Гостиница.
За переводом

Каир Пирамиды 1963 г.

Йемен. Вождь племени
Хашед

Ил-28. Центральный музей вооружённых сил. Фото Виктор Лызлов

Ту-16. Музей ВВС в Монино. Фото Геннадий Шубин

Ан-12. Музей ВВС в Монино. Фото Геннадий Шубин

НА ЗАНЗИБАРЕ, НЕМНОГО О СЕБЕ И ДРУГИХ (1965–1966 годы)¹

– Представьтесь, пожалуйста.

– **Тетерин Олег Иванович**, «ветеран» языка суахили². В 1960 г. я поступил в Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ (с 1972 г. Институт стран Азии и Африки – ИСАА МГУ), в котором была открыта кафедра африканистики и начали преподавать африканские языки. Первым был суахили. Шестилетнее обучение, включая год стажировки.

В середине V курса, после зимней сессии, в феврале-марте 1965 г. Институт провёл распределение стажировок. Я выбрал Агентство печати «Новости» (АПН). Кто-то из нашей группы «суахилистов» (всего 7 человек, в том числе одна девушка – **Ира Федосеева**) – Московское радио, что на Пятницкой (ре-

---

¹ Запись сделана в 2010 г. к.и.н., полковником запаса **Токаревым А.А.** и к.и.н. **Шубиным Г.В.** Запись исправлена и дополнена **Тетериным О.И.** в июле-августе 2011 г.

² Суахили – один из крупнейших языков на Африканском континенте и самый крупный в Чёрной Африке, где при населении свыше 800 миллионов человек на нем говорят более 110 миллионов – в странах Восточной Африки (Танзания, Кения, Уганда), а также в Бурунди и Руанде, в восточных провинциях Демократической Республики Конго, на востоке Замбии, на севере Мозамбика, в южных районах Сомали, на Коморских островах... В 2004 г. суахили (или *Kiswahili*, как называют его в Танзании) стал шестым (после английского, французского, португальского, испанского и арабского) рабочим языком Африканского Союза (АС) – преемника Организации Африканского Единства (ОАЕ).

дакция суахили в Отделе Африки вещала на Восточную Африку), кто-то выбрал ТАСС...

Около трёх месяцев я поработал в Главной редакции Африки АПН, и мне там очень понравилось: кроме чисто переводческой работы, поручали что-то писать, редактировать и т.д. И вдруг в деканате ИВЯ сообщили: меня и **Володю Овчинникова**, сокурсника по группе суахили, вызывают в Министерство обороны. Пришли мы туда, на Гоголевский бульвар. Оказывается, потребовались переводчики суахили, предстояла командировка на Занзибар.

– **То есть, фактически там и проходила стажировка?**

– Фактически так, целый год. Вернулся домой в июне 1966 г., в разгар выпускной сессии. Дипломной работой на Занзибаре заниматься было недосуг, так что пришлось взять академический отпуск до 1967 г. Таким образом, я учился 7 лет, из них – год работы на Занзибаре. Чему очень рад – Африка, знакомство с которой началось с Занзибара, «кормит» меня до сих пор³.

– **С какой целью туда вас направили?**

– Переводчиками при группе советских военных специалистов. Но прежде чем рассказывать, как нам там работалось, не могу не поделиться о том, **как** мы с **Володей** добивались до этого экзотического острова.

С тех пор прошло уже почти полвека, многое стёрлось из памяти, но само «путешествие» помню в мельчайших подробностях.

...В Минобороны нам вручили красные (общегражданские) загранпаспорта и по 10 долларов «на непредвиденные расходы». При этом строго указали, а фактически – запретили

³ Автор с 2003 г. – первый заместитель главного редактора журнала «Азия и Африка сегодня».

рассказывать кому бы то ни было о конечной точке нашей поездки, и главное – «ни с кем не разговаривать на суахили!» На английском – пожалуйста.

Вечером 16 июня 1965 г. из Шереметьево на самолёте **Ил-18** мы долетели до Каира, в те годы – крайняя точка «Аэрофлота» в этой части Африки. Там – пересадка на другой самолёт другой авиакомпании. Нам предстояло лететь по маршруту Хартум – Аддис-Абеба – Могадишо – Найроби – Моши – Танга – Занзибар.

В Каире приземлились ближе к ночи. Наши стюардессы подсказали, что о посадке на интересовавший нас рейс в Хартум сообщат в аэропорту. Около двух часов мы провели в зале ожидания. Там было многолюдно, оживленно, работали кафе и бары, сувенирные лавки и неведомый мне доселе магазин «*Duty Free*»... Выйдя из туалета и увидев стоящего у входа уборщика-араба в белом до пола одеянии, я подумал: а вдруг здесь принято давать чаевые?.. И уже протянул, было, ему 1 «бумажный» доллар, как проходивший мимо какой-то европеец с негодованием в голосе чуть ли не закричал: «Ты что делаешь? Ни в коем случае! Забери! Тут могут подумать, что он украл этот доллар, и выгонят с работы. Здесь с этим строго! Если хочешь, дай ему пару монет». И я его послушал, но «мелочи» у меня не нашлось. Вернувшись к **Володе**, рассказал ему о разговоре с этим «бывалым» европейцем...

Из Каира на американском «**Дугласе-9**»⁴ с остановками в Хартуме и Аддис-Абебе добрались до Могадишо. Первое «приключение» случилось в Хартуме, куда прилетели ранним утром. Здесь планировалась часовая остановка. Показалось странным, что пассажиров расположили не в здании аэропорта, а в каком-то ангаре на летном поле. Прошёл час, второй...

⁴ Вероятнее всего речь идёт о четырёхмоторном реактивном американском пассажирском самолёте **Дуглас-8 (Douglas DC-8)** эксплуатировавшимся с 1958 г., а не о двухмоторном реактивном пассажирском самолёте **Дуглас-9 (Douglas DC-9)** эксплуатировавшимся с 1966 г. (*прим. ред.-сост.*).

Наконец, нам объявили о каких-то неполадках с самолётом. В общем, задержка составила 4 часа, и за всё это время – а около полудня температура зашкаливала за 40 градусов и в ангаре дышать было нечем – пассажирам подали лишь 1–2 стакана воды или сока, другого «питания» не предлагали.

В Могадишо мы с удивлением обнаружили, что многие сомалийцы – служители аэропорта – общались между собой на суахили! Но, следуя строгому «наказу», не решились проверить свои познания в этом языке. В столице Сомали мы пересели на винтовой «**Фоккер**»⁵ компании «Кения Эйруэйз».

Еще вылетая из Каира, мы знали, что в Найроби нас ожидает ночёвка. (В те годы практически все аэропорты по нашему маршруту, за исключением, пожалуй, каирского, с наступлением темноты и вплоть до рассвета не принимали и не отправляли самолёты ввиду недостаточной технической оснащённости, а может быть, и по соображениям безопасности) Надеялись побывать в городе, размять ноги, да и просто отдохнуть от много часового перелёта. Но не тут-то было!

В аэропорту Найроби я и **Володя**, как и другие транзитные пассажиры, устремились к стойке паспортного контроля. Кенийские пограничники не мешкали, звучно штампую печати на визах в паспортах. Ожидая своей очереди, мы обратили внимание на сотрудников Посольства СССР в зале ожидания, которые провожали кого-то из наших соотечественников.

Наши паспорта – красные, «молоткастые» – вызвали, как мы заметили, некоторое замешательство у кенийцев. Очередь застопорилась. Спросив, в чем дело, говорим: «У нас есть визы, выданные Посольством Кении в Москве. Разве этого недостаточно, чтобы выйти в город?» В ответ – молчание.

Вскоре подошел старший офицер. Взглянув на нас, перелистал паспорта, отложил их и попросил отойти в сторону, сказав, что покинуть аэропорт нам не разрешается. Не получив внят-

⁵ Скорее всего речь идёт о голландском двухмоторном пассажирском самолёте **Фоккер-27** эксплуатировавшемся с 1958 г. (*прим. ред.-сост.*).

ных разъяснений от кенийских пограничников, мы обратились за помощью к советским дипломатам, благо они находились буквально рядом. Один из них, взяв наши паспорта, переговорил с офицером. И вот мы слышим: визы, выданные кенийским посольством в Москве, «недействительны в Кении, необходимы визы, выданные МИДом Кении в Найроби». Попытки объяснить, что мы «транзитники» и оставаться в Кении не собираемся, толку не возымели.

(Лишь по прибытии на Занзибар в Генконсульстве СССР мы узнали причину столь повышенного «внимания» к нашим персонам в аэропорту Найроби. Год назад, т.е. летом 1964 г., на рейде кенийского порта Момбаса был задержан советский теплоход с военной техникой, предназначавшейся, по ложному утверждению кенийских властей, сторонникам Огинги Одинги – главного политического противника президента страны Джо-мо Кениаты. Скандал был немалый, из Кении выдворили нескольких советских дипломатов, двух из трёх работавших там корреспондентов ТАСС. Были закрыты корпункты АПН, газет «Известия» и «Правды». Один из «пострадавших» тассовцев – **Владимир Иванович Астафьев** – «перебрался» в АПН, под его началом я стал работать в африканской редакции агентства, куда в 1973 г. перешёл из Института Африки. От него я тоже узнал некоторые подробности той давней истории с теплоходом.

Отношения между СССР и Кенией оставались после этого «инцидента» прохладными ещё очень многие годы, вплоть до начала 1980-х. Работая в Танзании в 1978–1982 гг., я, как заведующий Бюро АПН, а другими словами – руководитель одного из совзагранучреждений в этой стране, по долгу службы часто общался с послом СССР **Юрием Алексеевичем Юкаловым**. В одной из бесед он сказал, что вместе с женой собирается побывать в соседней Кении: его пригласил коллега – советский посол. И уже подал документы на получение виз в кенийское посольство в Дар-эс-Саламе. Обычная практика – наши послы в странах-соседах нередко обменивались приглашениями тако-

го рода. Прошло несколько дней, и **Юкалов** сообщил мне – кенийцы, такие, мол, и такие, дали визу жене, а ему – нет!

Мне тоже не повезло. Не раз и не два я обращался в посольство Кении в Танзании на предмет получения визы, чтобы в Найроби аккредитоваться как корреспондент АПН. Имел на руках официальное письмо АПН, адресованное Министерству информации Кении. Всё было тщетно...)

Но на этом наше приключение не закончилось, чем и запомнилось! Вплоть до вылета утром к нам приставили полицейского с винтовкой (!). Всю ночь провели с **Володей** на одной койке в полицейском участке внутри аэропорта, в сопровождении вооружённого полицейского ужинали и завтракали (на что и потратили те самые доллары «на непредвиденные расходы»). Даже в туалет ходили «под конвоем». Более того, попытка выйти из зала ожидания и покурить на свежем воздухе была пресечена полицейским свистком. Стоит ли говорить, что мы с **Володей** в аэропорту Найроби ни словом не обмолвились на суахили. Иначе, нетрудно представить, какова могла бы быть реакция кенийцев...

Утром следующего дня на том же «**Фоккере**» мы продолжили путешествие. Пролетая над Килиманджаро, увидели снежную шапку на её вершине – незабываемое зрелище! Это была удача! Лишь потом мы узнали, что нам повезло: как правило, она окутана густым туманом или облаками, сквозь которые очертания Килиманджаро практически невидимы. И действительно, когда спустя годы я многократно пролетал по этому маршруту, редко-редко удавалось полюбоваться этим высочайшим пиком Африки...

Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Моши – города у подножия Килиманджаро. Так мы оказались в Танзании. А затем, после часовой стоянки и ещё через час с небольшим, приземлились в Танге, на берегу Индийского океана. Подлетали на небольшой высоте – из иллюминатора взгляд охватывал весь небольшой городок, утопающей в зелени: кругом пальмы, сквозь кроны деревьев кое-где едва проглядывались улочки, а

снижаясь к аэродрому увидели и горожан – кто с повозками, кто на осликах, а кто-то, помахивая кнутом, подстёгивал овец или коз (немногочисленных, правда)...

В Танге мы пересели на двухмоторную «Цессну». Пассажиров в салоне было немного – 25–30, не больше, европейцев среди них – единицы; африканцы – в яркой, красочной, многоцветной национальной одежде, но кое-кто из мужчин и в цивильных костюмах с галстуком.

Покидая Тангу, пересекали Занзибарский пролив и вскоре приблизились к острову. Он показался большим – летели над ним пару минут. Тоже покрытый зеленью, но виднелись и проплешины. И чуть ли не сразу же по курсу самолёта показался «зелёный ковёр», плотный, нескончаемый. Это был остров Занзибар! А правее от него, чуть вдали, отчетливо просматривалось побережье Африканского континента.

...Днём 18 июня, т.е. почти через двое суток после вылета из Москвы, приземлились на Занзибаре. С посадочной полосы (короткой, непригодной для больших авиалайнеров, не чета «Фоккерам» или «Цессне»; она же и взлётная) самолёт неторопливо выруливал на стоянку, чуть ли не касаясь крылом выстроившихся, словно солдаты, кокосовых пальм. Аэродром оказался небольшим, а здание аэропорта, выкрашенное в белый цвет, и вовсе скромное – одноэтажное, с десятком арок по фасаду, украшенных национальными танзанийскими флагами, за которыми проход по всей его длине. Над центральным входом возвышалась диспетчерская вышка. За невысокой оградой – немногочисленные встречающие (или любопытствующие), а перед ними всего два полицейских. Было солнечно и безветренно.

Самое первое, неожиданное и яркое впечатление: едва я вышел на трап, на меня буквально дыхнуло чем-то влажным и жарким, воздух какой-то «тяжёлый», а руки словно обложили влажной и теплой ватой! Вот они – тропики!

– Как наши военные специалисты оказались на Занзибаре?

– В январе 1964 г. здесь произошла революция – «народная», «антифеодальная», «антиимпериалистическая», как у нас тогда писали, свергнувшая султанский режим и покончившая с десятилетиями британского протектората. Была провозглашена Народная Республика Занзибара и Пембы (*Zanzibar and Pemba People's Republic*). СССР признал её одним из первых. Было открыто Посольство СССР, чуть позднее – посольства ГДР и КНР. Именно с этими тремя странами революционный Занзибар наладил сотрудничество, прежде всего, в военной сфере.

Уже через два месяца после революции – в марте – на Занзибар прибыла первая группа советских военных специалистов, именно на работу с ней мы и были направлены. Вслед за ними – в апреле-мае – приехали китайцы и немцы, из ГДР. Немецкие спецы обучали сотрудников службы безопасности. Китайцы, как и мы, работали в армии, но на Пембе – соседнем острове. И они, в отличие от нас, прибыли в страну со своими собственными переводчиками суахили.

(Остров Пемба, самый крупный в Занзибарском архипелаге после острова Занзибар, к северу от него. Тот самый, над которым мы пролетали, покинув Тангу. Он приобрёл особую известность, прежде всего, тем, что здесь находится большая часть плантаций гвоздичного дерева. По производству и экспорту основной сельскохозяйственной культуры, пряной специи – гвоздики, Занзибар и Пемба занимали (и занимают) ведущее место в мире, уступая, пожалуй, лишь Индонезии, откуда это дерево и было завезено на острова в конце XIX века. Гвоздичный аромат «слышен» повсюду, но особенно в сезоны сбора урожая – а их два в году – и сушки собственно гвоздики)

После объединения Занзибара и соседней Танганьики и создания 26 апреля 1964 г. Объединённой Республики Танзания наше посольство осталось в Дар-эс-Саламе, в столице нового

государства, в континентальной части страны, а на Занзибаре, согласно дипломатической практике, было открыто Генеральное консульство СССР, в том же здании, где находилось и посольство.

– **Расскажите, как вы обустроились по приезду?**

– Некоторые наши офицеры приехали без жён и жили в «Доме холостяков», на суахили «*Nyumba ya wajane*» – так называли его занзибарские военные. Туда и мы с **Володей** поселились.

Встретили они нас очень приветливо и с первых же дней у нас с ними сложились товарищеские отношения. Старшим в доме, и по званию, был молодой майор, чуть более 30 лет, – блондин с волнистой шевелюрой, голубоглазый, с прищуром века, спортивного вида и ...главный «курильщик» – с сигаретами не расставался. Фамилию его не помню, но запомнился мне он тем, что был очень похожим на известных киноактеров – латыша **Гунара Цилинскиса/Цилинского** (его наиболее яркая роль в кино – советский разведчик **Николай Кузнецов** в фильме «Сильные духом», снятом в 1967 г.) или **Николая Олялина** (играл, в частности, в киноэпопее «Освобождение»). Правда, курносый, в отличие от его «двойников». Майор был и шофёром небольшого «**фордика**» с открытым верхом, на котором мы отправлялись на работу.

Жили мы в комнате-квартире на верхнем, втором этаже, куда со двора вела металлическая лестница. В ней – два окна-«бойницы», высокие и узкие: одно выходило в сторону океана, другое – во двор. В оконных рамах с рычажком – полупрозрачные матовые стеклянные жалюзи. (Мы держали их всегда открытыми, в горизонтальном положении – так легче проветривалось. Если случались ливни с порывистым ветром, вода струйками попадала только на подоконники, глубокие, с уклоном на внешнюю сторону. Пол оставался сухим). Одна кровать на двоих, двуспальная, с прикреплённой

к потолку москитной сеткой – на Занзибаре в избытке водился малярийный комар.

(В Москве, в Графском переулке, где находился прививочный пункт для всех отъезжавших за границу, нас снабдили отечественным «делагилом», сказав, что от малярии прививок не бывает и принимать надо ежедневно по одной таблетке. На месте наши офицеры отсоветовали – «от малярии не спасёт, а печень “посадить” может», чему мы с **Володей** и следовали. К счастью, малярией не болели. Хотя я после первой же ночи по прилёту обнаружил поутру, что вся правая сторона – от плеча до пятки – была искутана комарами. Мы провели её во временном жилище: в свободной комнате в квартире одного из семейных офицеров, тоже на двуспальной кровати с москитной сеткой. Видимо, я спал, прислонившись к этой сетке)

В нашей квартире, кроме потолочного вентилятора, был ещё один – напольный; письменный стол у окна с лампочкой, пара стульев-кресел, две тумбочки. Отдельно душевая, туалет и небольшой балкон.

Кондиционеров в доме не было. Да и особой нужды в них, честно говоря, тоже не было. При толщине стен порядка метра, не меньше, их поверхность внутри помещения даже в самую жару, днём, оставалась прохладной. К тому же, при работающих вентиляторах комната хорошо проветривалась. Ощущалась, пожалуй, только высокая влажность. В общем, жилось вполне терпимо.

До январской революции этот просторный особняк на невысоком скалистом берегу, служившим ему фундаментом, огороженный с других трёх сторон каменным забором и с небольшим двором-садом, в котором росли высокие кокосовые пальмы, занимал британский резидент на Занзибаре.

Интересная деталь – во время приливов вода заполняла подвальное помещение, куда со двора вела лестница, а на его противоположной стороне – металлическая дверь с засовом. Откроешь её и – вот он, Индийский океан!

Зная расписание приливов, поначалу мы часто пользовались этим подвалом, чтобы как-то охладиться в морской воде. Но по мере приближения командировки к концу купались всё реже и реже – вода при температуре, как правило, выше 25 градусов ощущения прохлады не доставляла.

Выплывая в океан, приходилось быть осторожным – на каменистом дне частыми «гостями» были морские ежи: случайно наступишь – и иголки впиваются в ступню, их не вытаскать, они растворяются под кожей, образуя гнойники, очень болезненные. Меня миновала чаша сия, но **Володе** пару раз досталось, правда, он легко отделялся – «прихватывал» три-четыре иголки, не больше. А были и сложные случаи. Некоторым жильцам нашего дома, по их рассказам, приходилось прибегать даже к помощи хирургов в центральной больнице на островах – госпитале имени В.И.Ленина (до январской революции носившим имя английского короля Георга VI). И с нами никто из «холостяков» так и не купался.

И ещё. Работавшие тогда на Занзибаре советские исследователи морской фауны – супружеская пара (имена их не помню за давностью лет) – говорили нам: «В прибрежных водах остерегайтесь «*stone fish*» – «каменной рыбы». Встреча с ней – смертельна: невзначай уколешься – мгновенный паралич и – камнем на дно!» Нам везло – с «каменной рыбой» не встречались...

«В наследство» от британского резидента нам достались два чернокожих повара. Помню, одного из них звали **Джума**. Всегда улыбочивые и предупредительные, чистюли в белых накрахмаленных и отутюженных халатах, на голове – белоснежный колпак. Они классно готовили любимые англичанами порриджи и пудинги. Не скажу, что не был знаком с овсяной кашей, любил её с детства, но порридж в их исполнении – это нечто! А настоящий английский пудинг, сладкий-пресладкий, я впервые попробовал как раз на Занзибаре. Эти же два занзибарца закупили продукты, стирали наше белье, убирались в комнатах. Оба

повара если и не стали нашими «проводниками» в суахили, но помогали, по крайней мере, мне, осваивать азы разговорной речи. От них я узнал некоторые слова и выражения, да и пословицы тоже, что очень пригодилось в переводческой работе.

Особняк стоит и по сей день. Побывал возле него в 2004 г. – бесхозный, обветшал, вместо окон – «глазницы», жалюзи нет. Но ворота на замке, а во дворе росли те же пальмы. Если в Интернете перейти на ссылку «*Google Maps*» и найти город Занзибар, его очертания вполне различимы.

– С кем и как вы работали?

– **Володя Овчинников** стал переводчиком начальника группы, т.е. помогал ему общаться с высшими занзибарскими военными. А я работал с его заместителем, майором **Борисом Николаевичем Линёвым**, в «полевых условиях» – в военном лагере Чуквани, что в 10–12 километрах к югу от города Занзибар. Под началом **Линёва** (лет сорока, светло-рыжий с короткой стрижкой, слегка лысоват, среднего роста, широкоплечий, энергичный крепыш с поставленным командирским голосом – таким он мне запомнился) были все наши офицеры разных военных специальностей.

Несколько слов о занзибарской армии той поры. Точнее, о том, почему, спустя год с небольшим, советским военспецам понадобились мы – переводчики суахили.

До нашего приезда в этой группе были два переводчика с английского. Один – майор, работал с начальником группы, он же – замполит. Приехал с женой и жил отдельно. Другой – наш сосед по дому **Ваня** (фамилию, к сожалению, забыл), переводчик **Линёва**, лейтенант, выпускник Военного института иностранных языков (ВИЯК). Молодой, очень подвижный парень, русые волосы ёжиком. Любил загорать во дворе. Однако ему было невдомёк, что на экваторе – загара никакого, но с упорством продолжал это занятие и обгорал до волдырей.

Офицеры рассказали нам, что с английским переводом у них мало что получалось: рядовые солдаты их не понимали, сержантский состав тоже не был силён в английском. Мало толку было и от лейтенантов, хоть как-то знавших язык. Обучение шло с превеликим трудом, впустую терялось время...

Солдаты, занзибарские новобранцы, коих следовало научить строевой, боевым навыкам, обращению с оружием и т.д., в массе своей – бывшие крестьяне, неграмотные, выходцы из беднейших слоёв населения – вообще едва знали разговорный английский, а о знании военных терминов и говорить не приходилось. Складывалось так, да и китайцы подавали пример, что без суахили – никак!

– Сразу ли у вас получалось с переводом на суахили?

– Конечно, нет. Расскажу, с чего всё начиналось по приезде на Занзибар.

Через 2–3 дня после обустройства мы с **Володей** вместе с **Линёвым** впервые приехали к месту работы в лагерь Чуквани. **Линёв** представил нас тамошним командирам, а те – своему личному составу.

Я сразу ощутил доброжелательное к нам отношение со стороны занзибарских военных. Оказавшись в окружении солдат, нас спрашивали, откуда и кто мы, где учили суахили. Мы рассказали, что из Москвы, учились в университете. К моему удивлению, кое-кто из них слышали и о Москве, и о МГУ. Но когда я назвал мой институт ИВЯ на суахили – «*Chuo Kikuu cha lugha za Mashariki*» – начались расспросы... Наша беседа продолжалась ещё некоторое время. И всякий раз, когда мы отвечали на вопросы или что-то разъясняли, я стал замечать: к нам внимательно прислушиваются, у кого-то появляются улыбки на лицах, а некоторые и вообще смотрели на нас с нескрываемым любопытством.

И вдруг кто-то спросил: «*Mnazungumza lugha gani?*» («А на каком языке вы говорите?»). Вопрос я, конечно, понял. А уви-

дев удивление в моих глазах, этот «кто-то» сказал: «*Tunaanguka kwa kucheka!*» («Мы умираем со смеху!», дословно – «Мы падаем от смеха!»), и все вокруг дружно рассмеялись.

Занзибарцев мы понимали. Но, видимо, обороты нашей речи, построение фраз, те или иные слова из нашего не слишком богатого словарного запаса были для них непривычны. Наверное, мы говорили излишне академично, слишком «грамотно», строго придерживаясь грамматических норм. Одним словом, говорили мы, скорее всего, на литературном языке суахили. А иначе и быть не могло! Тексты, которые были у нас в ИВЯ под рукой на I–III курсах, это, в основном, сказки, рассказы об обычаях и традициях племён и народностей в Восточной Африке, пословицы и поговорки, некоторые произведения танганьикского писателя **Шаабана Роберта**, и т.п. Учебных пособий на суахили и о суахили просто не хватало, а текстов «сегодняшних» не было, и взять их было неоткуда. Танганьика и Кения, для которых суахили – родной язык, в 1960–1961 гг. были ещё британскими колониями, да и позднее закупать литературу и прессу на суахили, а также словари было возможно только через Лондон. Нужна была валюта, а её на «наш» язык, если и выделяли, то явно недостаточно.

За первые четыре года учебы в ИВЯ грамматику, которую преподавала **Наталья Вениаминовна Охотина**, ученица члена-корреспондента АН СССР **Дмитрия Алексеевича Ольдерогге**, мы усвоили на «отлично». Читать научились тоже, занимались переводами с русского на суахили и с суахили на русский и «разговаривали» на суахили между собой – этими занятиями руководила **Нелли Владимировна Громова**. Ныне профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой африканистики ИСАА МГУ, а тогда – аспирантка **Охотиной** (африканскими языками они занимались на Восточном факультете Ленинградского университета под руководством **Д.А.Ольдерогге** и перебрались в Москву, когда в ИВЯ открылась кафедра африканистики).

Но у нас не было военных текстов на суахили, а военной тематикой вовсе не занимались. В первом советском «Суахили-русском словаре», изданном в Москве в 1961 г. тиражом в 6 тысяч экземпляров (!), военные термины практически отсутствовали. Поэтому на первых порах пришлось нелегко, мы спрашивали-переспрашивали у занзибарских военных, знавших английский, что и как из «военного» называется на суахили, и учились на ходу.

Например, перед поездкой на Занзибар я знал, что «*kifaru*» – это «носорог», а «*mzinga*» – это «улей». Каково же было мое удивление, когда в лагере Чуквани услышал, что на военном суахили «*kifaru*» – это «танк» (не правда ли, удачное сравнение!). А «*mzinga*» – это «пушка»! И вот почему.

Пчелиные ульи в Танзании (да и во многих других африканских странах) устраивают не на земле, как у нас, в России, а закрепляют верёвками в кронах деревьев. И представляют они из себя не наши «домики», а выдолбленные изнутри достаточно крупные поленья гладкоствольных (курсив – мой) деревьев, в том числе и пальм. А какой главный «элемент» у пушки? Правильно – *ствол*! Поэтому «*mzinga*» стала «пушкой».

(Таковы были мои «открытия», когда я оказался на Занзибаре. Но надо отдать должное тому, первому, советскому словарю, в который перед отъездом на Занзибар я не удосужился заглянуть. А в нём можно обнаружить и «танк», и «пушку» как второе значение каждого из приведённых выше суахилийских слов)

Ну, а в завершение этой словарной эквилибристики (невоенной) не могу не привести ещё пару примеров: «акула» на суахили – это «*papa*», «папа, отец» – «*baba*», а «мама» – и на суахили «*tama*». В разговорном суахили «переводчик» – это «*taptapu*». Не слышатся ли, читатель, в этом слове характерные звуки пишущей машинки – «тап-тап-тап...»? Я узнал о нём на Занзибаре. В словарях его не найти – там есть только литературные «*mkalimani*» и «*mtafsiri*».

(Да и не многие танзанийцы знают это слово, если они не выходцы из Занзибара. Во всяком случае, я убедился в этом в Дар-эс-Саламе. Так, «старший» по местному штату в Бюро АПН **Диксон Марадуфу**, профессиональный журналист и блестящий переводчик с английского на суахили (почти мой ровесник, я был на четыре года младше его), услышав от меня это «tartari», искренне удивился: «Неужели? Никогда не слышал!» Правда, он сказал, что никогда и не был на Занзибаре... Не знали этого слова и другие танзанийцы, работавшие в Бюро)

Отсутствие разговорной практики на суахили давало о себе знать в первые месяц-два. По крайней мере, я это осознавал. **Володе** было легче – с III курса он уже практиковал суахили, «подрабатывая» на иновещании Московского радио, был переводчиком и диктором, общался с занзибарцами **Раджабом** и **Сейфом Ахмедом Харуси**, которые по контракту работали в редакции суахили в начале 1960-х годов.

После 2–3 месяцев ежедневного общения на суахили с занзибарцами я обрёл достаточные навыки в разговорной речи, особых затруднений в общении с ними и в переводах уже не возникало. К тому же, мы ещё не успели забыть, чему нас четыре года – с I по IV курс – учили на военной кафедре МГУ (в том числе английскому военному), а затем на двухмесячных военных сборах в Вышнем Волочке, где приняли воинскую присягу и стали младшими лейтенантами запаса.

С нашим появлением заметно теплее стало и отношение к советским офицерам со стороны занзибарских солдат и их командиров.

– А кто был старшим группы?

– Подполковник **Виктор Михайлович Григорьев**, в 1966 г. его повысили в звании и он стал полковником. (Как я узнал много позднее, военную карьеру **Виктор Михайлович** завер-

шил в звании генерал-лейтенанта в конце 1980-х). Лет 40–42, невысокий, сухощавый, с короткой прядью тёмных волос, слегка ниспадающей на лоб, всегда подтянутый, в белой сорочке, вправленной в чёрные брюки, иногда с галстуком. Очень сдержанный, интеллигентный командир, на еженедельных собраниях (а они проходили на верхнем, с балконом, третьем этаже нашего Генконсульства, здание которого примыкало к резиденции президента Занзибара **Абейда Аmani Каруме**) был немногословен, четко ставил задачи, никогда не говорил на повышенных тонах. К нам с **Володей** относился уважительно.

Группа была не очень большая. Не считая переводчиков, человек 10–12, в том числе два лётчика, обслуживавшие самолёт **Ан-2** – подарок президенту Занзибара. Насколько помнится, за исключением **Григорьева** – все немосквичи, из глубинки. У **Григорьева** была чёрная «Волга» **ГАЗ-21** и свой шофёр – высокий, блондин, крепкий молодой боец. Точно не помню, как звали; назову его **Николаем**.

За нашим здоровьем следил врач, майор медицинской службы. Я не случайно о нём вспомнил.

В таком климате, как на Занзибаре (тропический, влажный, дневная температура – не меньше 30–35 градусов), наш рабочий день начинался в 8 утра, когда мы из «холостяцкого дома» приезжали в лагерь Чуквани. С 12 до 15 часов – самое «пекло» и работать просто невозможно. Это время мы проводили дома – обедали и отдыхали. Затем возвращались в лагерь и работали до 17–18 часов, когда начинало темнеть.

Однажды, отдыхая после обеда, я включил у кровати вентилятор «напрямую» на себя и задремал. Проснулся, а встать не могу – спину просквозило. Проще говоря, «прихватил» острейший радикулит в пояснице (и это в 23 года, он не «отпускает» и дает о себе знать до сих пор).

Пришёл врач-майор, кое-как довёл до машины и – к себе в медкабинет. Там, высоко приподняв кушетку и закрепив её шпагатом за крюк на потолке, уложил на неё. Так я висел с пол-

часа: голова внизу, а ноги, обмотанные верёвкой, зацепленной за тот же крюк, – наверху. После нескольких таких процедур «на растяжку» стало полегче. И всё же, я оказался «на больничном» дней на 10–12.

Узнав об этом, меня посетил **Григорьев**. Слово за слово, так, мол, и так, но работать надо! Если не в лагере, то дома. Предложил заняться переводом на суахили... «Полевого устава Советской Армии» (!), экземпляр которого он прихватил с собой. И дал срок – неделя!

С заголовком я справился – «*Katiba ya Jeshi la Nchi Kavuu*» – «Устав сухопутных войск». Других видов войск на революционном Занзибаре тогда, да и сейчас тоже, не существовало, если не считать «военно-морских сил» – два боевых катера, кажется, производства ГДР. Худо-бедно, с помощью **Володи**, благо жили мы в одной комнате, работу закончил дней через десять. Отпечатал на машинке. Конечно, перевод был далеко не совершенным, и пригодился ли он вообще – трудно сказать. Его «судьбой» я не интересовался, и мне никто ничего не говорил об этом.

Обо всех перипетиях с переводом и не расскажешь. Отмечу лишь самое забавное. Например, в нашем Уставе есть термин – «ползти по-пластунски». Перевести его «с ходу» никак не удавалось. Советовался с **Володей**, наши варианты не совпадали. Едва справившись с радикулитом, я показывал в Чуквани на собственном примере, как ползти, примерно десятерым солдатам и сержантам, причём каждому в отдельности. И у каждого был свой вариант ответа! Я надеялся хотя бы на два совпадения, но, увы... В моей интерпретации «Занзибарский полевой устав» так и остался без «ползти по-пластунски».

Вот ещё любопытная история, связанная с **Виктором Михайловичем Григорьевым**. Где-то на третьем-четвёртом месяце работы на Занзибаре я позволил себе вольность – бороду решил отрастить. Это сейчас я белый, как лунь, да и макушка лысая – тогда же шевелюра была чёрной, правда, далеко не густая,

уже начинал лысеть. А борода оказалась густой, кучерявой и... коричневато-рыжей! Как и у арабов, попадавшихся изредка в магазинчиках и на узких улочках, где и двум велосипедам не разехаться, например, на «*Gizenga Street*» (названной так после январской революции в честь **Антуана Гизенги** – соратника **Патриса Лумумбы**) в «*Stone Town*» – «Каменном городе», исторической части островной столицы.

Однажды вызвал меня **Виктор Михайлович** и говорит: «Я вижу, вы (к своим подчинённым **В.М.** обращался исключительно на «вы») по вечерам любите прогуливаться. Имейте в виду – вас в войсках называют «*mwarabu Ali*» («араб **Али**». Действительно, занзибарцы называли меня **Али**, видимо, для них это было «производное» от **Олега**). Вы – человек гражданский, приказывать вам не могу, но советую – уберите свою бороду. Такие же бороды были и у арабов».

Я внимательно слушал, а мой начальник продолжал: «А что они – занзибарцы – сделали с арабами 12 января 1964 г.? Наверняка знаете – очень многих вырезали. Если не хотите себе проблем, избавьтесь от бороды. В темноте вы и в самом деле похожи на араба: высокий, длинноватое лицо, а тут ещё и борода!» **Виктор Михайлович** ещё добавил, что об этой «проблеме» ему рассказали немецкие друзья, которые обучали сотрудников занзибарских органов безопасности».

Через пару дней я, конечно, бороду сбрил. **Григорьеву** не стал говорить, что в лагере Чуквани меня иногда звали ещё и «*babu Ali*» – «дед **Али**», когда был с бородой.

Этот разговор произвёл впечатление: оказывается, дружба – дружбой, как нам, стажёрам суахили, казалось, но за нами спецслужбы Занзибара следили...

– **Кто тогда считался вероятным противником Занзибара?**

– Вероятным противником считались «*wabeberu*», в пере-

воде с суахили – «империалисты». Именно в этом значении «*beberu/wabeberu*» утвердилось в политическом лексиконе суахили (в словарях же первым указано – «козёл/козлы»!). Они «плели» заговоры и хотели свергнуть революционное правительство. Когда свершилась революция, в западных СМИ Занзибар называли «Кубой в Африке». Два эсминца – британский и американский – стояли на рейде порта города Занзибара под предлогом эвакуации англичан и американцев, примерно 300 гражданских лиц. Положение усугублялось тем, что в начале апреля 1964 г. по настоянию новой власти была закрыта американская станция слежения за спутниками «Меркурий», а до этого многих иностранцев депортировали. Закрылось и посольство США. После объединения с Танганьикой угроза внешнего вмешательства пошла на убыль, но по-прежнему на Занзибаре работали лишь три дипмиссии – СССР, ГДР и КНР.

Что любопытно: если вдруг приходило сообщение о том, что в Западной Африке или где-то ещё на континенте произошёл государственный или военный переворот, на Занзибаре тут же вводилось на такой-то срок военное положение, объявлялся комендантский час. Но на этом всё и заканчивалось – город продолжал жить своей обычной жизнью, магазины, лавочки и бары работали до поздней ночи, полицейских нарядов мы не замечали. Никаких изменений не происходило и в военном лагере Чуквани – повышенная боевая готовность не объявлялась, соблюдался обычный распорядок дня, а мы как работали, так и продолжали работать.

Любопытно также и то, что власти постоянно забывали объявлять народу об отмене установленного ими же срока «военного положения»...

По моим наблюдениям, все эти «страхи» рядовых занзибарцев особо не волновали: их устраивал новый режим, эйфория победы в революции не спадала.

– Восстание было направлено против англичан или против арабов?

– Ответить на этот вопрос не просто. В январских событиях 1964 г. было убито, по некоторым данным, свыше 20 тысяч арабов, а точнее – занзибарцев арабского происхождения. Эта цифра представляется невероятной, если учесть, что численность всего населения островов не превышала тогда 300 тысяч человек. По официальным же данным, озвученным Революционным Советом – высшим органом власти на Занзибаре после революции, – погибли (убиты, зарезаны – да, такое тоже было!) не более 2,5 тысяч. По-видимому, точная цифра жертв находится где-то посередине. К тому же, три четверти из оставшихся в стране арабов сочли за благо уехать в первые дни-недели после революции. Во всяком случае, в нашу бытность на Занзибаре арабы встречались нам крайне редко, и практически все они были весьма преклонного возраста.

В своей диссертации «Социально-политическое развитие Занзибара», которой Учёный совет Института Африки АН СССР, по неведомым мне причинам, присвоил гриф «Для служебного пользования», я в подробностях всё это изложил, основываясь на материале, собранном, в том числе, и в период работы на Занзибаре переводчиком суахили.

(Диссертацию я защитил 21 февраля 1973 г. Внешним оппонентом от Института всеобщей истории АН СССР выступила **Ирина Евгеньевна Сеницына** (супруга крупного советского индолога, будущего академика **Григория Максимовича Бонгард-Левина**). Закрывая своё выступление, она заявила членам Учёного совета, что моё исследование вполне заслуживает присуждения докторской степени, но «в Советском Союзе не принято, к сожалению, присуждать доктора 30-летним историкам». Эти её слова я помню до сих пор...)

Тем не менее, после январской революции многие так называемые арабы вошли в состав Революционного Совета. В их числе, например, **Абдурахман Мохаммед Бабу**. Он активно выступал против султанского режима, за что и пострадал – в 1962 г. оказался в тюрьме. В июне 1963 г. **Бабу** создал партию

«*Umma*» (суах. – «Народ»), сторонники которой участвовали в январском перевороте. Был одной из ключевых фигур в революции 1964 г. До объединения с Танганьикой **А.М. Бабу** занимал посты министра обороны и иностранных дел Занзибара, министра экономики и планировании ОРТ. После ареста в Дар-эс-Саламе и заключения в тюрьме (1968–1974) эмигрировал в Англию. Умер в 1996 г., похоронен на Занзибаре.

Или его соратник по партии 30-летний **Али Махфуд**, с которым я был лично знаком, – начальник штаба занзибарской армии, подполковник (более высокое воинское звание в то время – бригадир – имел лишь **Юсуф Химида**, командующий занзибарской армией). В начале 1960-х годов **Али**, по некоторым данным, проходил военную подготовку на Кубе.

Но самый яркий пример – это **Салим Ахмед Салим**, один из наиболее известных политических деятелей Танзании.

Я познакомился с ним на Занзибаре в 1966 г., выяснилось, что мы – одногодки. А через 35 лет вновь повстречались – в 2001 г. в штаб-квартире ОАЕ в Аддис-Абебе на саммите Организации Африканского Единства, когда было принято решение о её преобразовании в Африканский Союз. Он покидал пост Генерального секретаря ОАЕ. Впервые избранный в 1989 г., он переизбирался ещё дважды и занимал эту должность вплоть до 2001 г. – больше, чем кто-либо другой за почти 40-летнюю историю этой организации. Его кандидатура рассматривалась и на пост Генерального секретаря ООН.

Конечно, **Салим** меня не узнал, но вспомнил, что действительно в те годы, как он выразился, «*vijana wawili wa Kirusi*» (суах. – «два молодых русских») работали на его родине переводчиками суахили. Моя беседа с ним была короткой: **С.А. Салим** был «нарасхват» у журналистов, освещавших этот исторический саммит. У меня сохранилось фото о той памятной встрече в Аддис-Абебе.

(**Салим** получил полное среднее образование на Занзибаре. Уже в конце 1950-х включился в антиколониальное дви-

жение на островах. Соратник **А.М. Бабу**, в 1960 г. основал Союз занзибарских студентов (*All-Zanzibar Student Union*). По молодости лет он не вошёл в состав Революционного Совета. После объединения Занзибара с Танганьикой началась его дипломатическая карьера. В 1964 г., в возрасте 22 лет (!), был назначен послом в Египте, затем – послом в Индии (1965–1968), где учился в Делийском университете, и в Китае (1969). С 1970 г. – постпред ОРТ в ООН и одновременно – посол на Кубе. Министр иностранных дел (1980–1984), премьер министр Танзании (1984–1985), вице-премьер и министр обороны ОРТ (1985–1989). С 2001 г. – председатель Фонда им. **Дж. Ньерере** в Танзании.)

– **Какая у занзибарцев была военная техника?**

– Бронетранспортёры. Наши, советские – марку не помню. Четырёхколёсные [**БТР-40**], в том числе и с открытым верхом. Грузовики-тягачи Горьковского автозавода [**ГАЗ-63**], советские «джипы» – **ГАЗ-69**.

– **А оружие?**

– В лагере Чуквани – у солдат автоматы **Калашникова**, **АКМ**. Не знаю точно: советского или китайского производства, винтовок не видел. Лёгкие пулемёты, тяжёлые, крупнокалиберные, пожалуй, были тоже. Миномёты, гранатомёты, зенитки калибра 37 мм [**61-К**]. Было и артиллерийское вооружение, какое именно – не помню. Может быть, что-то и китайцы поставляли, не знаю.

В Чуквани я работал в разных подразделениях. Наши офицеры показывали и рассказывали, а я переводил – устройство и пулемёта, и карбюратора, гранаты и зенитки, разборку-сборку автомата...

Конечно, пригодилась учёба на военной кафедре МГУ, ког-

да занзибарцам объяснял, что такое «мушка» и как целиться «под яблочко». Примерные аналоги последних двух «терминов» были, разумеется, и на английском. Но английского языка рядовые солдаты не знали, а яблоки и вовсе не росли на Занзибаре. Коли так, пришлось (или удалось) придумать – «*Tizama* («смотри») *mushka*» и «*Lenga* («целиться, целься») *pod yablochko*». Рассказал об этом **Линёву**, посоветовался и с майором – переводчиком английского: они дали «добро». Эти «термины» я использовал в своей работе, и мои подопечные в лагере Чуквани вполне их понимали.

Обучать занзибарских солдат приходилось, порой, и на собственном примере – стрелять из пулемётов и автоматов, метать гранаты. А однажды наш военспец, отчаявшись научить новобранцев обращаться с гранатомётом, целиться и стрелять по фанерной мишени (на расстоянии порядка 30–40 метров – каким-то образом они промахивались, пуля то по мангровым зарослям, то в пальмы, между которыми и устанавливалась мишень), обратился ко мне: «**Олег**, ну покажи ты им, как надо стрелять – ничего у них не получается!..» И хотя «базуку» (так занзибарцы называли гранатомёт) я впервые держал в руках, выстрел удался: хорошо усвоил «теорию», переводя солдатам на занятиях по его изучению. От мишени, изображавшей танк, остались одни щепки...

...На полигоне рядом с Чуквани земля каменистая, не одну пару обуви и не одни брюки сносил. Здесь солдат учили навыкам строевой подготовки, выполнению тех или иных команд. Проходили и учения с боевой стрельбой, отрабатывались наступательная тактика и переход в оборону. Солдат обучали рыть траншеи и окопы с ячейками для пулемётов, совершать марш-броски и т.п.

В один из дней боевой подготовки **Линёв** подошел ко мне и сказал: «**Олег**, сейчас идём в «атаку». Ты им скажи (в отличие от **Григорьева, Б.Н.** со всеми «нашими» общался только на «ты»). Но предупреди, чтобы позади нас никто не стрелял!» Я бегом к командирам – сержантам, лейтенантам...

Оказывается, такое случалось, и не однажды. **Борис Николаевич** рассказывал мне: «Веду в атаку солдат, рядом со мной лейтенанты, сержанты, и вдруг сзади, в спину, раздаются выстрелы, автоматные и пулемётные очереди, а патроны-то – боевые!...»

И на этот раз, устремившись с ним и командирами-занзибарцами вперёд и пробежав пару десятков метров, слышу выстрелы. «Ложись!» – закричал **Линёв**. Я тут же перевёл и успел оглянуться назад: стреляли из траншеи, где залегли пехотинцы второй волны наступления. Солдаты наши от испуга попадали на землю. Позже **Линёв**, расшвыряв, устроил выволочку занзибарским офицерам и я с трудом находил нужные слова... При мне дважды так происходило – ощущение, конечно, неприятное.

– А случались ситуации, угрожавшие жизни?

– За год моей работы – нет. В то время у подавляющего большинства занзибарцев настроение было приподнятое. Не было и намёка на то, что кто-то чем-то недоволен. В тёмное время суток – а оно наступало ровно в полседьмого вечера (рассвет – в полседьмого утра, хоть часы проверяй!) в городе было спокойно и безопасно, о ворах или бандитах мы ничего не слышали. Улицы освещались, но не везде.

Допоздна работали лавочки с керосинками на прилавках. А в сквере в районе морского порта всегда было оживлённо – там торговали всякой снедью. Кто-то продавал плов – любимое блюдо занзибарцев, а кто копчёную рыбу или козлятину, самодельные хмельные напитки, мандарины, манго и бананы, касаву и ямс, другие овощи – помидоры, картошку, чеснок, лук... Мы с **Володей** часто навещали туда – подышать, здесь по вечерам всегда было относительно прохладно, со стороны океана дул освежающий ветер...

Полицейские, конечно, были, но нам они попадались крайне редко.

– Чем ещё занимались наши специалисты, помимо проведения занятий в военном лагере Чуквани?

– Во время праздников – а их на Занзибаре немало: христианские Рождественские и Пасха, мусульманские Рамадан, Идд-эль-фитр и другие, национальные День Революции, День Союза, и т.д. (в целом, гораздо больше выходных дней, чем у нас, в СССР, в те годы) – мы помогали в организации салютов и фейерверков. Как правило, в самой столице, но в особых случаях – в годовщину январской революции, в День Союза – выезжали на близлежащие соседние крошечные острова. Использовались как пиротехника, так и стрелковое оружие и зенитки – стреляли трассирующими боеприпасами. Это красочное зрелище всегда вызывало восторг у горожан.

Во время одного из таких мероприятий мы «салютовали» в пределах города. Вдруг ко мне подбегает майор-занзибарец: «Слушай, Олег, ты горишь!» – «В каком смысле?» – «Посмотри на свою руку». Действительно, мне под часы на руке попало что-то белое – оказалось, фосфор, он, правда не горел, а как бы прожигал, но жжения-то я и не почувствовал. Быстро снял часы и встряхнул руку. Рана всё же была, и довольно глубокая. А вот часы не пострадали...

Был и другой случай. На моторных лодках мы отправились на соседний островок («Тюремный остров» – здесь в прежние времена находилась тюрьма для воров), откуда предстояло салютовать. Туда заблаговременно уже переправили 3 или 4 зенитки. Помню, как причаливали – темнота, море беспокойное, штормило, сильные волны. Выбираюсь из лодки, а её колыхнуло, да так, что, ударившись ногой о борт, подумал – перелом. Но обошлось. А чуть позже, во время стрельбы, у одной из 37-миллиметровых зениток что-то заклинило. **Линёв** говорит мне: «Пойди, посмотри – почему не стреляет». Я подошел, начал спрашивать зенитчика, что да как. В грохоте залпов соседних зениток он меня не расслышал. Я почти вплотную приблизился

к орудию, и вдруг оно как даст!.. Чуть не оглох. Обошлось и на этот раз. А зенитчика я обругал: «*Mbuzi wee!*» (суах., дословно – «Коза ты!»). Ну почти точь-в-точь, как в русском языке!).

– Так и сказали?

– Да. А как иначе! Не мог сдержаться. Кстати, так ругались и солдаты в Чуквани, сам слышал.

– Сотрудничали ли наши военные на Занзибаре с китайскими специалистами? Сколько их было? Что вы слышали о китайцах от вашего начальника Григорьева?

– Мы приехали на Занзибар в самый разгар идеологической войны между Москвой и Пекином. Помните? Китайцы называли нас «ревизионистами». Огонь в этот «костёр» добавляли наши газеты, которые мы регулярно получали из Центра. Особых разговоров о советско-китайском и китайско-советском противостоянии на наших собраниях не велось. Но как-то раз, помню, один из наших офицеров завёл разговор: а что если дело дойдёт до военного столкновения? И он же привёл поразившую меня статистику, сказав примерно следующее: «Если построить китайцев в шеренги по 100 человек и стрелять по ним из автоматического оружия – они неистребимы. Почему? Понадобится 18 лет, а за это время вырастет новое поколение китайцев!»

Вообще же, надо сказать, китайцы в информационном плане развернулись на Занзибаре довольно широко. В кинотеатрах регулярно показывали китайские фильмы (об этом – ниже), распространялись журналы, буклеты и литература, в основном, «маоистского» характера той поры. В местных газетах было немало публикаций со ссылкой на агентство Синьхуа.

Ещё до революции в столице султаната издавался ежедневный бюллетень-газета «*Zanews*» (на бумаге форматом А4), который, и это доподлинно известно, финансировался китайцами. И

при мне он продолжал выходить на английском и суахили языках, распространялся бесплатно. Тираж был приличный – около 5000 экземпляров. Для сравнения – тираж правительственной газеты «*Kwetupe*» (суах. – «Рассвет») выходившей на суахили 2–3 раза в неделю, форматом в полполосы «Правды», как тогда у нас, в АПН, было принято говорить, на 4–6 полосах и также распространявшейся бесплатно, едва достигал 8000 экземпляров.

Тиражи же частных изданий, которые попадались мне в 1965–1966 годах, и вовсе были мизерными. Среди них – еженедельная «*Afrika Kwetu*» (суах. – «Африка для нас»), редактором и владельцем которой был **Мторо А. Рейхани**, мэр г. Занзибара и вице-председатель партии Афро-Ширази (*Afro-Shirazi Party* – АШП), правящей и единственной после революции политической партии на островах. Или «*The Samachar*» и «*The Zanzibar Voice*» – еженедельные газеты, выходившие на английском и гуджарати языках, ориентированные на индо-пакистанскую общину, главным образом выходцев из штата Гуджарат на западе Индии. Их тираж не превышал и 1000 экземпляров.

Владельцы же «Самачара» – братья **М.Х. Мастер** и **Р.Х. Мастер** (об их национальной принадлежности я не спрашивал, видимо, индийцы и уроженцы Занзибара) – в беседах со мной утверждали: «До революции мы печатали 9000 экземпляров, сейчас – 6000», из них «1900 распространяются на Занзибаре, остальные – в Кении, Танганьике, Родезии». **З.Е. Кассем** назвал более скромную цифру – его «Занзибар войс» издавался тиражом 3000 экземпляров, из них «1700 расходятся на Занзибаре, а остальные 1300 – на Пембе». Хотел бы отметить, что они охотно говорили со мной на суахили.

Никому из них я не склонен был доверять – мне ни разу не довелось видеть эти газеты в продаже, а те, в которых печатались какие-либо статьи, заметки из советских источников, в том числе и те, что я передавал им из поступавших в Генконсульство из АПН, они вручали мне бесплатно.

«Самачар» публиковала разнообразную информацию Синьхуа, АДН (ГДР), ТАСС. Материалы со ссылкой на АПН предпочитала далекие от политики: познавательные – о Советском Союзе, достижениях в науке и технике, в образовании и т.п., в общем – гуманитарного характера. «Занзибар войс», в отличие от неё, отдавал предпочтение «политическим», например: «*The US Send "Trojan Horse" to Algiers*», «*The Truth about "Peace Corps"*», «*Traitor and Enemy of Africa*» или «*The Soviet Union and New Africa*» by Ya.Etinger, M.Sc. (History), «*The Developing Countries and Socialism*»...

Вырезки с этими материалами я направлял в Африканскую редакцию АПН. При этом обратил внимание Москвы на следующий момент. Получив в редакции подшивку «Занзибар войс», я подсчитал: за январь-май 1965 г. было опубликовано 9 комментариев со ссылкой на АПН, а в июле-августе – 7. Иными словами, за два месяца примерно столько же, сколько и за предыдущие пять. Сей факт не мог не поставить и в заслугу себе – с конца июня, через пару недель после приезда, я регулярно посещал редакцию газеты.

К концу моей командировки и «Самачар», и «Занзибар войс» издаваться перестали. Редакции этих газет, куда я когда-то часто заходил, оказались на замке – на Занзибаре набирала обороты африканизация государственного и административного аппарата, усиливался партийный контроль в сфере информации. О судьбе их владельцев мне ничего неизвестно. Видимо, они покинули Занзибар – перебрались к родственникам в континентальной части Танзании или вернулись на свою историческую родину.

В отличие от этих изданий, «Заньюс» печатал исключительно материалы агентства Синьхуа, во всяком случае, по международной тематике. Читая этот бюллетень, занзибарцы черпали ту или иную информацию о китайско-советских отношениях с позиций Пекина. Мои же попытки «продвинуть» наши материалы успеха не имели.

Редактор бюллетеня **Абейд Салем** оказался «прокитайцем». Он был весьма вежлив в разговорах со мной (при этом я не ощущал разницы по отношению ко мне, когда говорил с ним на суахили. **Абейд**, занзибарец арабского происхождения, принимал это как должное), проявлял любопытство, знакомясь с апээновскими комментариями по африканской проблематике. Но на этом дело и заканчивалось – ни одной публикации АПН в его бюллетене в мою бытность не появилось.

«Заньюс» имел свой транспорт с соответствующим логотипом, на котором по воскресеньям осуществлялась распродажа по бросовым ценам китайских буклетов и журналов, в том числе многоцветного и красочного «*China*» на суахили («Чина» – так «Китай» произносится на суахили). Этот журнал, как и некоторые другие на английском языке, поступал из Посольства КНР в Дар-эс-Саламе.

Китайские книги и брошюры, многие из них на суахили, можно было встретить в колледжах, клубах-барах, в аэропорту. Например, в изобилии китайскую литературу я видел в «*People's Club*» – самом большом клубе в городе, с конференц-залом и библиотекой (до революции – место отдыха и разнообразных развлечений верхушки султанского режима). А в книжном магазине «*Mapinduzi Book Shop*» (на суахили «мапиндузи» – это «революция»), принадлежавшим Молодёжной Лиге партии АШП, соотношение советской литературы, которая в наше Генконсульство поступала из «Международной книги», и китайской составляло, по моим наблюдениям, 1/3 и 2/3, соответственно.

Довелось увидеть и издававшийся Посольством Кубы в Дар-эс-Саламе бюллетень на суахили «*Habari Cuba*» («Новости Кубы»). Пролистал его – хороший язык, интересная информация...

И ещё. Фотовитрина консульства КНР сопровождалась подписями на английском и суахили языках поочерёдно. И появилась она раньше, чем наша, освещалась по ночам. Советское Генкон-

сульство вывесило её только в июле 1965 г., и мы с **Володей** регулярно – раз в 10 дней (у китайцев реже) – её обновляли и переводили на суахили тексточки к фотографиям. В августе в «Народном клубе» в течение десяти дней проходила выставка-продажа советской книги (на английском и суахили языках), а также фотовыставка, около 300 снимков и фотоплакатов, которая была оформлена на суахили – «плод» наших с **Володей** усилий.

Нам поручали эту работу «в нагрузку», хотя в Генконсульстве стажировался выпускник МГИМО с языком суахили и он мог хотя бы переводить подписи к фото на витрине. Но, видимо, эта функция не входила в круг его непосредственных обязанностей.

Я разговаривал со многими из тех, кто останавливался у нашей фотовитрины. Их привлекали фото о праздниках в СССР, парадах, карнавалах, о наших восточных республиках. Наибольший интерес вызвала экспозиция о жизни африканских студентов в Советском Союзе – она продержалась свыше 20 дней, а не больше потому, что под воздействием солнечных лучей, несмотря на козырек над витриной, многие фотографии просто выцвели. Существенным изъяном присылаемых фото из АПН являлось то, что лишь несколько в каждой новой партии были цветными. В китайской же фотовитрине все фото – сплошь цветные и крупногабаритные...

Тексточки на суахили были и на фотовитрине Посольства ГДР на Занзибаре (именно так – «посольство»). После революции Занзибар первым из государств Африки признал ГДР, несмотря на так называемую доктрину Хальштейна и жёсткое противодействие ФРГ. После объединения Занзибара с Танганьикой центральное правительство в течение ряда лет не признавало ГДР – соответственно, в Дар-эс-Саламе не было ни посольства, ни консульства этой страны, но посольство ГДР на Занзибаре было преобразовано в консульство). Они появились в августе 1965 г., а несколько раньше и у «Дома дружбы ГДР-Занзибар».

Завершая «немецкую тему», отмечу, что в знак благодарности за принятие руководством революционного Занзибара важного для немцев политического решения – признания их государства, правительство ГДР направило бригады своих специалистов – строителей комплекса жилых 3-х – 4-х этажных домов. При мне строительство развернулось в «*Ngambo*» (суах. – «окраина») – в районе бесчисленных хижин и ветхих построек, окружавших по периметру центральные районы собственно города Занзибар. Вереница этих домов – вполне благоустроенных, с электричеством, водоснабжением, канализацией и пр., асфальтированными шоссе-проспектом и тротуарами – были переданы как дар немецкого народа. Первая очередь строительства была завершена при мне к середине 1966 г.

Во взаимоотношениях наших военных специалистов с китайскими ощущалась недоверчивость, напряжённость, мы были чужими друг для друга. Разумеется, чувствовалось и соперничество: кто лучше – мы или они – проявит себя в боевой подготовке занзибарцев. Уверен, этим пользовались (во благо себе, конечно) военное и политическое руководство Занзибара.

(Любопытно, что в начале 1970-х годов, когда занзибарско-китайские отношения были на подъёме, а связи с СССР пошли на убыль, тот самый госпиталь имени В.И.Ленина занзибарцы переименовали в... госпиталь имени Мао Цзедуна! А я вспомнил – со мной случилась неприятность: беспокоил вросший ноготь на пальце ступни. Наш врач-майор отправил меня в «ленинский» госпиталь, где работала группа китайских врачей (советских в те годы на островах не было). Вхожу в кабинет – а там хирург-китаец с медбратом, тоже китайцем. Говорю, кто я и с чем пришел. Они осмотрели меня, о чем-то пару минут поговорили между собой на китайском, и хирург сказал (на английском): «Надо удалять палец» («Вот это да!» – подумал я). Поблагодарив за такую консультацию, спешно покинул кабинет. Вернулся к нашему врачу, рассказал о «диагнозе» и спросил его: «Все китайские врачи, что на Занзибаре, такой же «высо-

кой» квалификации?» – «Не знаю, не знаю...», услышал я в ответ. Наш врач меня вылечил... В 2004 г., когда впервые посетил Занзибар спустя более двадцати лет, на фронтоне этого госпиталя увидел новое название – «*Mnazi Mmoja Hospital*!» (Перевод см. ниже – **О.Т.**)

Китайцы работали в военном лагере поблизости от административного центра Чаке-Чаке на соседней Пембе. Нас туда занзибарцы не пускали. Сколько их было? Вряд ли больше, чем советских.

– А вы как переводчики с китайскими коллегами встречались? Что можете сказать о них?

– На первый вопрос отвечу коротко – практически нет. В городе я их ни разу не видел. Даже не запомнил, на каком транспорте китайцы приезжали на репетиции парадов – всегда приезжали первыми, раньше нас.

Запомнилась первая из очень редких встреч с ними. В конце декабря 1965 г. началась подготовка к военному параду в честь 2-й годовщины революции. Репетиции проходили на огромной площади-поляне «*Mnazi Mmoja*» (суах. – «Одна пальма». Там и до сих пор растут всего 2–3 пальмы). Практически в центре города Занзибар, где обычно устраивались массовые митинги. Она вмещала 15–20 тысяч человек.

На первую репетицию наша группа во главе с **Григорьевым** прибыла чуть позднее китайцев, вокруг которых уже собралось несколько занзибарских военных чинов. **Григорьев** вежливо поздоровался с китайским коллегой, тот, улыбаясь, начал разговаривать с ним.

Мы стояли поодаль, рукопожатиями с китайцами не обменивались, но жестами поприветствовали друг друга. Я с любопытством посматривал на китайских суахилистов (их было три-четыре) – молодые ребята, все одного роста и в одинаковых белых рубашках навывпуск и светлых брюках. Вели себя

как-то скованно, и, когда переводили, чуть ли не в рот смотрели своим офицерам, беседовавшим с занзибарцами. Почему-то подумал тогда, что дисциплина среди самих китайцев была строгой, ничего лишнего, только работа...

Через некоторое время **Виктор Михайлович** подозвал меня: «**Олег**, надо сходить к ним. О чём они там говорят? Попробуйте послушать». Не спеша, делая вид, что прогуливаюсь, сделал несколько шагов в сторону китайской группы. Моя «прогулка» не осталась незамеченной, кое-кто стал оборачиваться в мою сторону – видимо, я был плохим актером. Подойдя ещё ближе, услышал: «*Mzungu anakaribia*» («Белый приближается») – сказал негромко один из занзибарских офицеров, что стоял рядом с китайцами. И все они разом замолчали, всякие разговоры в их группе прекратились. Мне ничего не оставалось, как ретироваться. Чувствуя, что за мной продолжают наблюдать, шёл к нашей группе, «не поспешая». В голове промелькнуло: «А вдруг они догадались, что я их слышал?».

Эта фраза – «Белый (*mzungu*) приближается» – меня поразила. Для занзибарцев, оказывается, я был вовсе не русский (суах. – *mrusi*) или советский («*msoviet*»), для них все равно оставался «белым»! Не сомневаюсь, что и между собой занзибарские военные нас так и называли – «*wazungu*» («белые»).

(Небольшое отступление).

Я не филолог-языковед, а историк, практиковавший (и практикующий) суахили. Хотел бы воспользоваться этой беседой и поделиться некоторыми мыслями, быть может, небесспорными, но имеющими прямое отношение к тому, о чем я уже рассказал, а шире – к тогдашним советско-занзибарским отношениям.

«*Mzungu*» – это собирательное значение «европеец». Так трактуют все известные словари языка суахили, включая танзанийский «*Kamusi ya Kiswahili Sanifu*» («Толковый суахили-суахили словарь») – первый такого рода, изданный в 1981 г. Институтом изучения суахили Дар-эс-Саламского университета.

И советские – «*Kamusi ya Kiswahili-Kirusi*» (суахили-русский) от 1961 г. (18 000 слов), о котором я уже упоминал, и его новое издание 1987 г. (около 30 000 слов).

(Среди авторов последнего – **Н.В.Громова**, **Н.Г.Фёдорова**. И **Володя Макаренко** – мой сокурсник по группе суахили, к сожалению, ныне покойный. Был первоклассным диктором и переводчиком этого языка на канале «*Hii ni Moscow!*» («Это – Москва!») московского иновещания, один из инициаторов еженедельной, по субботам, радиопрограммы «Urafiki Klab» – «Клуба дружбы», ставшей очень популярной в Восточной Африке в 1960-х – 1980-х гг. О ней знал и **Юрий Гагарин**, назвавший её по-русски «Урафика Клуб» в своем интервью спецкорреспонденту Московского радио **Леониду Цейтлину**. Это интервью неоднократно транслировалось на страны этого региона Африки, вплоть до гибели Гагарина в 1968 г. Работая в Танзании, я часто приглашал к себе в Бюро в гости – на обед или ужин – танзанийских журналистов. Эти визиты подгадывал таким образом, чтобы послушать вместе с ними передачу «Клуб дружбы». И когда говорил им, что у микрофона в московской студии мои друзья – **Володя** и **Саша** (о нём – чуть ниже), они мне не верили, спорили со мной, утверждая, что это – «настоящие танзанийцы!»)

В том же значении «*mzungu*» указан и в российском «Русско-суахили словаре» (М., 1996, ок. 30 000 слов). Один из его составителей – **Саша Довженко**, из моей же, самой первой группы суахили в ИВЯ (пожалуй, лучший тогда «суахилист» в СССР, диктор и переводчик высшей категории. Он подарил мне экземпляр этого словаря с автографом – «...с простым напоминанием о том, как молоды мы были!» – в день моего 60-летия в 2002 г.)

Но я вспомнил, что рассказывал о «*mzungu*» нам в Институте на уроках «разговорного суахили» **Хассан** – «носитель» языка (и племянник последнего султана на Занзибаре). Тогда он учился в одном из медицинских вузов в Москве, и приве-

ла его в ИВЯ **Нелли Громова**. А после январской революции 1964 г. этот занзибарец вдруг перестал ходить к нам на занятия: выяснилось – он срочно перебрался в ФРГ. Так вот, по его словам, «*mzungu*» называли не всякого белого (к тому же, в суахили есть «*mweupe*» – букв. «белый человек»). «*Mzungu*» относилось, прежде всего, к тем «белым», которые когда-то колонизировали Восточную Африку, фактически и султанат Занзибар, бывший британским протекторатом с конца XIX века и вплоть до декабря 1963 г., когда он обрёл политическую независимость. И в этом значении, с явным негативным оттенком, это слово укоренилось в сознании африканцев.

Не сомневаюсь: меня назвали «*mzungu*» именно в этом смысле. Такое ощущение я вынес из моей первой заграничной командировки на Занзибар. Разумеется, каким-то исследованием этого вопроса не занимался, но подтверждение сказанному нашел годы спустя – в континентальной части Танзании, из общения с суахилиговорящими в Уганде, Руанде, Бурунди, когда работал в этих странах корреспондентом АПН.

Позволю себе высказать ещё одно соображение об этимологии этого слова. Не является ли «*mzungu*» производным от глагола «*zunguka*» (выделено мною)? В переводе одно из значений – «идти, ходить вокруг», «обходить». А чем занимались в Африке европейцы-первопроходцы? Они «ходили» и «обходили», а за ними колонизаторы делали то же самое (!), завладевая той или иной территорией. На мой взгляд, такое происхождение слова «мзунгу» имеет право на существование.

Добавлю. Как рассказала мне Н.В. Громова, в Танзании есть такая легенда, или притча: когда-то, впервые увидев белого человека, местные жители воскликнули: «*Mzungu!*» («**Чудо!**»), а потом белых стало так много, что они стали говорить: «*Walituzunguka!*» («**Они нас окружили!**»)

Возвращаюсь к несостоявшейся «прогулке». Достоверно не помню, но ход мыслей был примерно такой: «Что же получается? Мы – русские, советские, никаких колоний не имели,

приехали помогать, и меня/нас называют «белыми», как когда-то колонизаторов!?...»

Там же, на плацу, об услышанном я доложил **Григорьеву**, поделился с ним и своими догадками. Но не сразу – китайцам с занзибарцами хотел показать, что не расслышал сказанное в мой адрес, поэтому лишь спустя некоторое время направился к своему начальнику. **Григорьев**, несколько озадаченный, переспросил: «Выходит, нас здесь «русскими» или «советскими» не называют, а называют «белыми»?! Нехорошо!» Наверняка начальник нашей группы сообщил об этом «наверх», в Москву.

Не всё так просто складывалось для нас на революционном острове...

– Какое положение в рамках союзного государства занимал Занзибар, небольшой по площади. Стал одной из провинций Объединённой Республики Танзания?

– Ничего подобного! Да, на это рассчитывал **Джулиус Ньерере** – президент Танзании, сыгравший, пожалуй, главную роль в создании союзного государства, но он не ожидал столь явного отпора со стороны лидеров Занзибара своим попыткам решить эту задачу. После объединения, когда угроза внешнего вмешательства миновала, Занзибар сохранил и всеми доступными средствами оберегал автономию в вопросах внутреннего развития, политического и экономического сотрудничества с зарубежными странами, сохранил собственную армию, службы безопасности.

Крохотный Занзибар вовсе не желал «раствориться» в большом государстве, не допускал никакого вмешательства Дар-эс-Салама в свои внутренние дела. Стать одной из провинций означало бы для островных лидеров потерю рычагов власти и собственных «кресел». Эта перспектива их не устраивала. И **Ньерере**, мудрый и тонкий политик, не «подталкивал» занзибарское руководство к более тесному сближению. Кстати, и по

сей день Занзибар по своему политическому статусу остается автономией с широкими полномочиями.

Абейд Аmani Каруме, президент Занзибара, председатель правящей партии Афро-Ширази, он же и первый вице-президент Танзании (7 апреля 1972 г. был убит в штаб-квартире АШП, но это – отдельная история), и его ближайшее окружение фактически расправились с теми из круга революционных деятелей, высокопоставленных членов правительства, которые выступали за более тесные связи с Дар-эс-Саламом.

Один из ярких примеров тому – расправа с **Абдуллою Кассимом Хангой**. Он был одним из видных деятелей АШП, входил в ближайшее окружение лидера партии **А. Каруме**.

В 1960–1962 гг. **Ханга** учился в Москве, в Университете дружбы народов им. П.Лумумбы. Изучал марксизм-ленинизм. По словам А.Б. Давидсона – крупного советского/российского историка-африканиста, – Ханга получил диплом № 1 выпускника этого университета.

По возвращении домой он неизменно заявлял, что станет президентом нового Занзибара. В 1963 г. в «Правде» со ссылкой на агентство Магриб Пресс появилось сообщение о создании на Занзибаре коммунистической партии (!). Так это или нет, неизвестно. Скорее, это был «вброс» информации от анонимного источника, его стремление выдать «желаемое» за «действительное». Причастен ли к этому молодой марксист **Ханга**? Можно лишь гадать...

После январской революции 1964 г. список членов Революционного Совета, опубликованный в официальной «*The Zanzibar Gazette*» от 25 января 1964 г., возглавил «президент **Абейд Каруме**», вслед за ним – «вице-президент **Абдулла Кассим Ханга**». В феврале должность «вице» была упразднена, и **Ханга** стал премьер-министром Занзибара.

(**Елена Ханга** – тележурналист НТВ, получившая известность своей программой «Про это» в конце 1990-х, – его дочь от брака с **Лией Оливеровной Голден**, сотрудницей Института

Африки АН СССР в 1960-х – 1980-х гг. С **Линой** я познакомился в 1967 г., став аспирантом Института Африки. В 1987 г. она выехала в США, где преподавала в одном из американских университетов, читала лекции об африканском искусстве. Часто приезжала в Москву. Например, летом 2009 г. я присутствовал на её встрече в ИСАА МГУ со студентами кафедры африканистики. Скончалась она в 2010 году. Отец **Линой** – **Оливер Голден**, негр (сейчас принято говорить – африканоамериканец), член Компартии США. В конце 1920-х годов, когда в Америке разразился кризис и наступила «великая депрессия», безработными оказались миллионы американцев, Оливер, как рассказал мне **Аполлон Борисович Давидсон**, приехал в Москву с группой американцев «участвовать в первой советской пятилетке». В начале 1930-х вернулся в США, но вскоре снова оказался в СССР, работал в Ташкенте, где и скончался в конце 1930-х годов)

Вскоре после создания союзного государства **А. Каруме** добился перевода **Ханги** в центральное правительство. В Дар-эс-Саламе его назначили министром по делам Союза. Фактически **А.К. Хангу** устранили от сугубо «занзибарских» дел.

В 1965–1966 гг. начались внутренние раздоры в высшем руководстве островной части Танзании (более осведомлённый **Володя**, переводчик **Григорьева**, кое о чём мне рассказывал). Отмечались конфликты **Ханги** и его сторонников с президентом **А. Каруме** по вопросам внутреннего развития и взаимодействия с центральным правительством.

При мне он на Занзибаре появлялся крайне редко. Воочию я видел его единственный раз в конце 1965 г. – на одном из массовых мероприятий, устроенных партией Афро-Ширази. На фотоаппарате «Зенит» с телеобъективом мне удалось сделать снимок: «На трибуне **А.К. Ханга**, министр по делам Союза, беседует с президентом Занзибара **А. Каруме** и Генеральным секретарем АШП **Табитом Комбо**». Негатив снимка с этим текстом, как и несколько других, я отправил в Москву, в Афри-

канскую редакцию АПН (практиковал это раньше и позднее в течение всей командировки). Был ли он использован, как и другие? Мне не сообщали из редакции, а по возвращении, в суете других забот, я просто забыл о них. Осталось ли что-либо в архиве фоторедакции АПН – мне тоже неизвестно. А недавно узнал, что после неоднократных «преобразований» в Агентстве в 1990-х – начале 2000-х годов многие архивы были просто уничтожены...

В 1969 г., несмотря на заступничество **Дж. Ньерере**, занзибарские власти обвинили **Хангу** в государственной измене, его приговорили к смертной казни и казнили. О перипетиях в борьбе за власть я довольно подробно написал в своей диссертации.

– Какое впечатление на вас производили занзибарские офицеры, скажем, высшие военные чины?

– Могу сказать только хорошее о младших офицерах, с которыми мы работали в лагере Чуквани. Энергичные, в меру любознательные, к нашим относились с почтением, а к своим подчинённым – ровно, без грубости и чванства. Каких-то нарушений дисциплины в лагере мы не замечали.

С начальствующим составом мне работать не довелось. По рассказам **Овчинникова**, многие из высших офицеров – малограмотные, а то и вовсе без какого-либо образования. Выбились они «наверх» исключительно за заслуги в революции 12 января 1964 года.

Занзибарская армия и её военнослужащие в целом, и военная элита, в частности, по моим наблюдениям, занимали привилегированное положение в обществе и материально были очень хорошо обеспечены.

Вооружённые силы создавались по вольнонаемному принципу. В условиях Занзибара это означало, что первые армейские подразделения формировались из молодёжи, большей частью неграмотной и безработной. Не принижая значение такого

важного фактора, как патриотизм, энтузиазм (и молодёжи особенно) в первые месяцы после революции, всё же, как представляется, не следует сбрасывать со счетов и то, что многие молодые занзибарцы, вступая в армию, соблазнились и высокой оплатой.

Мне удалось узнать некоторые «цифры» из разговоров с солдатами и офицерами в лагере Чуквани. (О материальном довольствии советских военных советников я расскажу ниже)

Так, рядовой 1-го года обучения получал не менее 160 шиллингов в месяц, что соответствовало уровню заработной платы некоторых рабочих и преподавателей школ в сельской местности. Капрал – 200 шиллингов, сержант – 300–500 в месяц. Офицеры получали значительно больше: лейтенант – 1000–1200 шиллингов, старший лейтенант – до 1500, капитан – 2000, майор – около 3000, а подполковник – более 3000 шиллингов. Иными словами, военнослужащие на Занзибаре в 1965–1966 гг. – наиболее высокооплачиваемая (даже на фоне чиновников административного аппарата) категория лиц в занзибарском обществе тех лет. При этом добавлю, что занзибарская армия финансировалась из бюджета центрального правительства в Дар-эс-Саламе.

Ещё несколько слов о занзибарской военной элите.

Когда в ходе визита на Занзибар военная делегация Минобороны во главе с начальником 10-го Главного управления Генштаба генерал-полковником авиации **Николаем Павловичем Дагаевым** посетила с инспекцией лагерь Чуквани, **Али Махфуд** приехал туда на собственном автомобиле – новеньком английском «*Humber*»⁶.

Он пригласил меня в кабину. Роскошь внутренней отделки поразила. Кожаные – тёмно-коричневые – сидения, панель управления со множеством кнопок. А особенно – кондиционер и встроенный радиоприёмник (или магнитола, не помню) с вы-

---

⁶ Легковой автомобиль **Humber Sceptre** (прим. ред.-сост.).

движным проигрывателем для пластинок-«сорокапятки»⁷. На проигрыватель (помнится, «*Philips*») я сразу обратил внимание. Увидев моё любопытство, **Али** вытащил пару пластинок, поставил одну из них. И в салоне зазвучала приятная музыка – не африканская, как я почему-то ожидал, и не арабская, играл американский джаз-бенд. Спросив у него, можно ли пользоваться проигрывателем при движения автомобиля, **Али** сказал: «Легко! Не веришь? А ты дотронься до него». Я прикоснулся, он плавно качнулся; приблизившись к нему, увидел – под проигрывателем было нечто, похожее на пружинные амортизаторы.

Не приходится и говорить, что ничего этого не было в «**Волге**» нашего командира.

Али Махфуд часто навещался в лагерь Чуквани. Вальяжный, явно довольный собой и уверенный в себе. Военная форма была ему к лицу. Мне он был симпатичен. Но я замечал, что он с некоторым снисхождением и даже свысока относился к своим подчинённым. Разумеется, мне и в голову не приходило делать ему какие-либо замечания, тем более что он не скрывал своего дружеского расположения к советским военным советникам, в частности, к **Григорьеву**. Между прочим, Али не раз говорил мне, что ему «очень нравится «чёрная **“Волга”** товарища **Григорьева**...». И я догадывался, почему.

(Во многом это – заслуга **Николая**, шофёра начальника группы. Чтобы показать достоинства нашей «**Волги**» (а машина тоже производила впечатление на занзибарцев: высокая, с большим клиренсом, всегда чистая, ни пылинки на корпусе, с никелированными колпаками на колесах и сверкающей на солнце фигуркой оленя на капоте) он шёл на хитрость: всякий раз, стартуя, придерживал педаль тормоза, плавно нажимал на акселератор. И наступал момент – «**Волга**» буквально срывалась с места, с визгом задних колёс и дымом коромыслом от них... Нужно было видеть при этом

⁷ Пластинки со скоростью оборота 45 раз в минуту на проигрывателе (*прим. ред.-сост.*).

восхищение на лице **Али Махфуда** и его характерный жест с поднятым вверх большим пальцем ладони правой руки... Так **Николай** – советский патриот – демонстрировал не самый плохой продукт нашего автопрома того времени. Полагаю, и **Григорьев** не особенно возражал)

Были и командиры, о которых **Григорьев** отзывался весьма уважительно. И среди них – **Сейф Бакари**.

Это имя было мне знакомо: готовясь к поездке, я читал, что до революции он был лидером Молодежной Лиги партии Афро-Ширази (тогда одной из трёх на островах), возглавил так называемый Комитет 14-ти, который готовил и осуществил январский переворот. Ну, а кем он стал после – не интересовался. И вот – «очная» встреча с **Бакари** на Занзибаре.

Я наблюдал за ним с интересом и даже любопытством – будь то в лагере Чуквани, куда он нередко приезжал, inspectируя работу армейских политкомиссаров (был такой институт), на репетициях военных парадов, во время массовых митингов с участием президента **Каруме** на площади «*Mnazi Mmoja*», на других торжественных мероприятиях.

Уроженец Танганьики, небольшого росточка, плотненький, но не толстый, очень подвижный, и умнейшие, пытливые глаза. Удивительно умел слушать – словно впитывал, вбирал в себя информацию. И многое, как говорил **Григорьев**, «схватывал на лету».

Не шибко образованный, английского не знал. Безусловно, небесталанный, стал, пожалуй, одним из самых влиятельных деятелей на Занзибаре. Член Революционного Совета, подполковник, Главный политический комиссар в армии, возглавлял внутреннюю и политическую разведку. Иными словами, **Сейф Бакари** – это «глаза и уши» высшего руководства. При этом в быту был скромен, не выказывал значимость собственной персоны. Полагаю, что наши немецкие друзья, отвечавшие за работу с местными чекистами, нашли в нем хорошего и очень способного ученика.

Когда **Бакари** посещал лагерь Чуквани, я замечал, что сопровождавшие его высокие военные чины проявляли к нему явное почтение, даже те, кто были старше его по возрасту (а не наоборот, как можно было бы ожидать, ибо я уже знал, что в традициях африканцев, у них в крови проявление подчёркнутого уважения к старшим со стороны младших). Не скажу, что заискивали, но кое-кто посматривали на него с некоторым опасением, словно чувствовали, что «о них» он, **Бакари**, знает то, чего им бы не хотелось, чтобы тот знал. Такое ощущение не покидало меня, когда видел, как эти военные общались с **Сейфом Бакари**. И не только военные, но и многие высокопоставленные правительственные чиновники.

В марте 1966 г. **Сейф Бакари** во главе занзибарской партийной делегации присутствовал в числе иностранных гостей на XXIII съезде КПСС. По возвращении он принял приглашение **Григорьева** – поделиться впечатлениями от поездки в Москву. **Виктор Михайлович** говорил, что до этой поездки не раз просил **Сейфа Бакари** выступить перед советскими военными специалистами и рассказать о январских событиях 1964 г., однако он под разными предлогами отказывался и вообще относился к нашим военным довольно сдержанно, как, впрочем, и к китайским.

Встреча прошла в Генконсульстве – на третьем этаже, там, где **Григорьев** проводил еженедельные «летучки». **Сейф Бакари** говорил негромко, размеренно – было видно, что не оратор. Переводил **Овчинников**.

По прошествии стольких лет не вспомнить, конечно же, всё то, о чём он говорил. Но запомнился его рассказ о подготовке революции, о её участниках, о том, кто и как решал те или иные задачи. При этом, как мне показалось, он был откровенен, называя поименно своих соратников – главных «фигурантов» этого исторического для Занзибара события. **Бакари** с явным пренебрежением высказывался о последнем из султанов – **Сейиде Джамшиде бин Абдулле** – и его министрах. А лидеров партий – многолет-

них политических оппонентов АШП – **Али Мухсина** (Националистическая партия Занзибара) и **Мохаммеда Шамте** (Народная партия Занзибара и Пембы) – называл просто: «*maadui wa Waafrika*» (суах. – «враги африканцев»), хотя последний, **М.Шамте**, – один из основателей «Союза Афро-Ширази», предшественника партии Афро-Ширази. «Досталось» от **Сейфа Бакари** и чиновникам британской администрации – они тоже были «*maadui*» или «*tabepari*» («капиталисты»)...

Выступление **Бакари** длилось более часа. Охотно отвечая на вопросы, он особо отмечал роль АШП, её председателя **Каруме** в успехе революции (слушая это, у меня невольно возникла мысль – а стал бы он говорить об этом, не побывав в Москве, на съезде КПСС?). О своем личном участии в январских событиях не сказал ни слова.

Записи, которые я тогда сделал, оченьгодились мне позднее – уже в моей научной работе. Причём, проверяя и перепроверяя многое из того, о чем поведал **С. Бакари**, я убеждался: приведённые им факты были правдивыми.

К моему большому удивлению, **Бакари**, который пришёл на встречу с нами один и был весьма откровенен, рассказывая о январских событиях 1964 г., ни словом не обмолвился о **Джоне Окелло** – командире боевых отрядов повстанцев, одном из главных действующих лиц в революции. Между тем, о нём «шумела» западная пресса в первые месяцы 1964 г., да и советские газеты того времени цитировали его резкие «антиимпериалистические» заявления.

Джон Окелло – «фельдмаршал», как он сам себя называл, – был изгнан из Занзибара в марте 1964 г., и с той поры на упоминание его имени на островах было наложено табу. **Сейф Бакари** табу не нарушил.

(**Джон Окелло** – интересная, интригующая фигура в истории Занзибара конца 1950-х – середины 1960-х годов. Я написал о нём (как и о президенте Каруме, и о Бабу) эссе для книги «История Африки в биографиях» (под редакцией профессора

А.Б. Давидсона), которую готовит к печати Институт всеобщей истории РАН)

После поездки в СССР **Сейф Бакари** «...к нам, советским, подобрел, – говорил **Григорьев**. – Его хорошо приняли и показали многое. И сотрудничество потихоньку стало развиваться».

И по возвращении из Занзибара я продолжал следить за судьбой этого неординарного человека. Подробно писал о нём в диссертации, в частности и том, как и почему спецслужбы **Бакари** «упустили» заговор, в результате которого днем 7 апреля 1972 г. в комнате отдыха в штаб-квартире собственной партии был убит её лидер и президент Занзибара **А. Каруме**.

Об этом событии коротко сообщила одна из наших газет. Я стал отслеживать информацию, надеясь узнать подробности, просматривал тассовские листы АФ... Кое-что попало на глаза, но сообщения от собственного корреспондента ТАСС в Дар-эс-Саламе, как и из корпунктов ряда советских газет в Танзании и в регионе Восточной Африки, отсутствовали. Тогда я по собственной инициативе подготовил справку «К убийству первого вице-президента Танзании **А.А. Каруме**», поставил дату «19 апреля» и передал её **Н.И. Гаврилову**, заведующему Сектором стран социалистической ориентации Института Африки, где я работал по окончании аспирантуры.

Директор Института **В.Г. Солодовников**, сделав «разметку» (её я видел), направил мою справку – «**Г. Козыреву**», заместителю министра иностранных дел, «**Р. Ульяновскому**», заместителю заведующего Международного отдела ЦК КПСС, в КГБ и другие ведомства (её машинописную копию, разумеется, без «разметки», храню в своем архиве). А спустя несколько дней **Василий Григорьевич** объявил мне «благодарность за подготовку инициативной записки» и премировал 65 рублями! (При моей тогдашней зарплате 105 рублей как младшего научно-технического сотрудника: я занимал эту должность, остав-

шись в Институте по окончании аспирантуры в 1970 г. и продолжая работать над диссертацией)

Сейф Бакари, на которого могла бы быть возложена ответственность за покушение и убийство **А. Каруме**, не пострадал. Об этом можно судить хотя бы по тому, что он стал, по нашей терминологии, ответственным редактором и составителем сборника (более 240 страниц) «*The Afro-Shirazi Revolution. 1964–1974*», подготовленного к юбилею – 10-й годовщине революции 1964 г. Более того, в связи с тем же юбилеем **Бакари** был повышен в звании: предисловие книги заканчивается – «полковник **Сейф Бакари Омар**».

– **Что-нибудь интересное ещё вспомните?**

– По порядку? Или «А ещё был случай...»?

В этом ряду, безусловно, первая встреча с президентом Танзании **Джулиусом Ньерере**. В первых числах 1966 г., в канун 2-й годовщины революции, он прибыл на остров с официальным визитом. Так совпало, что в эти же дни на Занзибаре по приглашению Молодежной лиги АШП находилась делегация Комитета молодежных организаций (КМО) СССР. Её возглавлял **Юрий Горячев** – заведующий сектором Африки КМО.

(С ним я был знаком с 1962 г., когда студентом III курса пробовал свои силы в переводческой работе. Об этом тоже следует сказать чуть подробнее.

Юра – уже тогда я был с ним на «ты» – включил меня в состав переводчиков для сопровождения делегаций, направлявшихся специальным поездом из Москвы в Хельсинки (через Ленинград, Выборг и до первой пограничной станции в Финляндии) на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, впервые проводившийся в «капиталистической» стране.

Перед отъездом из Москвы всех переводчиков собрали на инструктаж в конференц-зале в гостинице «Юность» (рядом со станцией метро «Спортивная»), принадлежавшей в те годы ЦК

ВЛКСМ. Рассказывали о «нормах поведения» с иностранцами, о тонкостях переводческой работы. Например, я с той поры и навсегда запомнил, что ни в коем случае нельзя, категорически, при переводе речи иностранца на русский говорить: **«он/она сказал/а, что...»** или **«он/она говорит, что...»**, а переводить только от «первого лица»: **«я думаю, что...»** и т.п. К сожалению, как в те годы, так и в наши дни, далеко не все переводчики следуют этому правилу. Наверное, никто этому их не учит...

Просветили нас и по проблемам международной обстановки, в частности, о положении на Ближнем Востоке, сложных отношениях арабских стран с Израилем, «непримиримости» стран-соседей одних к другим. Заранее предупредили, что вагоны с арабами и израильянами будут «разделены» вагонами с делегациями из «нейтральных» стран, а переводчикам, которым предстоит сопровождать «нейтралов», строго-настрого наказали следить за тем, чтобы не допустить «проникновения» арабов через их вагоны на «территорию» израильян, и наоборот. Дабы «не допустить поножовщины» – именно так было сказано. Такие откровения мне слышать или читать ещё не приходилось, в газетах «об этом» не писали, в новостях на ТВ – не припомню...

Мне досталась делегация из Индии, и я работал с английским языком. Мы оказались как раз в вагоне, рядом с которым ехали арабы. Никаких «происшествий», к счастью, не произошло. Запомнился, однако, один эпизод, к «большой политике» не имеющий никакого отношения.

Дело было так. По приезде в Ленинград делегации разместились на небольшой отдых в гостинице рядом с Московским вокзалом. Во время обеда одна из членов моей делегации заказала кефир. Официант принес пол-литровую бутылку. Налив полный стакан, моя подопечная потянулась к стоявшему на столе обычному набору – солонка, сахарница... Я хотел, было, подать ей сахар, а она сама выбрала чёрный перец (!) и обильно посыпала им кефир, энергично размешала и выпила малень-

кими глотками. Я был поражён! Кое-что зная об индийской кухне, не мог себе представить, что молочный напиток можно «сахарить» молотым перцем. На мой вопрос индуска ответила просто: «А мы так привыкли»...

И ещё. Индийцы стали для меня как переводчика первыми англоговорящими иностранцами, и я надеялся, что, общаясь с ними, смогу усовершенствовать свое собственное английское произношение. Ан нет! Речь у них очень грамотная, лексика – богатая, но говорили они на английском, как на своих родных *хинди* или *урду*, т.е. никакого «английского» произношения и в помине не было! Столкнувшись с этим, я просил отдел переводов КМО в следующий раз прикреплять меня, по возможности, к другим делегациям...

После Выборга границу с Финляндией пересекали днём. Попадавшиеся по пути финские деревеньки или посёлки – чистенькие, аккуратные, ухоженные – разительно отличались от наших, советских; вдоль железнодорожного полотна – чистота. Вроде бы и природа та же, а всё как-то по-другому и лучше...

Ту же картину, но прямо противоположную, я наблюдал, когда ехал на молодёжный фестиваль в Софию спустя шесть лет – в 1968 году. Аспирант Института Африки АН СССР второго года обучения, я был включён в состав советской делегации как «политический консультант» КМО СССР и работал с суахили с делегациями молодежных организаций Занзибара и континентальной части Танзании.

Тоже ехали на поезде – через Украину и Румынию. На румынской стороне – захудалые посёлки с неказистыми домами, бедновато одетые жители. А когда наш состав остановился на первой пограничной станции, полицейские выставили кордон и не подпускали румын к нашему поезду. В это время вагоны обходил **Евгений Тяжельников** – руководитель советской делегации, только недавно ставший первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Помню, как он, зайдя в мой вагон и взглянув в окно, сказал: «Ну, если румын не подпускают к нам, мы выйдем к

ним навстречу!») И тут же распорядился, чтобы артисты – члены советской делегации – вышли на перрон и устроили концерт – с песнями, плясками... Румынские полицейские «подобрили», не мешали нам общаться с местными жителями...

А в заключение этого очередного «отступления» – как нас встречали в Болгарии. Это незабываемо! Советская делегация, как и другие, колонной шла по центральной улице Софии на стадион – на торжественное открытие Всемирного фестиваля молодежи. По пути жители столицы останавливали нас, радостно приветствовали, забрасывали цветами. Я оказался рядом с лётчиком-космонавтом **Алексеем Леоновым** (снимок с ним храню до сих пор), чуть сзади певцы – **Эдита Пьеха** и **Иосиф Кобзон**, тогда ещё с собственной причёской, олимпийский чемпион **Пётр Болотников**. Софийцы их узнавали, просили автографы... Стоило нашей делегации миновать вход на стадион, как услышали с трибун громогласное и нескончаемое – «Братушки! Братушки!..» и песню про «Алёшу»!..)

После нескольких дней пребывания на островах **Горячев** обратился к генеральному консулу **Карлову** с просьбой помочь с переводчиком на суахили, пояснив, что к иностранным гостям занзибарцы относятся куда лучше, если в составе делегации есть суахилийский переводчик. Мой начальник **В.М. Григорьев** разрешил мне сопровождать гостей из Москвы.

Занзибарцы оказались столь гостеприимны, что организовали поездку делегации КМО СССР в Макундучи (крупнейший населенный пункт на южной оконечности острова) в тот же день, когда этот поселок посетил и **Дж. Ньерере**.

Мы отправились туда пораньше. По мере приближения к Макундучи вдоль дороги, украшенной прикрепленными к пальмам танзанийскими флагами и «растяжками» с революционными лозунгами и разноцветными бумажными гирляндами, уже собирались местные жители. Они радостно приветствовали и нашу делегацию, и других гостей, направлявшихся на встречу с президентом.

Надолго остался в памяти приём, оказанный **Дж. Ньерере**. Это надо было видеть! Его ждали тысячи жителей Макундучи и окрестных деревень. Толпа возликовала, когда увидела приближающийся небольшой президентский кортеж, а в головной машине с открытым верхом – **Ньерере**, приветливо помахивавшего встречавшим его. Стоял невообразимый шум, люди пели и танцевали. Для них это был праздник!

Запомнился внешний облик **Дж. Ньерере**. Из машины в элегантном светло-сером костюме «сафари» вышел моложавый, не смотря на свои 44 года (возраст немалый для танзанийца), человек – небольшого роста, худощавый, с редкой-редкой проседью, высокий лоб. Он легко взбежал на постамент, сооружённый из досок и обернутый национальным флагом Танзании. Трибуны не было, как и микрофона. **Ньерере** жестами призвал к тишине и начал было выступать. Но первые же его слова «потонули» в толпе, вызвали бурю восторга, и организаторам встречи стоило немалого труда и времени уговорить собравшихся.

Разумеется, уже не вспомнить, о чём говорил **Дж. Ньерере** на этом митинге. Но в памяти осталось *как* он выступал. Это была не речь, а беседа с людьми – никаких лозунгов или призывов, политических заявлений, наказов или нравочений. **Ньерере** «держал» аудиторию, которая внимала каждому его слову, но нередко и прерывала восторженными выкриками – словно то, о чем он говорил, было близко и понятно каждому из слушавших его.

Выступление президента длилось недолго, не более получаса. После митинга десятки людей мгновенно обступили **Ньерере**, его охранники – местные полицейские (два-три человека) не препятствовали этому. Наша делегация находилась поблизости, и я стал свидетелем общения президента с народом: ему задавали какие-то вопросы, он с улыбкой на лице отвечал, вёл себя просто и непринужденно.

Ньерере был весьма приветлив и с иностранными гостями. Как мне показалось, не только из вежливости к ним (имел

возможность убедиться в этом не раз, и не два позднее, спустя много лет). Их было немного – представители немногочисленного на островах дипкорпуса. Покидая Макундучи, с кем-то из них он обменялся рукопожатием, кое с кем оживленно беседовал. Не обошёл вниманием и делегацию КМО.

Когда он приблизился к нам, мне удалось обменяться с **Ньерере** парой фраз, из коих помню и по сию пору: «*Shikamoo, mzee!*» (сокращённое от «*Shika miguu*» – **О.Т.**)– произнёс я. Слегка удивившись, в ответ он сказал: «*Marahaba*». В общем, это традиционное для танзанийцев уважительное приветствие или обращение к старшему по возрасту (а я годился **Ньерере** в сыновья) и ответ на него. В буквальном переводе: «Припадаю (*Shika*) к ногам (*miguu*) твоим, уважаемый!» – «Ладно (или – «хорошо»)), после чего можно начинать беседу.

Видимо, знание «белым» такой языковой «тонкости», да ещё с мягким «занзибарским» произношением, и вызвало некоторое удивление у **Ньерере**. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. В моем архиве сохранились фотографии тех времен, уже пожелтевшие, в частности, снимок – **Ньерере** в окружении жителей Макундучи.

(Ну, а с **Юрой Горячевым** мы написали небольшой материал – «Молодёжные организации Танзании», который был опубликован в Бюллетене КМО – в № 9 (в сентябре) 1970 г. В нём **Юра** поделился и своими впечатлениями о том, первом, визите делегации советской молодежи на «Кубу в Африке».

Здесь я хотел бы рассказать об одном эпизоде, правда, не имеющем прямого отношения к теме моих воспоминаний. Только косвенное. И всё же.

В апреле 1970 г. состоялась общегородская молодежная научная конференция «Ленин, молодёжь, современность», организованная МГК ВЛКСМ и ИМЭМО АН СССР и приуроченная к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. В Институте Африки, где я завершал обучение в аспирантуре, мне предложили выступить на ней с докладом или сообщением. Игорь Витухин,

тогда ученый секретарь Института (к сожалению, безвременно скончался), намекнул, что лишняя публикация в научном издании не помешает при защите диссертации: по его словам, материалы конференции предполагалось издать под грифом ИМЭМО. Я выступил с докладом «Молодёжь Занзибара» – как раз по теме моей научной работы.

Когда я закончил выступление, ко мне подошёл, назвав себя, **Дима Симис**. Он сказал, что тоже участник конференции, учится в аспирантуре ИМЭМО, тоже будет выступать с докладом, но в другой секции (а их было две). Пригласив послушать, сообщил, что является ответственным секретарем сборника по итогам конференции, и попросил передать ему тезисы моего доклада. Что я и сделал через несколько дней.

В сентябре сборник вышел. **Дима** позвонил мне. Я подъехал к ИМЭМО, он вручил мне экземпляр, в нём – тезисы моего доклада, а также и его – «Новое левое» движение в США и антимонопольная борьба». Сборник вышел небольшим, по тогдашним меркам, тиражом – всего 500 экземпляров, но главное – эта публикация пошла мне «в зачёт» при защите кандидатской.

Те две встречи с **Димой** мне запомнились.

Но вот прошло почти 30 лет. И как-то однажды в ток-шоу на одном из наших телеканалов на тему российско-американских отношений, проходившим в интерактивном режиме и в прямом эфире, на экране в телестудии появляется некий американский политолог, вещавший из Вашингтона. Он прекрасно говорил на русском, без какого-либо акцента, словно этот язык для него родной. Эту передачу я включил, видимо, с некоторым опозданием, и фамилию оратора произнесли в самом её начале.

Я продолжал слушать американца, и вдруг он показался мне знакомым, прежде всего – черты его лица и глаза, хотя он был в очках, и ещё что-то узнаваемое. Какие-то сомнения были, но всё же подумалось, что где-то когда-то я этого человека уже видел. Когда же ведущий программы снова обратился к нему, на экране появилась фамилия – «**Дмитрий Саймс**, руководи-

тель Фонда Никсона». Да, это был тот самый **Дима Симис**! Манера речи осталась прежней, что тоже помогло его вспомнить. Словом, я его узнал.

После той, первой для меня, передачи с участием **Д. Саймса** видел его по телевизору много раз. Но почему он стал американцем, особо не интересовался: уехал, ну и уехал. Как и о том, кто и почему из наших телевизионщиков «вышел» на него. Интернетом тогда я, признаюсь, не пользовался, в конце 1990-х ещё не обзавелся компьютером, да и на работе особой нужды в нём не было.

Другое дело – сейчас. Когда начал готовить эти воспоминания, эпизод, о котором рассказал, как-то возник сам собою. Мне стало любопытно: а есть ли что-то о **Саймсе** в «мировой паутине»? Есть, и немало. Поэтому для более подробного знакомства с **Дмитрием Саймсом**, как он оказался в Америке и т.д., отсылаю читателя в Интернет.

Помнит ли он нашу встречу в ИМЭМО? Вряд ли. Помню я. Тогда он показался мне дельным, толковым парнем. Я стал африканистом, **Дима** – американским советологом. Так сложились наши пути-дороги...

...В распоряжении группы советских военных специалистов была кинопередвижка на базе **ГАЗ-69**. Иногда в выходные дни, вечером, мы приезжали в Чуквани и устраивали кинопросмотры для солдат. Запомнилось, как они реагировали на фильм «Чапаев».

Пока экран – большое белое полотно – солдаты растягивали и привязывали к пальмам, я вкратце рассказал им о сюжете картины, о том, что в России произошла революция, началась гражданская война, были «красные» и «белые», кто такой Чапаев и т.д. Синхронный перевод в микрофон не получался. Порой меня просто не слышали, в особенности, когда баталии в картине «захватывали» занзибарцев – они начинали что-то кричать, выражали свои эмоции очень непосредственно. Например, когда каппелевцы шли в атаку или когда Анька-пулемётчица стре-

ляла по врагам. «Чапаева» мы показывали в этом лагере не раз, и каждый раз занзибарцы реагировали точно так же, словно видели картину впервые.

...Генеральская форма членов нашей военной делегации, посетившей Занзибар, о которой я уже говорил, произвела впечатление на занзибарских военных. Но, думаю, впечатлил, прежде всего, генерал-полковник **Н.П. Дагаев** – высокий, представительный, моложавый, с лёгкой сединой, которого **А. Каруме** дважды принимал в своей резиденции (переводил на встречах **Овчинников** – **Каруме** плохо знал английский). Видимо, его форма приглянулась и президенту Занзибара.

Во всяком случае, спустя некоторое время для него из Москвы по запросу **Григорьева** прислали полный комплект – темно-зелёную, с красными лампасами и красной кокардой на фуражке, но, конечно, без погон. Впервые в этой форме **Каруме** – президент и главнокомандующий – принимал военный парад 12 января 1966 г. – в день 2-й годовщины революции. Потом одевал её и на других торжественных мероприятиях. Выглядел он в ней, для меня, по крайней мере, довольно забавно: сугубо гражданский человек, бывший крестьянин, потом портовый грузчик, тучный и пожилой (ему уже исполнилось 60 лет – возраст очень приличный для африканца), с неизменной тростью и... генеральская форма!

Совсем иначе новое облачение президента воспринимали занзибарцы на массовых митингах, коих устраивалось немало, – восторгам не было предела! Любопытно, но вскоре примеру своего президента последовали его ближайшие соратники. А за ними в военной форме стали появлялись на публике и все члены Революционного Совета, министры и их заместители.

...Наш врач предостерегал: соблюдайте личную гигиену, работая в лагере, после рукопожатий, не подносите руки ко рту – возможны кожные заболевания. Последнее наши офицеры-

курильщики восприняли всерьёз, и вот что придумали. В Чуквани солдаты, да и офицеры тоже, частенько «стреляли» у них сигареты (английские «*Rothmans*» или «*Dunhill*», американские «*Philip Morris*» или «*Lucky Strike*», местные табачные изделия, например, «*Scissors*» в зелёной пачке, мы не покупали – чёрный табак, очень крепкие и без фильтра). Отказывать было не принято. И наши военспецы, дабы не подцепить какую-нибудь заразу, предлагая сигареты, открывали пачку не со стороны фильтра, как обычно, а с противоположной! Этот способ пригодился мне много позже – в Танзании и Уганде, где тамошние журналисты, люди скромного достатка, часто просили – «*Nipe sigara*» («Дай закурить»).

... Маленькая деталь. Я невольно сравнил солдатские уборные в военном городке в Вышнем Волочке и в Чуквани. И сравнение – в пользу Чуквани. Там – туалеты, хотя и сколоченные из досок, с крышами, покрытыми тростником и пальмовыми листьями. И повсюду чистота, никаких запахов. Был приятно удивлён. (В Могадишо же – нам довелось увидеть – сомалийцы нужду справляли, порой, под ближайшим деревом или кустом)

... Покидая Занзибар, на самолёте **Ан-2**, «кукурузнике», я летел в Дар-эс-Салам, где предстояла пересадка на **Ил-18**, прибывший из Москвы спецрейсом. Понял это на аэродроме: **Ил** стоял в стороне от пассажирских самолётов, а возле него вооружённая охрана – три-четыре танзанийских солдата с винтовками через плечо. Видимо, наш самолёт доставил груз военного технического характера – в те годы в континентальной части Танзании работали советские военные вертолётчики.

В полёте командир **Ан-2** пригласил меня в кабину – полюбоваться сверху на изумрудную зелень, покрывающую Занзибар и островки вокруг него, на фоне бирюзовой морской воды с белыми «барашками» от легкой волны. «Как знать, – подумалось, – вернусь ли сюда ещё?»

Разговорились. От лётчиков я узнал, что **Ан-2** – это подарок нашей страны президенту Занзибара, который был передан

ему в начале января 1965 г. – накануне 1-й годовщины революции. А вот дальше... Они рассказали, что вместо запасного шасси в самолёте оказались... запасные лыжи! Для посадки на снегу!!! В это трудно поверить, и можно только догадываться, почему и как это произошло, но было именно так!

...На аэродроме в Дар-эс-Саламе мне запомнился короткий разговор с танзанийским солдатом, охранявшим **Ил-18**. Я вышел на трап подышать, спустился, подошёл к нему. Поговорили о погоде, о том о сём, и вдруг он сказал, как отрезал: «*Lo! Uli-toka Unguja!*» («А ведь ты с Занзибара!») (на суахили, как и на английском, нет обращения на «вы», только во множественном числе употребляется «вы»). Скрывать мне было нечего – тот, годичной давности «наказ» Минобороны: «не говорить на суахили с кем бы то ни было», – устарел за давностью, и я ответил: «Да. А как ты догадался?»

Его ответную фразу не забыть! Танзаниец произнёс: «*Matamshi yako laini!*» («Твоё/у тебя произношение мягкое!»). Таким образом, вольно или невольно, я нашёл подтверждение тому, о чём говорил выше, – сами «*watu wa bara*», то есть «люди с континента», признавали, или отдавали должное, занзибарскому диалекту суахили – «*Kiunguja*» (где «*Unguja*» – это Занзибар на суахили). Услышав это, я похвалил и самого себя – значит, годовая практика в этой стране принесла огромную пользу, удалось преуспеть и в фонетике; казалось, что стал настоящим «занзибарцем», почти...

(Уже позднее, работая в Танзании и в Уганде, «мой» суахили ценили и танзанийцы, и угандийцы. Так, в 1981 г. директор ТВ Занзибара пригласил меня на интервью в прямом эфире, он же его и провёл. По словам тогдашнего вице-консула **Саши Петренко** («суахилист», выпускник МГИМО; к сожалению, скончался в 1990-х гг.), я оказался первым «советским» на занзибарских телеэкранах. Помню, как ближе к вечеру в тот же день шли мы с **Сашей** по городу, видим – у витрины одного из магазинов с выставленным в ней телевизором собралась толпа прохожих.

Нам тоже стало интересно, подошли – а на экране повтор моего интервью! Кто-то из собравшихся, увидев меня, громко воскликнул: «Yeue! Yeue!» («Он! Он!»). И я оказался в центре внимания всех остальных. Кое-кто очень эмоционально выражал свое одобрение: то ли услышанному в интервью, то ли увиденному ими его «автора».

Кстати, телевидение – и сразу цветное – появилось на островах ещё в 1973 г., и в этом Занзибар опередил все страны Восточной Африки. Однако ввиду дороговизны телевизоров и в целом низкой покупательной способности населения владельцами этой «чудо-техники» были тогда лишь не многие занзибарцы. Потому телевизоры и выставлялись в общедоступных местах как в самом Занзибаре, так и других населённых пунктах. Тем не менее, хотел бы отметить, что в континентальной части Танзании телетрансляции начались лишь спустя 20 лет – в 1993 году.

В Уганде, где в 1985–1990 гг. я работал заведующим Бюро АПН, директор суахилийского канала на радио Кампалы **Чарльз Бьеквасо** регулярно приглашал меня на передачи «*Mazungumzo ya porojo*» («Понемногу обо всём»), «*Darubini*» («Телескоп») и «*Michezo*» («Спорт»). А бурундиец **Бабу Бачу**, директор суахилийской редакции на ТВ в Бужумбуре, организовал с моим участием телевизионное ток-шоу.

Да и в Эфиопии, когда в 2001–2002 гг. я работал советником Посольства России, запомнился такой эпизод. На одном из приёмов дипкорпуса в Аддис-Абебе я отыскал среди гостей представителя Посольства Кении, стал беседовать с ним на суахили, поинтересовался, нет ли среди присутствующих кого-либо из Посольства Танзании. И тут кто-то сзади похлопал меня по плечу. Обернувшись, слышу (тоже на суахили): «Ты что, «*mzungu*»? А я думал, ты – танзаниец!» Это был танзанийский дипломат)

– А как проводили свободное время?

– Непосредственная работа переводчиком занимала много времени. И тем не менее...

...Заместитель главного редактора Главной редакции Африки АПН **Сурен Григорьевич Широян**, под началом которого я начинал стажировку в агентстве в марте 1965 г., узнав о моей предстоящей поездке на Занзибар и в качестве кого, попросил, по возможности, информировать о перспективах работы АПН в островной части Танзании. При этом **Широян** не скрывал недоумения: почему **В.П. Прокопьев**, первый заведующий Бюро АПН в Дар-эс-Саламе, работая уже почти год в Танзании, ни разу после посещения Занзибара, несмотря на запросы из Москвы, так и не удосужился отчитаться о своих поездках.

Чуть ли не сразу по прилёту на Занзибар я поинтересовался в Генконсульстве о **Прокопьеве**. Оказалось, что мы с ним разминулись – утром 19 июня, т.е. на следующий день после моего приезда, он вернулся в Дар-эс-Салам. Об этом сообщил мне вице-консул **Борис Николаевич Чиркин** (мой отец, **Иван Александрович**, сказал о нём, узнав о моей командировке на Занзибар. **Чиркин** был его товарищем по работе).

У меня на руках было письмо **С.Г. Широяна** для консула **Карлова** с просьбой оказать содействие в моей журналистской работе. Но консул был в отпуске, и письмо я показал **Чиркину**. Мне повезло – он курировал пропагандистскую работу Генконсульства, отвечал за распространение литературы, поступавшей из Москвы, но главным образом – из Бюро АПН в Дар-эс-Саламе. И во многом помог: ввёл в курс дел, познакомил, как тогда было принято говорить, с «информационно-пропагандистской обстановкой» на Занзибаре.

Я часто бывал у него в гостях – по вечерам в будни, а в выходные он иногда приглашал на обед. Его супруга (к сожалению, её имя забыл) к моему приходу всегда готовила вкусно и «по-московски», видимо, зная, что с такой едой наши занзибарские повара вряд ли справляются. **Борис Николаевич** жил на

небольшой вилле недалеко от города (а на Занзибаре вообще всё – недалеко). За мной он заезжал на миниатюрном двухдверном английском «*Austin Mini*» – машине гораздо меньшей, чем её современная модель, «*Cooper Mini*», и меньше, чем нынешняя корейская «*Daewoo Matiz*». Но по своим габаритам – это самый подходящий автомобиль на островах).

Памятуя о задании **Широяна**, в первые два месяца я выкраивал время, как правило, по вечерам (после 17.00, хотя многие учреждения к тому времени уже были закрыты или закрывались – такова занзибарская специфика) и в выходные дни, чтобы знакомиться с прессой – тогда ещё частной, издаваемой индо-пакистанской общиной, с редакторами газет. Посещал книжные магазины – их было всего несколько. С помощью **Чиркина** познакомился с **Ахмедом Яхья**, заместителем руководителя Департамента информации и радиовещания. Я взял на заметку его сообщение о том, что на недавно построенной новой радиостанции установлено оборудование, позволявшее вещать из Занзибара на всю Восточную Африку, в том числе на Мозамбик, Замбию и Конго.

В общем, делал, что мог. В зависимости от встреч с теми или иными занзибарцами, причастными так или иначе к сфере информации, я представлялся как корреспондент АПН, внештатный сотрудник АПН или переводчик при Генконсульстве. Своё руководство – **Григорьева** и **Линёва** – не уведомил о письме из АПН, не говорил и о «походах» по газетам, в библиотеки или книжные магазины. Наверняка они догадывались, но явных препятствий не создавали. Хотя не раз бывало и так – **Линёв** говорил мне: «Все личные дела – после работы»...

Я продолжал работать «по линии АПН», пока в сентябре **Виктор Михайлович** не надоумил: «**Олег**, кончайте ходить по этим частным газетам. Вы всё-таки военный переводчик. Могут подумать, что вы там что-то рассказываете и о нас».

На этом моя «журналистская деятельность» завершилась. Тем не менее, довольно объёмистое письмо на имя **С.Г. Ши-**

рояна, а по сути – отчёт (на 12 страницах машинописного текста через один интервал, на тонкой, почти «папиросной» бумаге, дабы облегчить вес дипкурьерам, и нестандартного формата – на листе умещалось 45–47 строк) я направил в сентябре в Москву. Его «синюю» копию сохранил (копирка почему-то оказалась синей). Некоторые фрагменты, признаюсь, изложены в этом тексте в ответах на те или иные вопросы: память не беспредельна, а то, что написал тогда в АПН, было правдой, и только правдой).

Как мне сообщили позднее, отчёт был признан довольно толковым. Его обсуждали даже на Правлении АПН, ставя в пример – «парень без года неделя в стране, и такой аналитический обзор!» Примерно так сказал мне **Широян**, когда я вернулся домой.

Этот отрезок моей работы на ниве журналистики поспособствовал тому, что спустя 7 лет после возвращения из Занзибара, закончив обучение в ИВЯ, а позднее и аспирантуру в Институте Африки, я продолжил свою карьеру именно в АПН. И снова, спустя ещё 5 лет, неоднократно посещал Занзибар, работая в Танзании заведующим Бюро АПН.

– А чем ещё запомнилось свободное от работы «время-препровождение»?

– Об этом можно многое рассказать. Ну, например.

В будни после работы по вечерам собирались в столовой-гостиной нашего дома. Вместе ужинали (повара обслуживали нас только в обед и готовили еду для завтрака и ужина), о чём-то разговаривали, что-то обсуждали. Иногда наши старшие товарищи-холостяки перекидывались в картишки – «перекидно-го», «кинга», но чаще в простой преферанс, которому и мы с **Володей** быстро научились. Никакого алкоголя, даже пива – пили кока-колу или фанту, кто-то чай или, как я, кофе. Швейцарский быстрорастворимый «*Nescafe*» впервые попробовал имен-

но тогда. 50-ти или 100-граммовые банки кофе продавались повсюду в продуктовых лавочках. Там, на Занзибаре, я к нему так пристрастился, что кофе стал моим любимым напитком. В домино не играли, да его и не было.

Навещавший нас майор **Линёв** играл исключительно в офицерский классический преферанс – «с бомбами», «в тёмную», «на последней руке». До Занзибара о «классическом преферансе» я слышал или читал, но что такое «бомба» или «тёмная» и как играть, не имел понятия. **Линёв** оказался азартным игроком, не любил проигрывать, а если это и случалось с ним, тогда наши вечеринки затягивались.

Не часто, но играли и «на интерес» – проигравший угощал пивом, но не сразу, а в выходные. Мы отправлялись в «*Africa House*» (до революции – английский клуб) – неподалёку, через пару переулков от нашего дома. Перед входом – две миниатюрные латунные пушки на деревянных лафетах. Парадная массивная двустворчатая дверь, украшенная медными «шипами» и узорами в арабском стиле, выполненными искусными резчиками по дереву («Занзибарские двери» – воистину произведения искусства изделий из дерева! Не поленись, читатель, загляни в Интернет). После ухода англичан богатое внутреннее убранство «*Africa House*» («колониальное», как можно было догадаться) сохранилось в неприкосновенности. В фойе – чучело леопарда, кое-где на стенах пробковые шлемы – типичный головной убор британских путешественников (и колонизаторов тоже), и охотничьи трофеи: головы буффало, антилоп Томпсона и гну, бородавочника, водяного козла; поручни и лестницы – из чёрного дерева «эбони»; кожаные кресла, некоторые покрыты светлыми чехлами; неяркие светильники, прикреплённые к потолку медными кручеными цепочками. Внутри – на нижнем этаже – прохладный полумрак...

В этой «Африке», как, краткости ради, называли клуб наши офицеры, на первом этаже располагались гостиничные номера, а на втором этаже с просторной открытой верандой – ресторан

и бар. Обилие разнообразных напитков поражало – джин и виски разных марок, какие-то ликеры, вина... В жаре, которая на Занзибаре не отпускала ни вечером, ни по ночам, «крепкое» не принимали даже офицеры, ну а мы с **Володей**, молодые парни, и подавно.

Правда, однажды я впервые попробовал джин. Мои более старшие товарищи подсказали – со льдом, тоником и ломтиком лайма (лимоны на Занзибаре не росли). Через какое-то время почувствовал: голова светлая, а ноги – ватные! Пиво предпочитали голландское «*Amstel*» – в бутылках, пол-литровых или 0,7 литра, не помню, и стоило оно недорого (для нас, по крайней мере) – 2 или 3 шиллинга. Пробовали и местное пиво «*rombe*». По вкусу это хмельная брага, мутная, желтоватая, то ли из бананов, то ли из какого другого фрукта (позднее, обратившись к словарю, выяснил – из бананов и сорго).

Здесь же, на втором этаже, и бильярдный стол для «снукера», почти новенький, сукно в прекрасном состоянии. Не бесплатный: опустишь в настенный счётчик монетку в 50 центов, и примерно на полчаса включаются потолочные вентиляторы (работали бесшумно) и три лампы над игровым полем. Наши военспецы предпочитали привычные «американку» или «русскую пирамиду». Мне же «снукер», о котором я раньше и не слышал, показался не менее интересным. Научили играть в него посетители «Африки» – занзибарцы (из «зажиточных») и иностранцы; китайцев среди них не было.

Однажды мне удалось выиграть партию у завсегдатая «Африки Хаус», которому до этого всегда проигрывал, и не только я и наши офицеры, но и многие другие посетители. Он – занзибарец, индеец или пакистанец, в общем, «лицо азиатского происхождения» (имя не помню). Уже немолодой, неряшливо причёсанный, в потёртой одежде, и всегда какой-то «взвинченный», нервный, без умолку болтавший, может быть, жевал какую-то «травку», глаза с желтизной...

Местные называли его «королем снукера на Занзибаре».

Свидетельствую: проигрывал он крайне редко, и никогда – когда был трезв! И проиграл он мне в состоянии некоторого подпития, что было очевидно. Требовал реванша – я наотрез отказался: хотел оставить как сувенир на память этот выигрыш у «короля». О чем прямо и сказал ему (**Володя** был свидетелем моей «победы»). После этого он долго со мной не разговаривал...

...Событием для нас стал заход теплохода «Грузия». С советскими туристами! Было это весной 1966 г. В выходной с **Володей** пошли к порту, на рейде которого стояла «Грузия» – белоснежная, красивая, и даже изящная. Возвращались через живописный сквер «Фородани», рядом с таможенной (суах. – *forodha*), которая и дала ему такое название (сейчас он именуется – «Сад Республики»). Решив передохнуть, присели на скамейку в тени раскидистого манго. Невдалеке заметили – в нашу сторону идёт белый, средних лет человек. Приблизился, видим – наш, советский, то ли казах, то ли узбек. Турист. Узнав, что мы русские и работаем здесь, сказал, что он из Ташкента, попросил помочь пройти туда-то и туда-то.

Беседуя по пути, я обмолвился, что скоро домой, женюсь, моя невеста – дочь учёного-спиртовика, преподавателя одного из институтов в Москве. Наш узбек, услышав это, вдруг остановился и спросил, не тот ли это...? И произнес – **Малченко**. Он назвал фамилию отца моей будущей жены! Сказал, что был его студентом, а потом под его руководством защитил диссертацию... Короче, он сразу забыл о своей просьбе и пригласил нас на теплоход отметить это неожиданное знакомство.

Привёл нас в ресторан, спросил: «Чем угостить?» Мы выбрали армянский коньяк, и на его вопрос «Сколько?» – сказали: «Ну, грамм 200», имея в виду – на двоих. Наш новый знакомый не поспешил – перед нами появились два полных бокала по 200 грамм! Конечно, мы их «не одолели»... Любопытно: расплачивался он не рублями, как мы ожидали, а так называемыми бонами. При выезде за границу, рассказал этот турист, рубли

обменивались на «боны», «имеющие хождение» только на борту теплохода. В те годы советским не разрешалось вывозить с собой рубли за рубеж.

Можете себе представить: встретить человека из далёкого Ташкента, который знает моего будущего тестя. И где – на Занзибаре! Этой «пуговице на Земном шаре»!

(Фраза принадлежит не мне – первому корреспонденту ТАСС на Занзибаре **Юре Устименко**. Он был командирован на остров в середине 1964 г. Для него это была вторая зарубежная командировка. До нее он, выпускник МГИМО, в течение трёх лет – в 1960–1963 гг. – работал военным переводчиком с английским языком с советскими военными советниками в Египте. На этой «основе» мы быстро подружились: **Юра** – бывший военный переводчик и журналист, я – военный переводчик и почти журналист. Помогал ему переводами с суахили заметок из местных газет, а он мне – в общении с занзибарским журналистским сообществом.

Как-то вскоре после знакомства **Юра** вдруг спросил (помню до сих пор): «**Олег**, знаешь, куда ты приехал? Это же пуговица на Земном шаре! Посмотри на глобус – и с лупой не найдёшь!»

Уже позднее я узнал, что в 1980-х он работал корреспондентом ТАСС в Сан-Франциско).

В Москве я рассказал **Андрею Леонидовичу Малченко** (моя жена сохранила фамилию отца) об этой встрече, и он подтвердил, что такой студент и аспирант у него и в самом деле был.

Была и другая приятная встреча. Весной того же года Занзибар посетили **Нина Григорьевна Фёдорова** – преподаватель суахили в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы (с 1992 г. – РУДН), а до этого работала в МГИМО; молодой ученый-африканист из Ленинграда **Андрей Жуков** (ныне покойный). И... наша сокурсница **Ира Федосеева**! (Сейчас она – заведующая аспирантурой Института языкознания РАН, канди-

дат филологических наук). Они прибыли на острова из Дар-эс-Салама, где находились на краткой стажировке в Университете. По такому случаю **Григорьев** предоставил нам с **Володей** пару «выходных», чтобы познакомить гостей с достопримечательностями, как мы тогда говорили, «революционного Занзибара».

Одна из поездок состоялась в *Mangapwani* (суах. – Арабский берег), местечко на западной стороне острова, в 25 километрах к северу от г. Занзибара. В общем-то, самый обычный песчаный пляж, каких множество на побережье островов. Но здесь, в скалистом берегу, сохранилась небольшая пещера, в которой содержались перед отправкой в другие страны рабы, доставляемые сюда с континента.

Из истории известно, что в течение веков Занзибар был крупным центром и перевалочным пунктом работорговли на восточном побережье Африки. Первыми торговцами рабами были португальцы, а затем, в основном, арабы, перебравшиеся сюда с Аравийского полуострова, из султаната Оман. Отсюда и происходит название «*manga*» (суах., *ист.* Аравия, а также – «арабы») и «*rwani*» – «берег».

Мы зашли в пещеру. В полумраке увидели вбитый вдоль стены толстый металлический прут, а на нём – что осталось от цепей с разбитыми кандалами. Тогда это место никем не охранялось, у новой власти не было планов создания там какого-либо музейного объекта.

По пути в *Mangapwani* проезжали деревню, тоже на побережье, с занимательным названием *Bububu*. Что оно означает? Трудно сказать, тогда не спрашивали. Лишь позднее, когда я вплотную начал изучать историю Занзибара, и узнав некоторые её «страницы», пришёл к некоей версии, которой и хочу поделиться.

Сюда, к этому местечку, по соседству с которым находилась одна из загородных султанских резиденций, в 1905 г. из столицы было проложено одноколейное железнодорожное полотно, протяжённостью всего-то километров 15. По нему «кур-

сировал» паровоз с тремя вагонами. В городе была даже создана «Занзибарская железнодорожная компания» с головным офисом на Бивер-стрит в Нью-Йорке. И это на Занзибаре, острове, простирающемся всего на 90–95 километров с севера на юг и шириной в самом «широком» месте – всего 35–40 километров! Но такова была, наверное, прихоть султана.

(В современных танзанийский туристических справочниках, а также, например, в приобретённом мною настенном календаре «*2004. Moments in Zanzibar History*», есть фотоснимки тех лет, на одном из которых поезд проходит по железнодорожному мосту, очень короткому – едва ли больше 10 метров. На другом архивном снимке: паровоз с тремя вагонами стоит на полустанке, рядом с вагонами – несколько пассажиров с провожающими или встречающими их, а на заднем плане, совсем близко от состава, – пальмы на побережье океана)

К этому хотел бы добавить, что в 1880-х гг. султанский дворец уже освещался электричеством, а в июле 1906 г. электрические фонари появились и на узких улочках – город Занзибар стал первым в Восточной Африке, получившим уличное освещение. Как видно, Занзибарский султанат вполне шёл в ногу со временем.

Полагаю, что звуки «пыхтящего» паровоза и подсказали сообразительным занзибарцам название конечной точки этого уникального маршрута – Бубубу (как тут не вспомнить «происхождение» упоминавшегося выше слова «*taptapu*»!)... Следов этой трассы мы так и не обнаружили – видимо, тропическая флора поглотила её со временем.

Провели экскурсию и по «Каменному городу». Показали Арабский форт, построенный арабами в начале XVIII века на месте, где находилась португальская церковь (первые португальцы, ведомые **Васко да Гама**, появились на островах в 1499 г.; к концу XVII века были выдворены арабами). После революции он получил новое название – «*Ngome Kongwe*» (суах. – «Старая крепость») и стал местом проведения государственных торжеств, а также приемов дипломатических миссий.

И, конечно же, «*Beit el Ajaib*» (араб. – «Дом чудес») – самое красивое архитектурное сооружение на Занзибаре, воздвигнутое в 1883 г. по воле султана **Сейида Баргаша**. И высотное – трёхэтажное с изящными колоннами, уходящими ввысь, по центру – довольно высокая башня с часами, миниатюрная копия «Биг Бена» в Лондоне. При мне часы работали.

Дом окружён лёгкой оградой из кованого железа, окрашенной в чёрный цвет. Парадная деревянная дверь выгравирована изречениями из Корана, ступени у входа из белого с серыми прожилками мрамора, лестничные поручни инкрустированы серебром. Как и султанский дворец, имел электрическое освещение, и в нём уже тогда был лифт (!).

В этом просторном «Доме чудес» занзибарские султаны принимали иностранных гостей; после революции здесь разместились офисы правительственных учреждений.

А в заключение прогулки показали гостям из Москвы единственный (!) в городе светофор – на перекрёстке узких улочек. Одна из них – «*Kaunda Road*», названная в честь первого президента независимой Замбии **Кеннета Каунды**, – вела, расширяясь, к Генконсульству СССР, резиденции президента Занзибара, госпиталю им. В.И. Ленина и далее к площади «*Mnazi Mtoja*».

Позволю себе чуть подробнее рассказать об этой улице. По обеим её сторонам, ближе к площади, росли (растут и сейчас) могучие, иначе и не скажешь, деревья манго с широченными кронами, сквозь которые не проникали лучи солнца, и «Каунда Роуд» превращалась в тенистую и относительно прохладную аллею. Именно на этой улице, по сути – центральной в городе, 12 января 1966 г. проводился военный парад по случаю 2-й годовщины занзибарской революции.

На невысокой и небольшой трибуне с танзанийской атрибутикой, сооружённой на её обочине и поблизости от «*Mnazi Mtoja*», парад принимали одетый в «советскую» генеральскую форму президент Занзибара **Абейд Аmani Каруме**, но без фуражки, и его гость – президент Танзании **Джулиус Ньерере**.

Мы с **Володей**, а также вся группа советских военных специалистов во главе с **В.М. Григорьевым**, как и группа китайских вместе с их начальником, находились среди почётных гостей – в первых рядах по обеим сторонам от трибуны и неподалеку от неё.

Обстановка была очень торжественной. Перед началом парада прозвучал гимн Объединённой Республики Танзания в исполнении полицейского оркестра (военного оркестра на Занзибаре не было), располагавшегося напротив трибуны. А затем – гимн Занзибара (этот гимн постоянно звучал перед началом и в конце каждого (!) сеанса в кинотеатрах на фоне официального портрета президента Занзибара **А.А.Каруме**, в профиль, на киноэкране; зрители слушали его стоя и расходились лишь по его окончании). Я обратил внимание – **Каруме** по-военному отдавал честь; **Ньерере**, одетый в строгий коричневатый «*safari suit*», стоял спокойно.

Сам парад продолжался недолго, не более получаса. Под звуки оркестрового марша его открывала президентская гвардия (кто занимался её подготовкой, я не знал, да и не интересовался): впереди небольшой колонны человек по 10 в ряд (больше не позволяла ширина «Каунда Роуд») вышагивал офицер с саблей в руке. Вслед за ней – несколько армейских подразделений, среди которых я узнал и «своих», из лагеря Чуквани, во главе со своими командирами – капитанами и майорами. Они были в фуражках, а солдаты – в касках. И все – в зелёной, пятнистой форме. В руках – наши **АКМ**.

Маршировали колонны советским военным парадным шагом, чувствовалась «наша» выучка (**Линёв**, командуя и на своём примере показывая своим солдатами на репетициях, приложил к этому немало усилий). Солдаты неплохо держали строй, маршировали в такт, чеканя шаг по асфальту. Иногда ошибались, но было видно, что очень старались. А на лицах – сосредоточенность, понимание важности происходящего, и я бы добавил – гордость за оказанную им честь участвовать в параде.

Увидев «своих», я испытывал некоторое волнение. Взглянул на **Линёва** (я был рядом с ним) – он явно нервничал, а стоявший чуть поодаль наш начальник **Григорьев** был спокоен, изредка переговаривался с кем-то из высших военных чинов.

Замыкал пешие колонны немногочисленный отряд моряков. Их форма вызвала неподдельный восторг у зрителей, и до этого не умолкавших ни на минуту: ослепительно белые брюки и кители с блестящими пуговицами, чёрные ботинки, чёрный ремень и чёрная кокарда, окаймляющая белую с чёрным козырьком фуражку. «Улюлюканье» голосистых занзибарских женщин (их голосовым связкам можно только позавидовать) заглушало даже звуки оркестра!

Парад завершился демонстрацией военной техники. Её было немного. Сначала проследовали три **БМП**, затем несколько грузовиков (как помнится, наши **ГАЗы**) с солдатами в кузове, сидевшими вдоль бортов, за ними – те же грузовики с прицепленными к ним пушками (калибра не помню)⁸, 37-миллиметровыми зенитками, миномётами, и командами, их обслуживающими. Любопытно, что крылья и обода колёс, как и в Советской Армии, были выкрашены в белый цвет.

При мне был фотоаппарат «Зенит», я сумел сделать с десятков снимков, но об их «судьбе» я уже рассказывал.

...Возвращаюсь к светофору. Он часто ломался, и тогда в этой роли выступал полицейский. Регулировщиком движения назвать его было трудно – в этом районе города машины проезжали очень редко: два-три автомобиля, не больше, за 5–10 минут. Нашим гостям повезло – в тот день светофор работал. Поэтому мы его им и показали.

...По выходным, а иногда и вечером в будни, ходили в кинотеатры. В городе их было всего три, два из них помню – «Эмпайер» и «Одеон». Небольшие кинозалы, человек на 150–200 каждый – это всего 10–15 рядов. За ними – отдельные ложи на 3–4 человека. Туда билеты подороже, но именно эти места мы

⁸ **ЗИС-3** калибра 76,2 мм (прим. ред.-сост.).

и занимали – так распорядился **Григорьев**, пояснив, что «не обеднеем, да и почище там» (Что оказалось сушей правдой. Ещё не зная об этом «указании» **Григорьева**, я однажды купил обычный билет. По ходу сеанса почувствовал некие «покусывания», которые не прекращались, пока не вышел из кинозала. А по возвращении домой принял душ. Думаю, читатель уже догадался, о ком идет речь...)

Яркие киноафиши («импортного» производства) завлекли зрителей. Фильмы были разные, второсортные, а то и третьесортные. «Шедевров» не показывали – в основном, голливудские боевики и комедии, сериалы (как правило, с негритянскими актёрами в главных ролях) и вестерны, фильмы на библейские темы, индийские мелодрамы с титрами на английском языке, множество картин про «кунг-фу» (я, к примеру, посмотрел все фильмы с участием **Брюса Ли**) и про боевые искусства монахов Шаолиня, первые ленты про агента 007 с **Шоном О'Коннори**. Кинорепертуар обновлялся раз в 3–4 дня.

Демонстрировалась и «Великолепная семёрка». В Москве было столько восторгов по поводу выхода её на советские экраны! Посмотрел фильм (наверное, в 1967 г.), он показался мне знакомым – уже видел, но где? Потом вспомнил: на Занзибаре. Но там, в череде многих других вестернов, эта лента не произвела на меня никакого впечатления – обычная, средняя картина, видел и получше.

Познакомившись в досталь с этой кинопродукцией, мы с **Володей** всё реже стали ходить в кинотеатры, и уже не обращали внимания на «зазывную» афишную рекламу.

И всё же ещё несколько слов.

Регулярно на экранах появлялись китайские киножурналы (на суахили и английском) и художественные фильмы (с титрами на английском). Мне было интересно: много ли зрителей ходят на эти фильмы? Сходил в кино несколько раз (**Володя** отказывался составить мне компанию), и оказалось – немного.

Фильмы были про войну с Гоминданом, партизанскую войну, войну в Корее... Запомнилось: если действие картины как-то связано с американцами, то в титрах они – непременно «сви-ньи», «негодяи», «убийцы», «сволочи» и т.п. На что занзибар-цы реагировали никак – в зале была тишина... Между тем, основная кинопродукция, которую предлагали местным зрителям, – американская, и народу в кинотеатрах – битком.

В здании кинотеатра «Эмпайер», по словам **Юры Усти-менко**, на верхнем третьем этаже жила русская графиня (!), не-весть когда попавшая на Занзибар. Встретиться с ней не дове-лось...

...Побывал я и в бывшем султанском дворце, расположен-ном недалеко от сквера «Фородани». В январские события 1964 г. он не пострадал. Отсюда на своей яхте «*Salama*» (суах. – «Мир, благополучие»), стоявшей на якоре в занзибарском пор-ту, почти напротив дворца, султан бежал из страны. При нас это небольшое судно использовалось для перевозок пассажиров в Дар-эс-Салам и обратно (расстояние – около 60 морских миль. На нём же, но под новым названием – «*Mapinduzi*» («Револю-ция»), я переправлялся из Дара на Занзибар и в конце 1970-х годов).

Это, собственно, не дворец, а большой двухэтажный особ-няк в арабском стиле, с широкой террасой вдоль фасада, укры-ваемый кокосовыми и «бутылочными» пальмами за высоким ажурным белокаменным забором. Он был на ремонте – здесь хотели создать музей. Детали интерьера не помню, как и экс-понаты. К тому же, многие помещения были закрыты для ос-мотра. Но в одном из залов поразил огромный, литров на 15–20 серебристый самовар!

Он стоял в нише в стене, и перед ним – табличка на суахи-ли: «*Samovari*»! Надо же, подумал я, этот язык вобрал в себя русское слово, добавив в окончании лишь одну букву «*i*», и зву-чит оно мягко, как все суахилийские слова, и музыкально, как и в целом суахилийская речь.

(По крайней мере, на Занзибаре. В континентальной части Танзании, в меньшей степени, а в Кении – в большей, суахильское произношение гораздо жёстче и не столь мелодичное. Видимо, недаром англичане когда-то назвали «королевским стандартом» – «*King standard*» – именно занзибарский суахили)

Спросить о происхождении нашего русского самовара и как он попал к султану – было не у кого: музейных работников только предстояло найти. Сопровождавший меня занзибарец, молодой офицер, этого тоже не знал. Оставалось только гадать да предполагать: неужели это подарок той самой русской графини?..

...В один из выходных пошёл в гости к **Володе Корнееву**, хорошо мне знакомому ещё по Москве. Он, выпускник МГИМО, где тоже изучал суахили, проходил практику в Генконсульстве, там же и жил.

(После Занзибара наши пути пересеклись много позднее в Танзании – проездом через Дар-эс-Салам, с ночёвкой в моём Бюро АПН, он направлялся в Уганду на должность советника Посольства СССР. А ещё позднее работал Послом СССР в Сомали в годы правления **Сиада Барре**, вплоть до падения его режима в 1991 г., а затем Послом России в Мозамбике. К сожалению, скончался два года назад).

Путь от нашего «Дома холостяков» был близкий, минут пять ходьбы. Дойдя до последнего переулочка, вдруг слышу – на углу, напротив Генконсульства, из окна небольшого одноэтажного дома – продуктового магазина, куда часто заходил за мелкими покупками, раздаются звуки музыки. Кто-то играл на фортепиано! От удивления я остановился, послушал несколько минут.

Зашёл в магазин, игра прекратилась, выходит знакомая мне хозяйка – индуска средних лет, в сари. Спрашиваю – «Кто играл?» – «Я» – ответила она, слегка смутившись. Рассказав ей вкратце, что я тоже пианист со стажем, играю с детских лет, попросил показать инструмент. В свою очередь удивившись, хозяйка провела меня в комнату. Там не рояль и не пианино, а

старенький, выдавший виды клавикорд! Похожий на пианино, но миниатюрнее – пониже и поуже любого из знакомых мне. И клавиатура показалась поменьше – на пол-октавы в басовом и скрипичном ключе. Но нет, я посчитал: 88 клавиш, как и полагается. На таком инструменте я никогда не играл.

С позволения хозяйки «попробовал» его: клавикорд хорошо держал строй, будто был настроен недавно. Я спросил, можно ли, не обременяя её, иногда заходить поиграть. Она любезно согласилась. И какую-то часть свободного от работы времени я занимался музыкой в её доме, дабы не утратить пианистические навыки.

(Уезжая из Москвы на Занзибар, я сожалел, пожалуй, только об одном – в течение года придётся забыть о фортепиано: трудно было себе представить, что там – на островах – можно будет найти рояль или пианино. И действительно, в Генконсульстве инструмента не было, не было его – я спрашивал – и в знакомых мне в городе публичных местах.

...В 1959 г., заканчивая в школе 9-й класс, я окончил и музыкальную среднюю школу (семилетку) им. Гнесиных – очень престижную, считавшуюся тогда второй в Москве после Центральной музыкальной школы-десятилетки (ЦМШ) при Московской консерватории. Моим педагогом (*и моей младшей сестры **Наталии** тоже. Она стала впоследствии профессиональным музыкантом; кандидат искусствоведения, много лет была деканом факультета музыкального театра в ГИТИСе, затем – зав. труппой Камерного музыкального театра им. Б.А. Покровского, заслуженный деятель культуры РФ*) была **Софья Ивановна Апфельбаум**, подруга **Елены Фабиановны Гнесиной** – в то время директор Музыкального училища им. Гнесиных.

Именно в это училище я сдавал вступительные экзамены на фортепианное отделение. **Софья Ивановна** была уверена, что поступлю. Но зная, как я волнуюсь и нервничаю, когда играю на публике, посоветовала выпить несколько капель вале-

рьянки. Что меня и сгубило. Эти капли «успокоили» меня настолько, что экзамен по фортепиано я провалил – «музыку» не играл, исполнял «технику».

Правда, через два дня, сыграв то же, что и накануне (без ва-лерьянки) перед той же самой приемной экзаменационной комиссией во главе с профессором **Львовым** и получив «отлично» (как и по двум другим экзаменам «пение» и «дирижирование»), был принят на дирижёрско-хоровое отделение. Посчитал, что мне это не подходит, и сосредоточился на учебе в 10-м классе и на подготовке к вступительным экзаменам в институт (собирался поступать в МГИМО).

Свое музыкальное образование я продолжил, к счастью, поступив в ИВЯ в 1960 г., в Фортепианном классе Дома культуры гуманитарных факультетов (ДКГФ) МГУ на Моховой, где располагался и Студенческий театр МГУ, художественным руководителем которого был **Марк Розовский** (сейчас там – церковь Св. Татьяны, как и было до Октября 1917 года).

С осени 1936 г. этим классом руководила **Ундина Михайловна Дубова-Сергеева** (её муж – **Лев Александрович Сергеев**, геофизик-нефтяник) – одна из лучших и любимых учениц выдающегося советского пианиста и педагога **Генриха Густавовича Нейгауза**, воспитавшего **Эмиля Гилельса** и **Святослава Рихтера**, **Алексея Наседкина**, многих других известных советских пианистов. Весной же того года 24-летняя **Ундина**, которая рассматривалась одним из вероятных кандидатов на участие в 3-м конкурсе им. Фредерика Шопена в Варшаве 1937 г., сломала руку, катаясь на лыжах в Карпатах. Так не сложилась её судьба как профессиональной пианистки.

(В 1962 г. за успехи У.М.Дубовой-Сергеевой в работе с Фортепианном классом МГУ и в связи с 50-летним юбилеем ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР)

Прослушав меня – а я исполнил программу, с которой заканчивал музыкальную школу и поступал в училище им. Гне-

синых: часть первую 1-го концерта для фортепиано **Бетховена** и «Грёзы любви» **Листа**, – **Ундина Михайловна** приняла в свой класс. С ней в этом классе я занимался вплоть до 1970 г. с перерывом на один год, когда находился на Занзибаре. И за это время вышел на уровень, как минимум, выпускника музыкального училища. Исполнял (и играю до сих пор) произведения **Шопена, Рахманинова, Скрябина, Балакирева, Николая Пейко, Шимановского, Мак-Доуэлла**... Участвовал в концертах Фортепианного класса в Малом зале консерватории, в Кремлевском театре, в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) и на других площадках, становился лауреатом Всесоюзных смотров художественной самодеятельности. Мне, как и другим ученикам Фортепианного класса МГУ, не забыть её фразы: «Самодеятельностью я не занимаюсь!» – это было её кредо: пианистов своего класса **Ундина Михайловна** готовила на высоком профессиональном уровне. Много полезного для себя почерпнула и моя сестра **Наталия Ивановна**, работавшая у нее ассистентом-педагогом в конце 1960-х годов.

С моей стороны было бы большим преувеличением утверждать, что **Ундина Михайловна** как-то выделяла меня среди других в Фортепианном классе. Но её внимание я всегда ощущал. Она, как опытный педагог и профессиональный музыкант, зная мои способности и возможности как исполнитель, удивительным образом подбирала такие произведения, которые, в конечном счёте, у меня получались совсем неплохо.

Так, я был очень воодушевлён, когда незадолго до командировки на Занзибар она организовала запись одной из пьес в моем репертуаре – «Среди долины ровныя...» **Михаила Глинки** – в Доме звукозаписи на ул. Воровского (сейчас Б.Никитская), где она хранится, как мне рассказывали, и до сих пор. Эта запись прозвучала и по московскому радио в передаче, посвященной Фортепианному классу МГУ.

Мой педагог заметно сокрушалась, что я уезжаю на Занзибар. А вернувшись оттуда и продолжив занятия с ней, она вклю-

чила меня в состав участников концерта по случаю 30-летнего юбилея Фортепианного класса МГУ. Он состоялся в начале 1967 г. в Октябрьском зале Дома Союзов. Вместительный зал был полон гостей. Я открывал второе отделение, играл «Концертштюк» **К.-М. Вебера** (для фортепиано с оркестром, переложение для двух фортепиано). Искромётное произведение, технически сложный музыкальный шедевр, крайне редко исполнявшийся у нас тогда, да и сейчас. Аккомпанировала мне **Ундина Михайловна**.

Очень требовательная, она редко раздавала похвалы своим ученикам, и я не был исключением. Но на этот раз, собрав после концерта всех его участников, **Ундина Михайловна** сказала: «Вы, наверное, заметили, что в зале присутствовал **Арам Ильич Хачатурян**. Мы давно знакомы, и я пригласила его на наш юбилей. Так вот, когда я спросила, кто ему больше всех из моих учеников понравился, он ответил – **Олег Тетерин...**», и с улыбкой посмотрела на меня. Такая оценка дорогого стоит...

В конце каждого учебного года гуманитарные факультеты МГУ (исторический, журналистики, филологический, ИВЯ, а также экономический – все они тогда занимали учебные корпуса в старом здании МГУ на Моховой) устраивали соревнования – своего рода предтеча «Клуба веселых и находчивых». На этих «капустниках» в ДКГФ я, будучи членом «команды ИВЯ», получал высшие баллы – «9 с плюсом» и «10» – за исполнение «классики» на концертном рояле «Эстония» (на котором играл и великий **Рихтер**, регулярно выступая с сольным концертами перед студентами МГУ по приглашению **У.М.Дубовой-Сергеевой** – его давнишней знакомой по занятиям в Московской консерватории в классе **Г.Г.Нейгауза**). Таким образом я пополнял «копилку» команды ИВЯ. При мне в этих соревнованиях, наверняка и до меня, ИВЯ неизменно занимал 1-е – 2-е места. Во многом это и заслуга **Миши Мейера** – студента-турколога, настоящего «заводилы» и хударука талантливой студенческой команды ИВЯ (сейчас **Михаил Серафимович** – про-

фессор, директор ИСАА МГУ).

...Работая в Уганде, я с сожалением узнал, что моя учительница музыки **У.М.Дубова-Сергеева** скончалась в 1986 году.)

...Оставалось время и для чисто творческой работы. **Володе**, например, удалось, благодаря контактам с военным руководством, добраться до архивов занзибарского султана, часть которых сохранилась после революции – англичане не успели всё вывезти. Мы даже пытались переснять кое-какие документы, но с моей «аппаратурой» – обычным фотоаппаратом «Зенит», хотя и с набором объективов – из этой затеи ничего не вышло. Пришлось работать «по старинке» – записывать-переписывать...

Читая местные газеты (подшивки некоторых из них я привёз в Москву), изучал их, совершенствуя при этом и познания в суахили; собирал вырезки, документировал выступления занзибарских лидеров на митингах, делал «заготовки» для дипломной работы. Уже тогда подумывал о поступлении в аспирантуру ИВЯ.

Тяга к науке появилась у меня ещё в первые годы учебы в ИВЯ, когда на кафедру африканистики пришли молодые учёные **Леонид Абрамович Фридман** и **Аполлон Борисович Давидсон**. Со II курса **Фридман** читал нам лекции об экономике Африки, вёл спецкурсы; а **Давидсон** преподавал историю Африки, под его началом я написал не одну курсовую работу. Уже на III курсе вместе с сокурсником **Борей Пильниковым** мы подготовили и опубликовали с помощью **Фридмана** в академическом журнале «Народы Азии и Африки» (сейчас «Восток/Oriens») статью «Корпус мира – оружие идеологической экспансии США», а её журналистские варианты – в «Московском комсомольце», Информационном бюллетене КМО СССР, пытались опубликоваться и в популярном тогда «Огоньке», но не удалось. На IV курсе под руководством **Фридмана** я написал «полновесную» – один печатный лист – статью «Американский частный капитал в

Африке», которая была напечатана в том же журнале. Приобретённые тогда навыки очень пригодились и на Занзибаре...

– Расскажите о материальном положении советских военных специалистов на Занзибаре.

– У нас с **Володей** была зарплата – 900 шиллингов. Меньше – 700 – получал только личный шофёр **Григорьева**, про остальных не знаю.

Можно спросить: «А каков был курс занзибарского шиллинга (точнее – танзанийского, после создания союзного государства национальная валюта стала единой) по отношению, например, к английскому фунту стерлингов?» Сказать не могу. Мы этим не интересовались. Но об этом – позже.

Занзибарская валюта того времени была крепкой. Судите сами.

К примеру, плетёнка с мандаринами, порядка 2–3 килограммов, стоила 1 шиллинг; китайская авторучка, похожая на «Паркер», с золотым пером в 14 карат, – 3 шиллинга (эти ручки оказались, что называется, «самыми-самыми», нужными подарками-сувенирами для моих друзей в АПН, подарил её и **Сурену Григорьевичу Широюну**. Одна такая ручка у меня сохранилась, пользуюсь ею иногда и сейчас).

Стоимость одного ярда костюмной ткани из Гонконга (например, «тропик») не превышала 1,5–2 шиллингов. Именно такова была настоящая цена.

Приведу такой эпизод. Как-то в одном из магазинчиков в «Каменном городе» невольно подслушал разговор местного покупателя с продавцом, который, разговаривая на суахили, называл цены – «этот стоит полтора, а вот тот – 2 шиллинга за ярд⁹». Посетитель ушёл, покупка не состоялась. Подождав немного, подхожу к продавцу. У него перед этим на английском справлялся о ценах, он говорил – «3 шиллинга, 4» и т.д. за те же самые ткани. Спрашиваю

---

⁹ Один ярд — 91,4 см.

у него, теперь на суахили: «А почему мне называли цены в два-три раза больше?» От удивления он рот раскрыл...

Вообще «копейки» – 15, 30 или 50 центов, в зависимости от размера, – стоили «*madafu*»: кокосовые орехи молочной спелости, здорово утолявшие жажду в тропиках (и полезные, кстати). Ими занзибарцы – и стар, и млад – торговали чуть ли не на каждом углу в городе: кто с велосипедов с притороченным багажником, а кто и прямо на земле, выкладывая орехи кучкой-пирамидой на тростниковой подстилке.

(Это вовсе не те орехи, которые продаются во фруктовых отделах в некоторых наших магазинах – небольшие, темно-коричневые и ворсистые, и сок в них кисловатый. «*Madafu*» – это орехи с гладкой зелёной поверхностью, увесистые – в 1,5–2 килограмма, а то и больше).

В эту цену входила и «разделка» плода, чтобы добраться до сока внутри его. Процедура выглядит следующим образом. Продавец несколькими взмахами короткого тесака с широким лезвием быстро, но аккуратно срезает «кожуру» у верхушки плода, затем одним несильным, но резким и точным ударом эту верхушку надкалывает, приподнимает образовавшуюся «крышку» – и орех готов к употреблению. Внутри кокосовое «молоко» – полупрозрачный, белесый, чуть сладковатый сок, по вкусу чем-то напоминающий наш берёзовый. Но главное – прохладный! Испив эту «чашу», можно переходить к следующему этапу – продавец предлагает выстроганную им же самим деревянную палочку-лопаточку для выскабливания желеобразной белой массы, покрывающей внутренние стенки ореха. Она очень питательная, утоляет голод, а вкус – ореховый! В отличие от **Володи**, да и некоторых наших офицеров тоже, мне нравились и сок, и ореховое желе. Попытки же самостоятельно проделать всё вышеописанное заканчивались ничем – в этом деле нужны ловкость и сноровка!

(В лагере Чуквани я много раз наблюдал, как в перерывах между занятиями солдаты, руками обхватывая ствол и опираясь

на толстую сизалевую веревку, обмотанную вокруг ног, ловко – для них это было не впервой, – в несколько «прыжков» взбились на высоченные кокосовые пальмы и сбивали эти орехи *пангаму* (*panga*, как на Занзибаре называют мачете). Они, не уставая, покрикивали сверху: «*Angalia! Angalia!*» (суах. – «Смотри! Смотри!»), дабы никто не приближался к пальме. И в самом деле – собирать под пальмой орехи, когда их сбивают, опасно для жизни)

Дешёвыми были и бананы. Разные – как привычные сейчас для нас (например, из Эквадора), так и крупные, с тёмно-красной кожурой, и другие. Но я предпочитал, раз попробовав, «*pukusa*» – крохотные, величиной с указательный палец, с тонкой «шкуркой», на связке – 10–12 плодов. Очень вкусные! Ни в Дар-эс-Саламе, Иринге, в Мбее или Аруше (Танзания), ни в Кампале, Джиндже, в Мбале, Масаке или Кагале (Уганда), нигде – я спрашивал – найти их не удавалось...

Курица на рынке стоила 3,5 шиллинга, и считалось, что это «дорого». На рынках мне доводилось быть вместе с **Чиркиным**, но куры он не покупал ни разу (и правильно делал, и об этом – чуть ниже). Расскажу то, что видел и слышал – в советском цветном короткометражном документальном фильме «Это Занзибар», снятом на островах вскоре после революции 1964 г. и озвученном на суахили. Копию этой ленты передали в дар президенту Занзибара **А. Каруме**.

Мы показали его как-то в лагере Чуквани. Один из сюжетов был снят на рынке, и вот картинка: покупатель подходит к продавцу кур, спрашивает «*Bei gani?*» («Почём?»), услышав в ответ – «*Shilingi tatu u nusu*» («3,50»), бурчит, махнув рукой и недовольно отворачиваясь от него, – «*Chukua mwenyewe!*» (по смыслу – «Оставь себе!», дословно – «Бери сам!»).

Занзибарские куры, даже приготовленные нашими поварами в «Доме холостяков», отнюдь не украшали меню «холостяков». Сколько их ни варишь – мясо жёсткое, не прожухёшь, а если пожаришь – цыплята табака не получатся...

Тоже «дорого» – 1 шиллинг – стоила горстка, с ладонь, удивительного фрукта «*shokishoki*», который мальчишки-продавцы приносили к нашему дому. Тёмно-бордовые, круглые, с грецкий орех, шарики, усыпанные мягкими, не колкими «иглами» (микро-ёжик, одним словом), мякоть с косточкой внутри – белая, сладковатая, приятная на вкус. Ни в самой Танзании, ни в Уганде, Руанде, Бурунди или Кении такого фрукта-ягоды я больше не встречал.

(Заглянул в английский «*A Standard Swahili-English Dictionary*» (первое издание 1939 г., переиздавался неоднократно). Есть «*mshokishoki*»! По-научному – «рамбутан (*Nephelium lappaceum*) – дерево, плодоносящее хороший фрукт» («the Rambutan-tree, which bears a good fruit»). Но ни слова о том, где оно растёт. В танзанийском же «Суахили-суахили словаре» (1981 г.) есть только *описание* этого дерева, его плодов и ничего более.)

Личи – разновидность «*shokishoki*» – теперь продаются и у нас.

... На питание уходило 200 шиллингов в месяц с человека. Собранные деньги отдавали поварам, и проверять их «на честность» не приходилось. В нашем доме старший по званию среди офицеров-«холостяков» (тот самый майор-«шофёр») этим и не думал заниматься. К концу пребывания, т.е. через год, сдавали по 220 – в стране начиналась инфляция...

За 700 или 800 шиллингов (точно не помню), то есть почти за месячную зарплату, я купил у одного из офицеров, уезжавшего домой, японскую кинокамеру «*Canon*» с механическим подзаводом. 8-миллиметровые цветные плёнки к ней можно было найти на Занзибаре. Она служила мне ещё долгие годы, в том числе и в Танзании в 1978–1982 гг.

Порой на улицах нас одолевали настырные мальчишки-прошайки, без устали повторявшие: «*Shillingi moja! Shillingi moja!*». Не отдав этот самый «один» шиллинг, редко удавалось избавиться от них.

Накопительством мы не занимались, тратились, особо не задумываясь. Слышали, как наши офицеры говорили, что за такое время они могли накопить на «Волгу», а кому-то по душе были «Москвич». Мы с Володей о машинах не думали. У него в Москве – жена (женился он первым в нашей группе «суахилистов»), я – собирался вот-вот жениться. Покупали кое-что из одежды (на солнце верхнее белье быстро выцветало и ветшало, обувь в Чуквани «горела» тоже) и всякую всячину, благо «товара» на Занзибаре хватало с избытком. Например, в одном из магазинчиков продавец спросил, женат ли я. Услышав, что пока нет, тут же выложил на прилавок фирменный запечатанный пакет и сказал, что в нем... бандаж для беременных! Я только собирался жениться, но о таком «предмете» не имел никакого представления, да и не знал о его существовании. Разумеется, бандаж я купил, чем несказанно удивил свою невесту по возвращении в Москву. Этот занзибарский «сувенир» послужил ещё и её подругам...

Если дипломаты пользовались «выпиской» из-за границы (т.е. без оплаты таможенной пошлины), нам это было не нужно. Заходишь в какой-то магазин (а большинство владельцев тогда были «*banyani*» – так называли их занзибарцы, в переводе с суахили – «индийцы-торговцы»), тебе дают каталог, что-то выбираешь, продавец тут же пересчитывает доллары или фунты в шиллинги, добавляет 10–15% к сумме (заказ, пересылка, доставка) и говорит: «Приходите через пару недель – месяц!» Всё! В первые годы после революции занзибарский шиллинг был вполне конвертируемой валютой.

Ну, а в Москву я вернулся, получив в окончательный расчёт 5 английских фунтов одной купюрой и 34 американских доллара разного достоинства (за 10 июньских дней и за вычетом примерно 100 шиллингов на питание в июне). Спросите, почему помню? Да потому, что впервые держал в руках заработанную «капиталистическую» валюту! (А любопытствующий читатель может получить ответ на мною же поставленный выше

вопрос, произведя собственный расчёт, который и подскажет «текущий» курс шиллинга на тот период времени к основным мировым валютам)

– Сколько времени вы там проработали?

– Без малого год: из Москвы уехал 16 июня 1965 г., а вернулся 10 июня 1966 года. У меня и трудовая книжка начинается с записи о командировке на Занзибар.

Этот год прошёл быстро. За несколько дней до отъезда меня вызвал **Виктор Михайлович**: «Слушайте, я могу своим приказом оставить вас ещё на 3 месяца. Хотите остаться?» Я говорю: «Нет, не хочу», и объяснил – почему (собирался жениться – и женился 30 июля. В этом году справили с **Оксаной** 45 лет со дня свадьбы). **Володя** остался на Занзибаре ещё на некоторое время.

(Владимир Ефимович тоже кандидат исторических наук. В 1972 г. в ИВЯ на кафедре африканистики защитил диссертацию «Национальный союз африканцев Танганьики (1954–1967)» под руководством А.Б.Давидсона. На подаренном мне автореферате Володя написал: «Олежке с наилучшими пожеланиями скорейшего обмена “рукописями”». Кстати, чуть ли не с первого курса в ИВЯ он в шутку называл меня «Тертерян», нередко добавляя на французский манер – «... дю Тараскон» (примерно так), хотя французского не знал, как и я. Почему? Может быть, моя фамилия «подвигла», оказавшись «созвучной»? А может быть, насмотревшись «Трёх мушкетеров» с Д'Артаньяном во главе, ему пришло в голову: «Д'Артаньян – Тертерян»? Других объяснений не нахожу. Надо у него спрашивать – я его не спрашивал. Но, признаюсь, меня это не раздражало. Не то, что в школе, где я учился: в начальных классах одноклассники обывали меня «тетерей» – наверное, кому-то из них запомнилось: «...мы разиню и тетерю, мы не пустим на порог!» Правда, эта «кличка» продержалась недолго...)

Вместо нас приехали двое, я их уже упоминал – **Саша Довженко** и **Боря Пильников**. Приехали с жёнами и работали вплоть до 1970 г.

(После того, как в середине 1990-х годов на Московском радио была закрыта Главная редакция вещания на страны Африки, **Александр Иванович** перешёл в МИД. Работал первым секретарем Посольства России в Нигерии (1996–1999), советником в Эфиопии (1999–2001), где на этой должности я сменил его, а в 2003–2007 гг. – советником в Зимбабве.

И **Боря** после возвращения из Занзибара связи с Африкой не потерял. Работая в ТАССе, **Борис Васильевич** был корреспондентом на Мадагаскаре, в Камеруне и Нигерии. Зная об этом, я задавал себе вопрос – а почему его, очень хорошо знавшего суахили, руководство агентства так и не направило в суахилиговорящие страны региона? Об этом же спрашивал и **Владимира Алексеевича Корочанцева** (знаком с ним с моих «танзанийских» времен), который заведовал тогда Африканской редакцией в ТАССе. Видимо, в агентстве были свои соображения на этот счёт. Вот и последняя командировка **Бориса** была в ЮАР, откуда он вернулся в 2008 г.)

В заключение, несколько слов о возвращении домой, которое запомнилось двумя эпизодами в Ходейде, одном из крупных городов в Северном Йемене. Думаю, они могут быть интересны читателям.

Спецрейсом **Ил-18** летел по маршруту Дар-эс-Салам – Ходейда – Каир – Одесса – Москва. В Ходейде, куда приземлились днём, предстояла ночёвка. В те годы Москва оказывала Йемену военно-техническую помощь. (Об этом подробнее читайте выше – в воспоминаниях моего коллеги **Толи Иванова**)

В аэропорту меня встретил наш военный переводчик, который работал в Йемене уже более года. Имя не помню, поэтому назову его **Игорем**, дабы продолжить повествование.

В Ходейде **Игорь** подвёз меня к какой-то гостинице, в два или три этажа. Она показалась невзрачной, обшарпанной, с об-

дупленными стенами, стеклянные жалюзи на окнах (стёкол в окнах, как и на Занзибаре, не было) только напоминали о своём существовании... Я спросил у него: «А нет ли получше?» Он в ответ: «А здесь все такие, бывают и похуже». Разместив меня в одноместном номере, **Игорь** сказал, что зайдёт через час. Предложил совершить прогулку по городу. Разумеется, я согласился.

В номере кондиционера не было, влажная духота угнетала, не помогал и потолочный вентилятор. Вода в душе была если не горячей, то очень тёплой. А впереди – ночь, удастся ли поспать? На Занзибаре сон был нормальный, там было полегче.

Перед экскурсией я, на свою беду, облачился в тонкую нейлоновую белую сорочку. О чём и пожалел, едва выйдя с **Игорем** из гостиницы.

Солнце палило нещадно, жара неимоверная – на Занзибаре по сравнению с Ходейдой было просто тепло. А о влажности, к которой я вроде бы уже привык, и говорить нечего – на Занзибаре было просто сухо! Моя рубашка моментально стала мокрой. От теплового удара спасала белая кепочка, а глаза от солнца – тёмные очки.

На улице, где мы шли, было очень многолюдно и оживлённо, туда-сюда сновали видавшие виды легковушки, микроавтобусы, грузовички, трёхколесные мопеды с багажниками, попадались и велосипедисты. Тесноту на проезжей части добавлял гужевой транспорт – повозки, гружённые разными товарами, фруктами и овощами, или с каким-то скарбом. Кто-то тащил их за оглобли, а кто-то погонял осликов перед ними... В общем, «жизнь была ключом».

И вдруг недалеко от нас раздался одиночный ружейный выстрел, за ним другой, третий, и началась настоящая пальба. Здесь, в далекой Ходейде, я вновь оказался в Чуквани, на боевых стрельбах!

Оглянулся вокруг – никакой паники или страха, все и каждый в отдельности продолжали заниматься своими делами, как будто никто ничего не слышал, не видел, а всё происходящее не

имело ровно никакого значения. А пальба как началась, так и закончилась – внезапно!

Я был удивлён до крайности. Посмотрел на **Игоря** – он как шёл, так и продолжал спокойно идти. Ничего не понимая, я спросил: «Что это было?» В ответ услышал: «Мы тут к этому привыкли. Не обращай внимания...».

И вот его рассказ (конечно же, не в дословном изложении): «Здесь это не редкость. Так йеменцы – мужчины выражают свой восторг, если увидят или повстречают красивую женщину, от которой глаз не оторвать. Кто-то пальнёт в воздух, за ним – другой, ну и... Ты сам слышал, поздравляю!»

Игорь посоветовал мне присмотреться к прохожим. Тут-то я и увидел, что многие мужчины – молодые и постарше, а то и старики, почти все – «при оружии». У кого старенькая винтовка-одностволка через плечо; у кого-то пистолет в потёртой кожаной кобуре на боку; у многих – кинжалы за поясом в ножнах, прямые, но чаще «арабские»... И я стал с ещё большим любопытством по сторонам – а вдруг и нам повстречается красавица. Увы... Среди прохожих женщины (или девушки) были, но все они – в чадрах, не разглядишь. Не помню, спрашивал ли я у **Игоря** о «везении» тех, кто только что устроил салют в честь прекрасной женщины...

И другой эпизод. Возвращаясь с **Игорем** с прогулки, заходили в какие-то магазины и лавки. Любопытства ради, я ничего не собирался покупать. Их было много – мы шли по торговой улице, сказал мне **Игорь**. И уже перед самой гостиницей зашли в одну из лавчонок. Поздоровались с продавцом. Он стоял за прилавком и слушал арабские мелодии, доносившиеся из транзисторного приёмника. Немолодой в традиционной джалабе йеменец с тубетейкой-шапочкой с арабской вязью на голове обрадовался нашему появлению и оказался очень разговорчивым.

Каким-то образом он сразу догадался, что мы русские, произнёс несколько слов (какие – не помню) по-русски, в ответ ему

Игорь сказал что-то по-арабски. По реакции продавца я понял, что они знакомы – скорее всего, **Игорь**, один или в компании с советскими военспецами, бывал здесь.

Пока они разговаривали, я подошёл к прилавку. Под стеклом люминесцентная трубка освещала всякую мелочь ширпотреба, уже и не вспомнить. А по центру прямо на меня «смотрели» какие-то плотные, как показалось, перчатки – слегка пыльные, из тёмно-красной кожи, с тёмными же, коричневатыми, в общем, почти в тон цвета перчаток металлическими рифлёными кнопками-заклёпками на запястье, с замысловатыми, неброскими строченными узорами...

Мне стало интересно, я подозвал продавца. Он мигом подошёл, начал объяснять, какой у него товар и откуда, что и почём, всё время повторял – «это отдам подешевле, и это тоже...», говоря при этом «дисконт» (именно так, а не по-правильному «дискаунт» – «discount»). Он явно увлёкся, рекламируя свои товары, и очень быстро говорил по-английски... Пришлось его остановить.

Продавец показал мне перчатки. Едва притронувшись, я сказал себе: беру – качество выделки кожи бросилось в глаза. И сказал «тем более беру!», заглянув «внутри». Вы не поверите – они были на меху! Я подумал: откуда они здесь, в такой жаре, где и снега-то никогда никто не видел? И для кого?

(Здесь я не прав. Тогда не знал, что недавно, в 1962 г., в этих краях выпадал снег – природное явление, которое напоминает в Йемене о себе раз в 60 лет! Об этом рассказал **Толя Иванов** в своих воспоминаниях на одной из страниц сборника, который читатель держит сейчас в руках. Ещё в его рукописи прочитав эти строки, вдруг подумал, когда писал свою часть «мемуаров», – «Неужто в ожидании снегопада йеменцы закупили перчатки, а «герой» моего эпизода каким-то образом «заляжался» в той самой лавке в Ходейде?...)

Не меньшее удивление вызвал «фирменный» лейбл на кнопках перчаток – «*British make*»! Никогда такого не видел.

На Занзибаре попадались товары с надписями «*Made in Britain*» или «*Made in Hong Kong*». Но никак не «...*make*»!

Пока я мерил перчатки – а они мне подошли: размер 9 1/2, как и было указано на них, – руки тут же вспотели, и пришлось их снять. Но не покидал вопрос: откуда они? Спросил у Юры, попадались ли ему такие перчатки ещё где-нибудь, может, кто из советских военных специалистов видел их и покупал. Ответ был отрицательный, хотя добавил, что «на Востоке всё может быть...» (Как тут не вспомнить крылатое – «Восток – дело тонкое...»!) А продавец вспоминал-вспоминал, но не вспомнил. Наконец сказал, что получил их, наверное, с какой-то партией товара из Лондона, в которую, по его словам, «эта единственная пара и попала, случайно».

С ним я долго не торговался, он сделал мне обещанный «дисконт». А на прощание продавец сказал, что теперь всем своим покупателям будет рассказывать: у него купил меховые перчатки не абы кто, а русский! И добавил, радуясь удаче (продал-таки залежалый товар), что в новой партии обязательно будут две – три пары. Довольные друг другом, мы попрощались...

Этот эпизод запомнился не только потому, что это была моя единственная покупка в Йемене. Перчатки на меху, которые в те времена было не достать в Москве, «служили» мне долго-долго – оказались качественными, видимо, и вправду были «*British make*», – пока не потерял одну из них... Об этих перчатках, их «происхождении» часто рассказывал друзьям...

* * *

На этом можно было бы и закончить воспоминания. Но хочу рассказать ещё об одном – для полноты картины.

Вернувшись в Москву, я продолжил обучение в ИВЯ по индивидуальной программе, начал работать над дипломом «Занзибар до революции 1964 г. (социально-экономические и политические предпосылки революции)». Моим научным руководи-

телем был доцент **Л.А.Фридман** (уже давно профессор, доктор экономических наук, по-прежнему преподает в ИСАА МГУ).

И вдруг осенью меня вызывают в ректорат ИВЯ. В кабинете – ректор **Александр Александрович Ковалёв** и проректор по научной работе **Михаил Филиппович Юрьев**, которому я уже говорил о своём желании поступить в аспирантуру на кафедре африканистики, заручившись поддержкой **Фридмана** и заместителя заведующей кафедрой **Н.В. Охотиной**.

Войдя в кабинет, поздоровался и, взглянув на **Ковалёва** и **Юрьева**, сразу почувствовал: встретили они меня недружелюбно и ожидать чего-то хорошего не приходится. Ректор с некоторым раздражением в голосе начал разговор с того, что «...в Институт пришло письмо о вашей работе на Занзибаре». На мой вопрос – «от кого и о чем?» – ответа не последовало. Дальше – больше. Оказывается, на Занзибаре я «занимался не языком, а барахольством» (именно так выразился **Ковалёв**). Говорили мне ещё что-то на тему «как я до жизни такой дошёл» и т.п. Всё – в обвинительном ключе!

Я не сразу нашёлся, что ответить – настолько был обескуражен и ошарашен от услышанного. О каком «барахольстве» можно было говорить, если при окончательном отъезде разрешённый и оплаченный командирующей стороной вес груза составлял всего 80 килограммов? Да с учётом веса чемодана и ящика, сколоченного для меня умельцами-занзибарцами, а также подшивок газет, какой-то литературы и словарей. А «оказий» для отправки в Москву какого-либо «барахла» или посылок из Занзибара в нашу бытность на островах просто не было. В общем, диалог не получился, и я попросил пару дней на размышление.

На новой встрече в том же составе я рассказал о сказанном выше и попробовал объяснить, что, готовясь к свадьбе, действительно делал покупки: себе и невесте, подарки – родителям, сестре, родственникам, друзьям. Что-то привёз и на продажу в «комиссионках», чтобы, поступив в аспирантуру (тут я обернулся к **Юрьеву**), на первых порах не очень зависеть от ро-

дителей, и не задумывался, что это грешно. Сказал и о том, что приехал в Москву, имея на руках те самые фунты с долларами. Мои доводы показались им неубедительными.

Тогда я продолжил: «А если бы вместо всего этого «барахла», как вы говорите, я «привёз» бы с Занзибара **«Запорожец»** или **«Москвич»** (что в принципе было возможно, если во всём себе отказывать) – это не стало бы для вас «барахольством?» Мои оппоненты промолчали. Я спросил: «А вы знаете, что на Занзибаре я перевёл на суахили «Полевой устав Советской Армии?» Удивившись, они ответили «нет». – «А вам известно, что начальник нашей группы просил меня остаться ещё на 3 месяца?» Они не знали и об этом.

Тут до меня дошло – «письмо» пришло не из Минобороны, откуда в ИВЯ должна была поступить характеристика, как это водится. Значит, постарался кто-то из «доброжелателей»...

В завершение беседы я сказал ректору и проректору, что при таком отношении у меня отпало всякое желание поступать в аспирантуру родного Института. На том и разошлись – каждый из нас остался со своей «правдой».

...Весной 1967 г. я, студент VII курса, сдавал госэкзамены. В разгар выпускной сессии получил повестку из районного военкомата. Прихожу туда. Мне предложили работу военным переводчиком (с английским) в Египте. Видимо, к ним попала моя «правильная» характеристика из Минобороны. Поблагодарив за приглашение, отказался, объяснив, что лишь недавно год проработал военным переводчиком в Танзании, на Занзибаре, собираюсь поступать в аспирантуру. А ведь мог оказаться среди наших военных советников в «шестидневной войне» с Израилем...

Защита дипломной работы прошла успешно (храню её до сих пор, она стала «отправной точкой» моей кандидатской диссертации о Занзибаре, которую защитил в Институте Африки АН СССР, куда и поступил в аспирантуру осенью того же года). На экзамене по английскому получил «5», по суахили, разумеется, тоже «отлично». Выйдя из аудитории, где сдавал госэкза-

мен по суахили, случайно встретился с **Юрьевым**, показал ему «зачётку» и сказал, не удержавшись: «А вы думали, что я не знаю суахили?» (что-то в этом роде).

Всю эту историю с «письмом» я чуть позже рассказал отцу. К тому времени он, полковник, уже почти 25 лет служил во внешней разведке (ПГУ КГБ при Совмине СССР). В середине 1960-х курировал Восточную Африку, из инспекционных поездок по странам региона привозил мне газеты, журналы и книги на суахили, «суахили-английские» и «англо-суахили» словари. Так вот, по своим каналам он узнал, кто писал то самое «письмо», назвал мне фамилию и имя. И этого человека я знал. Знаю и до сих пор, но он не знает, что я знаю.

Ну и Бог с ним, как говорится. Может, и прочтает когда-нибудь эти строки. Зла не держу – столько лет прошло, но от всей этой «грязи» неприятный осадок остался...

Студент ИВЯ со значком 3-го разряда по стрельбе. Вручил начальник Военной кафедры МГУ полковник **Михаил Михайлович Морозов** за 3-е место (96 из 100 – из мелкокалиберной винтовки в положении «лёжа» на дистанции 50 метров) на соревнованиях среди «курсантов» гуманитарных факультетов МГУ (февраль 1961 г.).

С лобстерами на берегу Индийского океана

Первое знакомство с орехами в занзибарской деревушке

Советские военспецы на плацу в лагере Чуквани. Автор – справа от фоторепортера (в светлых брюках, рубашка на выпуск).

Лагерь Чуквани. Солдаты в ожидании «Кока-Колы» после репетиции военного парада. В углу слева – «mwarabu Ali».

Тетерин. Занзибар. Грузовики ГАЗ-63. Артиллерийское орудие ЗИС-3 калибра 76 мм и миномёт обр. 1938 г. калибра 120 мм

В декабре 1965 г. президент Занзибара **А.А. Каруме** и высшие занзибарские военачальники инспектировали работу советских военных специалистов в лагере Чуквани.

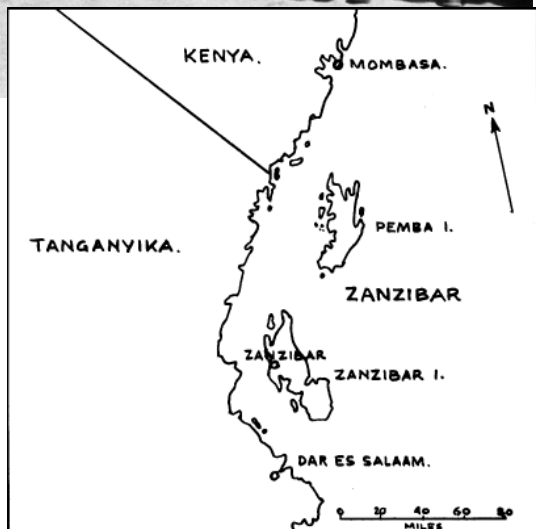
На фото (занзибарцы вручили их на память каждому из нас):

1-й ряд. В центре – начальник группы **В.М. Григорьев**, слева от него – президент **А.А. Каруме**, справа – начальник Генштаба **Али Махфуд**. Слева от **Каруме** – Главный политкомиссар, глава служб безопасности **Сейф Бакари**.

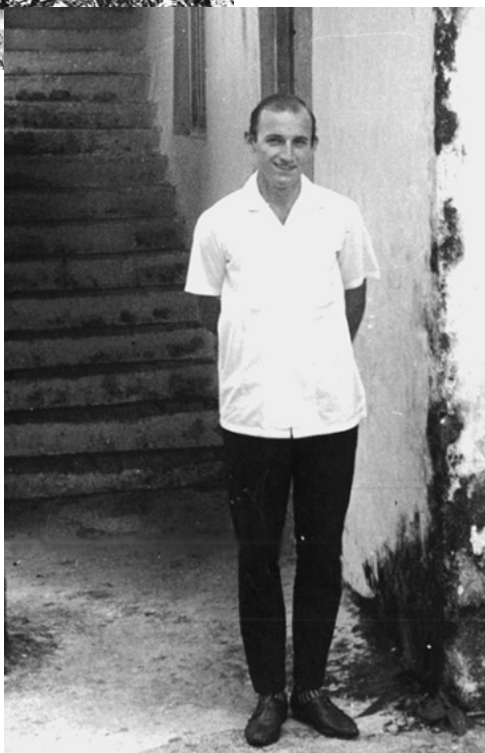
2-й ряд. Автор – слева в темных очках, рядом с ним – переводчик **Ваня**. Правее (в центре) – майор **Б.Н. Линёв**, далее – переводчик **В. Овчинников** (сзади **Григорьева**) и майор (наш «шофер»), пожий на **Цилинскиса**).

Схема расположения островов Занзибар и Пемба.

Вабу Алі во дворе
«Дома холостяков»

У входа в комнату-
квартиру

Ил-18. Транспортный вариант. Музей ВВС в Монино.
Фото Геннадий Шубин

АН-2. Авиасалон МАКС в Жуковском. Фото Геннадий Шубин

В ЕГИПТЕ И НА ЗАНЗИБАРЕ (1960–1966 гг.)
Мемуары советских военных переводчиков

Редакторы-составители:

к.и.н. полковник запаса Токарев Андрей Александрович
к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

Редактор Гришина Н.В.

Компьютерная верстка Рудакова Е.Е.

Издатель Белый Н.Б.

Утверждено к печати учёным советом
Института Африки РАН

Издательство «Memories»

101000, Москва, Б. Златоустинский пер. д. 2/8, стр. 1

Тел. (495) 107-86-26

www.membook.ru

e-mail: info@membook.ru